

**СОЛНЦЕ
ПУТЕШЕСТВУЕТ ПО МИРУ,
ЧТОБЫ РАССЕЯТЬ ТЕНИ**

*Путешественники и исследователи
на Великом шелковом пути*

Рустам Мирзаев

Солнце путешествует по миру, чтобы рассеять тени

Путешественники и исследователи на Великом шелковом пути

Неисчислимое множество людей, целые народы прошли за два тысячелетия существования Великого шелкового пути по его ветвям. Имена немногих из них удостоились чести войти в историю.

В настоящем сборнике очерков Рустама Мирзаева представлены выдающиеся путешественники и исследователи, отправлявшиеся в разные века по маршрутам великой древней дороги и оставившие бесценные свидетельства для потомков.

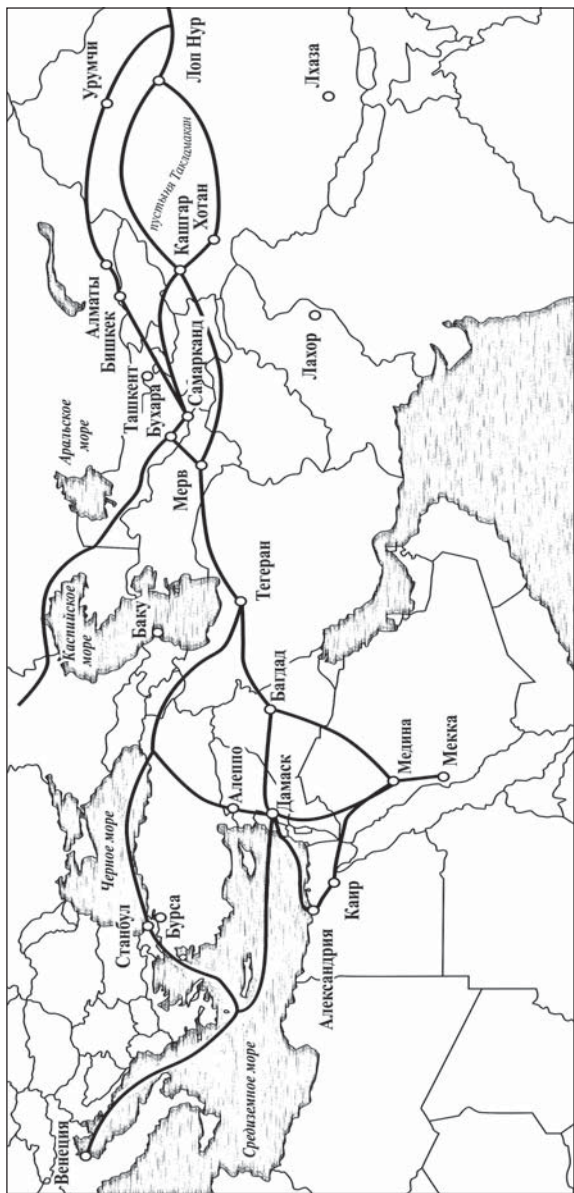
РУСТАМ МИРЗАЕВ

**СОЛНЦЕ
ПУТЕШЕСТВУЕТ ПО МИРУ,
ЧТОБЫ РАССЕЯТЬ ТЕНИ**

*Путешественники и исследователи
на Великом шелковом пути*

*Сюань Цзян
Ибн Фадлан
Марко Поло
Ибн Баттута
Иоганн Шильтбергер
Руи Гонсалес де Клавихо
Энтони Дженкинсон
Арминий Вамбери
Алексей Федченко
Василий Ошанин
Габриэль Бонвало
Жозеф Мартен
Свен Хедин
Рафаэль Пампелли
Элла Майяр*

**Великий шелковый путь,
Центральная Азия**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
По Шелковому пути — к буддийским святыням. Сюань Цзян	22
Ибн Фадлан. По пути в страну тюрок	37
Очарованный странник. Маршрутами Марко Поло	48
«Посмотреть мир, радуя сердце...» Путешествия Ибн Баттуты	59
На службе у темуридов. Странствия Иоганна Шильтбергера	73
Руи Гонсалес де Клавихо при дворе правителя Мовароуннахра	84
В Бухару — с торговым караваном. Энтони Дженкинсон	95
Арминий Вамбери: под маской дервиша	107

По долинам и по взгорьям. Алексей Федченко в Средней Азии	119
Посвятивший себя Туркестану. Василий Ошанин	133
«Неизвестная Азия» Габриэля Бонвало	146
Последнее путешествие Жозефа Мартена	168
Открытия Свена Хедина на Шелковом пути	180
Рафаэль Пампелли. В поисках древних цивилизаций	191
Элла Майяр. Дорога длиною в жизнь	210

ВВЕДЕНИЕ

*Если путь твой к познанию мира ведет,
Как бы ни был он долог и труден — вперед.*

Фирдоуси

Страсть к путешествиям, странствиям, охота к перемене мест в роду у человека. Еще первобытные племена кочевали по земле в поисках лучшей доли. В бесконечной череде веков походы, кочевья, переселения людей и народов занимают, пожалуй, не меньше места, чем оседлая жизнь. Начало Великому переселению народов на закате Римской империи положило движение гуннов, которые в поисках земли и пастбищ из Центральной Азии дошли до берегов Черного моря. На своем пути они «потеснили» другие народы, в том числе готов, так что гигантская волна переселений прокатилась по всей Европе.

Или взять эпоху Великих географических открытий нового времени. В поисках морского пути в Индию и Китай, своего рода противовеса сухопутному Великому шелковому пути, экспедиция Христофора Колумба открыла целый американский континент. В этом человеке, быть может, с наибольшей полнотой отразились лучшие черты путешественника: одержимость высокой идеей и верность поставленной цели, практический ум и организаторский талант, упорство и воля, мужество и терпение. И, наконец, госпожа удача, которая, что ни говори, была милостива к фантастическим проектам великого мореплавателя.

Христофора Колумба и его современников манили сказочные богатства Востока — золото, пряности, драгоценные камни.

В 1896 году на Аляске, на реке Клондайк, нашли богатое месторождение золота. И началась знаменитая «золотая лихорадка». Тысячи людей охватил дух приключений, дух авантюризма и наживы. Разбогатели, впрочем, немногие. И «белое безмолвие» вновь воцарилось в северных краях.

Но люди, по-видимому, никогда не откажутся от поиска сокровищ, как никогда не переведутся искатели приключений. В поисках золота инков в Андах в 1911 году было сделано открытие загадочного города Мачу-Пикчу. Страсть к добыче золотых кладов перекинулась в наши дни на моря-океаны. Снаряжаются целые экспедиции с применением новейших технических средств для извлечения сокровищ из затонувших судов, в частности, знаменитых испанских каравелл, не доплывших из Америки до родных берегов. Искатели сокровищ добрались уже и до «Титаника».

В XX веке путешествия совершались и большими международными экспедициями с применением новейших технических достижений, и одиночными походами с помощью самых удивительных средств передвижения. Тур Хейердал, например, первое свое путешествие через Тихий океан совершил на плоту из бальсовых бревен «Кон-Тики», а второе — через Атлантику проделал на папирусной лодке «Ра».

Пожалуй, ни один регион в мире не привлекал так много путешественников и исследователей, как Великий шелковый путь — главная межконтинентальная

артерия, связывавшая Восток и Запад. Начало Великого шелкового пути относят ко II веку до нашей эры, когда для китайцев впервые был открыт Западный край — страны Центральной Азии. Тем самым как бы были соединены в одно целое две великие дороги. Одна шла с Запада, из стран Средиземноморья в Центральную Азию вплоть до Яксарта — Сырдарьи. Другая вела с Востока, из Ханьской империи в Центральную Азию через Бактрию и Согд. Выдающуюся роль в этом соединении двух великих цивилизаций сыграли народы Центральной Азии, которые стали проводниками на новом пути.

Само название Великого шелкового пути связано с драгоценным для стран Запада товаром — шелком. Считается, что секрет изготовления шелка из коконов шелковичного червя был открыт китайцами пять тысяч лет назад. И шелк стал основным товаром, который в конце второго века до нашей эры познакомил два мира — Запад и Восток на первой в истории человечества трансконтинентальной дороге. В лучшие для себя времена этот путь простирался от берегов Японии до столицы Римской империи и ветвился на множество дорог, подобно кроне раскидистого дерева.

И кто только ни двигался по Великому шелковому пути: купеческие караваны, дипломатические миссии, отряды военных, вереницы богомольцев и миссионеров, ватаги искателей приключений, научные экспедиции — всех не перечислить! Китайские источники сообщают сведения о торговых связях с Персией и военных набегах на Фергану во II веке до нашей эры. Великий шелковый путь способствовал

проникновению из Индии в Китай буддизма в IV–V веках. Позже из Малой Азии на восток и на север стало распространяться учение ислама. Дорогу морем из Европы в Южную Азию проложил португалец Васко да Гама. Русский купец Афанасий Никитин оставил потомкам записи о своем «Хождении за три моря» в Персию и Индию. В освоение и процветание Великого шелкового пути свою долю внесли многие страны и народы. По его тропам прошли тысячи и тысячи людей, но лишь единицы из них оставили свой след в истории — дневниковые записи, заметки о путешествии, научные трактаты.

В этой книге собраны очерки о путешественниках и исследователях, прошедших дорогами Великого шелкового пути на протяжении полутора тысячелетий. Они были людьми разных национальностей — китаец Сюань Цзян, итальянец Марко Поло и испанец Клавихо, арабы Ибн Фадлан и Ибн Баттута, русские Ошанин и Федченко, англичанин Дженкинсон и немец Шильтбергер, французы Мартен и Бонвало, американец Пампелли и венгр Вамбери, швед Хедин и швейцарка Майяр. Среди них были паломники, миссионеры, купцы, ученые, дипломаты, исследователи и журналисты. Всех их объединяло стремление к познанию неизведанного. Читая их книги, научные труды, дневниковые записи, мы окунаемся в историческое прошлое стран, лежащих на Великом шелковом пути, знакомимся с обычаями и нравами раннего средневековья и эпохи темуридов, становимся свидетелями борьбы за власть между представителями различных династий. Перед нами проходят и картины жизни Туркестана в составе Российской

империи и периода «социалистического эксперимента».

Первыми, кто познакомил Европу с Центральной Азией, были греки — участники походов Александра Македонского. Но затем в течение многих веков Азия была недоступна европейцам. И, пожалуй, первым достоверным письменным источником о связях Китая с Центральной Азией можно считать «Записки о путешествии по западным территориям» буддийского монаха Сюань Цзяна, жившего в VII веке. Молодой монах, изучая буддийские тексты, пришел к выводу, что в переводах с санскрита имеется много неточных и путанных мест, а в самих собраниях рукописей существуют большие пробелы, и решил совершить паломничество в Северную Индию, где зародилось само учение и где жил его основатель. Путь его лежал через пустыню Такла-Макан, Турфанскую долину, горы Тянь-Шаня. Он посетил Самарканд, Шихрисабз и Термез. В итоге родилась книга «Записки о путешествии по западным территориям», где, по словам историков, автор «к голым костям дат, династических имен и официальных текстов добавил плоти и крови живого красочного описания». Книга и сейчас служит ценным источником для исследования раннего Средневековья в странах Азии.

В течение многих веков для европейцев основным источником сведений о Востоке были рукописи арабских авторов. Один из них — Ахмед ибн Фадлан служил писцом-чиновником при главе Аббасидского халифата. В начале десятого века в составе посольства багдадского халифа он совершил путешествие через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию

с богоугодной целью обратить ее население в ислам. Миссия выехала из Багдада в июне 921 года и почти год находилась в пути, двигаясь в основном по торговым маршрутам, освоенным арабскими купцами. После возвращения на родину Ибн Фадлан составил подробный отчет о своем путешествии, который он сам назвал «Рисале» — «Записка». Но за этим скромным названием скрывалось яркое и правдивое повествование, которое получило широкую известность на Востоке и стало для нас культурным памятником своей эпохи.

Шейх Абдаллах ибн Баттута жил четыре века спустя. Он родился в 1304 году в африканском городе Танжере, но родным для него стал марокканский город Фес. С молодых лет Ибн Баттута загорелся страстью к путешествиям, желая «посмотреть мир, радуя сердце, увидеть разные диковины, услышать о чудесах, получить обширные познания, познакомиться с интересными людьми, испытать судьбу». И он сполна исполнил все свои желания. Шейх четыре раза посетил Мекку и Медину. Он побывал в Сирии, Малой Азии, Крыму, южных областях России, дойдя до Волги и столицы Золотой Орды — Нового Сарая. Интереснейший этап его путешествий — Центральная Азия, где Ибн Баттута повидал Ургенч, Бухару, Самарканд, Термез. Наконец, он добрался до Индии и ее столицы Дели, а затем побывал и «на краю известного мира» — в Китае. Свои странствия, которые продолжались без малого тридцать лет, он описал в книге, известной под названием «Путешествие Ибн Баттуты», которая стала одним из высших достижений мировой географической литературы.

Как и многие, странствующие по дорогам Великого шелкового пути, Марко Поло был купцом, родом из Венеции. Он первым из европейцев посетил страны Центральной, Восточной и Южной Азии. В 1271 году, вместе с отцом Никколо и дядей Маффео, Марко достиг столицы великого хана Хубилая. Молодой итальянец добился благоволения хана и, получив полномочия личного посланника повелителя, много ездил по провинциям Китая, выполняя его поручения, побывал и в других азиатских странах. В 1295 году, спустя почти четверть века, он вернулся в Венецию богатым человеком. Рассказы Марко Поло о его путешествии были записаны его современником, и родилась «Книга, именуемая о разнообразии мира», которая сделала его знаменитым и стала на протяжении нескольких веков излюбленным предметом чтения во многих странах Европы.

Удивительная судьба забросила баварского рыцаря Иоганна фон Шильтбергера на несколько десятилетий в чужие страны. Четырнадцатилетним юношей он ушел в 1394 году с войсками крестоносцев в Константинополь отвоевывать христианские святыни. В битве при Никополе попал в турецкий плен и с тех пор, как говорили в народе, служил семи ханам у семи шатров. Иоганн Шильтбергер прожил жизнь образцового наемника своего времени, участвовал во многих сражениях и спустя тридцать три года после начала скитаний благополучно вернулся на родину. Память о нем неизбежно затерялась бы во тьме веков, но он создал интересную «Книгу странствий», в которой описал годы его службы у султана Баязида, Амира Темура, хана Едигея и тем самым обессмертил свое имя.

Современник Шильтбергера испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо занимает заметное место в истории мировой дипломатии. Снаряженное королем Кастилии и Леона Энрико III посольство прибыло в столицу империи Тимура Самарканд в 1404 году. Это был ответный визит испанцев на посещение Мадрида посланником Сахибкирана с дарами «для закрепления дружбы». Де Клавихо и его спутники были благосклонно приняты восточным владыкой, наделены ответными подарками, письмом к королю и охранной грамотой для путешественников. Испанский гость имел возможность свободно наблюдать жизнь двора, Самарканда и его окрестностей, других мест, которые он посетил. И постоянно вел записи, которые впоследствии вылились в «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура». Сочинение де Клавихо отличается зоркой наблюдательностью, объективностью, точностью и живым, красочным языком. Дневник путешествия испанского посланника по праву вошел в золотой фонд мировой культуры.

Десятки известных в истории путешественников были прежде всего торговыми людьми, а потом уже искателями, первооткрывателями, землепроходцами. Купцом был и англичанин Энтони Дженкинсон, который в шестнадцатом веке пытался сухопутным путем достичь Индии и Китая через Центральную Азию. В 1558 году экспедиция под руководством Дженкинсона отправилась из Москвы в далекий путь. Восемь месяцев продолжалось путешествие, во время которого участники экспедиции посетили Нижний Новгород, Казань, Астрахань, Ургенч и наконец добрались до Бухары. Дженкинсон был принят

правителем Бухары Абдуллаханом, которому английский купец вручил письмо от русского царя и подарки. В свою очередь, хан одарил путешественника и его спутников. Далее караванные тропы Великого шелкового пути вели на восток через Ташкент и Кашгар, но там уже три года шла война. Дженкинсон не стал подвергать экспедицию новым опасностям и вернулся домой с большим караваном товаров.

О венгерском ученом и исследователе Армии Вамбери культурная публика знает прежде всего по его путешествию в Центральную Азию, куда он проник под видом странствующего мусульманского монаха — дервиша. А необходимость в маскировке заключалась в том, что и Хива, и Бухара, и Самарканд в середине девятнадцатого века были закрыты для «неверных», и нарушение этого запрета грозило гибелью. Целью же путешествия было изучение происхождения мадьяр и родства их языка с языками тюркских народов. Арминий Вамбери писал: «Я надеялся найти у кочевников азиатских степей и у горожан, живущих к востоку от Оксуса (Амударья), такие элементы речи, которые позволили бы мне установить бесспорное сходство и родство этих языков с мадьярским. Мысль о путешествии в Центральную Азию занимала меня много лет». И ученый совершил это смелое и необычайное путешествие в 1863 году. А два года спустя вышло в свет его «Путешествие по Средней Азии», сразу сделавшее автора знаменитым. Впоследствии ученый состоял профессором восточных языков Пештского университета, посещал разные места, написал немало научных работ, но путешествие, которое он совершил в молодости, бывает только раз в жизни.

Во второй половине девятнадцатого века в связи с развитием техники караванные тропы Великого шелкового пути уступают место железнодорожным магистралям. Центральная Азия стала доступнее для Запада и, в частности, для европейцев. Теперь путешественники, как правило, преследовали научные цели.

Геолог и картограф Жозеф Мартен, родившийся в небольшом французском городке Вьене, умер и похоронен в Фергане. Судьба забросила его в Россию, где он исследовал золотоносные месторождения в Сибири и Якутии. Отважный путешественник совершил несколько экспедиций по Забайкалью и Дальнему Востоку, прошел из Пекина через весь Китай с востока на запад, с горсткой спутников преодолел пустыню Такла-Макан и старинными караванными дорогами Великого шелкового пути вышел, уже смертельно больной, через Кашгарию и Тянь-Шаньские горы в Ферганскую долину, последнее пристанище на его жизненном пути. Коллекция образцов минералов и путевые заметки, которые вел Жозеф Мартен во время экспедиции, стали весомым вкладом в историю научных исследований Центральной Азии.

Известный шведский географ, один из самых авторитетных востоковедов конца девятнадцатого века Свен Хедин, по собственному его признанию, посвятил свою жизнь изучению тех регионов Центральной Азии, которые никто из европейцев не посещал. К его несомненной заслуге можно отнести формирование первых комплексных экспедиций, в которые входили ученые разных специальностей. Свен Хедин совершил шесть путешествий в Центральную Азию, во

время которых были произведены гидрологические, антропологические исследования, собраны уникальные геологические и ботанические коллекции. В своей книге «Через Азию» он увлекательно описал самый длительный поход, маршрут которого пролегал по одной из ветвей Великого шелкового пути из Ферганской долины через Кашгар, озеро Лобнор, Северный Тибет до Пекина, то есть почти повторял путешествие Жозефа Мартена, но не с востока на запад, а в обратном направлении. Одним из важных научных результатов этой экспедиции было доказательство существования древних троп и поселений на южном побережье Лобнора, по которым некогда двигались караваны с шелком из Китая в западные страны.

После присоединения Туркестана к России заметным стало участие русских ученых в изучении и освоении громадного края. Люди разных профессий и образования, научных и общественных взглядов, они все сходились во влечении и привязанности к Востоку. Таким был Василий Федорович Ошанин, один из основателей, а затем и руководитель Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Особое место в жизни ученого занимает первая научная экспедиция в Каратегин и к верховьям Амударьи, организованная в 1878 году. Путешествие по малодоступным горным районам Памира ознаменовалось открытием горных хребтов Петра Первого, Каратегинского, Дарвазского и огромного горного массива, впоследствии названного хребтом Академии наук. Большой заслугой экспедиции было также открытие обширной ледниковой зоны.

Всю свою недолгую жизнь посвятил исследованию Центральной Азии и Алексей Павлович Федченко. Специалист по зоологии, он увлекался также ботаникой, антропологией, геологией, что отчасти объяснялось малочисленностью научных кадров в крае. И экспедиции ему приходилось совершать по местам, где порой вообще еще не бывали русские, не то чтобы ученые. Например, путешествие по долине реки Зеравшан вплоть до ее истоков, которое положило начало изучению горной флоры и фауны западной оконечности Тянь-Шаня. Экспедиции под руководством А.Федченко многое сделали для исследования горных районов Центральной Азии. Он считается первооткрывателем целого ряда горных хребтов, в том числе Зеравшанского, Гиссарского, Туркестанского, Алайского и Заалайского. А.Федченко был одним из пионеров изучения ледников Центральной Азии, гигантский ледник в верховьях долины Сельсу назван его именем. Он погиб, не дожив до тридцати лет, при тренировочном восхождении на один из ледников Монблана.

Известный американский геолог профессор Гарвардского университета Рафаэль Пампелли во время подготовки к публикации научных материалов об экспедиции в Китай и Монголию обнаружил в старинном фолианте, принадлежавшем перу Конфуция, карту Таримского бассейна с рукописной пометкой «Здесь проживают усуны, народ с рыжими волосами и голубыми глазами». В другой заметке сообщалось о сотне древних городов, погребенных под песками. Надо заметить, что в конце девятнадцатого века умы европейских и американских ученых будоражила

проблема происхождения арийской расы. Находки настолько заинтересовали Пампелли, что, основываясь на комментариях к книге Конфуция и собственных научных выводах об изменении в доисторические времена климата и природных условий на земле, он предположил, что прародина арийцев могла находиться в Центральной Азии. Он предпринял несколько путешествий в Туркестан, в которых участвовали, кроме него самого, археологи, этнографы и другие специалисты. Во время этих экспедиций, кроме важных геологических изысканий, были проведены археологические раскопки руин древнего Аксикента близ Коканда, в высокогорных долинах Памира были обнаружены народы, говорящие на арийских языках. Но главным открытием Пампелли в Центральной Азии, увековечившим его имя, стали раскопки кургана в Анау в Туркмении, где были обнаружены поселения людей, относящиеся к VI—III тысячелетиям до нашей эры.

Проблема возникновения рас занимала не только американца Пампелли. Французский ученый Габриэль Бонвало, которого можно причислить к плеяде самых выдающихся путешественников девятнадцатого века, на протяжении десяти лет совершивший шесть экспедиций в Центральную Азию, также считал, что корни оседлых узбеков, или сартов, принадлежат к арийской расе. Он первый из европейцев посетил руины Старого Термеза и произвел там археологические изыскания. Книга «Из Москвы в Бактрию» с описанием путешествия, полного увлекательных приключений, принесла ему необыкновенную популярность. С горсткой смельчаков Бонвало на верблюдах

и лошадях пересек всю Азию от озера Балхаш через Памир, Тибет до Красной реки в Индокитае, и везде встречал свидетельства процесса миграции народов по Великому шелковому пути.

Элла Майяр в этой книге — единственная женщина-путешественница. И путь ее нередко лежал на край света, куда решился бы не всякий мужчина — любитель приключений. Но западная цивилизация ее не привлекала. «Безрассудный материализм» Европы ее отгалкивал, и все помыслы путешественницы обратились на Восток. Используя все виды транспорта — от самолета до верблюдов, она в начале тридцатых годов XX века пересекла Советский Туркестан от Тянь-Шаня до Аральского моря. Итогом поездки стала книга «С Небесных гор до Красных песков. Туркестанское соло» о путешествии по прекрасной и загадочной стране. Выдающимся по своему значению стало ее путешествие в Маньчжурию, оккупированную Японией. Возвращаясь из охваченного войной края, Элла Майяр совершает рейд из Пекина, через северный Тибет до оазисов Синьцзяна — колыбели древней культуры, пройдя по горным тропам Каракорума и Памира, добирается до Кашмира. Вспоминая эту поездку, Элла Майяр писала: «Я хотела, чтобы это путешествие продолжалось всю жизнь». Они и продолжались всю жизнь — ее странствия. Элла Майяр прожила девяносто четыре года, а последнее свое путешествие — на Тибет совершила в восемьдесят два года.

Говорят, на земле не осталось места для приключений и открытий. Ничего подобного! Сколько еще открытий может преподнести Великий шелковый

путь, сколько научных сюрпризов сулят путешествия в Тибет или Гималаи, или экспедиции на другие отрезки древней магистрали. Уже несколько лет в Сурхандарье японские археологи совместно с узбекскими учеными исследуют остатки буддийских монастырей и храмов близ Старого Термеза. Ждут ученых руины зороастрийских святилищ в Каракалпакистане, каравансарай и поселения на древних караванных тропах, погребенные под вековыми наслоениями...

**ПО ШЕЛКОВОМУ ПУТИ —
К БУДДИЙСКИМ СВЯТЫНЯМ.
СЮАНЬ ЦЗЯН**

Говорят, путешественником надо родиться. Иначе трудно понять, почему один живет, не покидая родного дома, а другой проводит жизнь в экспедициях и походах. Испытанных землепроходцев во все века было немного, и имена их становились известными всему свету. Тем более на Востоке, где путешествие всегда считалось благочестивым занятием, направлялся ли в дальний путь торговый караван или шагал одинокий путник по «святым местам».

Молодому буддийскому монаху Сюань Цзяну в его путешествии из Китая в Индию доводилось быть и хозяином большого каравана, и простым пилигримом с посохом в руке. Он испытал много опасностей, пережил немало приключений, бывал на краю гибели, но даже в самые тяжелые минуты не терял

присутствия духа, воспринимая испытания, как и подобает буддийскому монаху, — философски. Единственное, что он не позволял себе на своем долгом пути — это повернуть назад. Таким образом он преодолел десять тысяч миль. И недаром китайский император Таи Тсун из династии Тан называл Сюань Цзяна «сокровищем империи». Имя этого молодого монаха, совершившего в седьмом веке путешествие по Великому шелковому пути, стало известно в Азии, так же, как имя Марко Поло в Европе.

«Записки о путешествии по западным территориям во времена правления в Китае династии Великого Тана», которые Сюань Цзян написал для императора Таи Тсуна, и в наше время остаются основным документом об Азии до прихода туда воинов ислама. Он создал представление о Великом шелковом пути и удивительном средневековом мире, в котором странники были посланцами доброй воли, искателями приключений, исследователями, философами и проповедниками религиозных учений.

Сюань Цзян родился в провинции Хунань в 602 году в конфуцианской семье, где ученость и образованность были традицией. Под влиянием одного из его четырех старших братьев, ставшего буддийским монахом, восьмилетний Цзян начал изучать буддийские письма.

В двенадцать лет он проявил удивительное упорство в достижении цели, добываясь посвящения в монахи. Заявив чиновнику, что его «единственной целью в осуществлении этого шага является широкое распространение света религии Будды», он опередил

несколько сотен гораздо более старших по возрасту кандидатов и стал послушником мужского монастыря.

Несколько лет Сюань Цзян изучал истины буддизма, мистическое учение Большой Колесницы, или Махаяны, постигал мудрости «Бодхисатвы» — пути нравственного самосовершенствования. Его философией стало сострадание и милосердие, помогающие всем сознательным существам добиться спасения. В 622 году он был полностью посвящен в монахи. По словам современников, молодой монах был красивым высоким юношей со статной фигурой, яркими глазами, свежим лицом и благородным лбом. Он любил одеваться в просторную одежду и носить широкие пояса, что придавало ему вид ученого. Он имел чистый звонкий голос и изящно изъяснялся, держался элегантно и смотрел прямо, как и подобает буддийскому монаху, а не бросал взгляды по сторонам.

Изучая буддийские тексты, Сюань Цзян пришел к выводу, что в переводах с санскрита имеется много неточных и путанных мест, а в самих собраниях рукописей существуют большие пробелы. И молодой монах решил совершить паломничество в Северную Индию, к священным местам буддизма, где зародилось само учение и где жил его основатель. Он надеялся привезти из путешествия подлинные книги буддизма.

Но богоугодное дело приходилось начинать тайно и ночью, потому что император был против этого путешествия. Тем не менее, наш герой в 629 году покинул Сиань и отправился в путь к западным провинциям Китая. По караванным тропам Великого

шелкового пути он преодолел обширные пустынные пространства, часто на своем пути встречая кости людей и животных, погибших от жажды и голода. Пилигрим миновал пять сторожевых башен, обозначающих рубежи китайской империи, и пересек пустыню Такла-Макан, которую китайцы называли «Рекой песка». Порывы горячего ветра пустыни стирали его следы на песке, и он вынужден был снова находить дорогу. Не раз он подвергался нападению разбойников, едва не расстался с жизнью от рук проводника, оказавшегося убийцей. Испытал он и «темную ночь души», когда кувшин с водой выпал из его рук и он остался без капли влаги в пустыне. Спас его собственный конь. Сюань Цзян дал ему полную свободу, и умное животное вывело его к воде.

Если посмотреть на карте, то видно, что нашего путешественника не смущали ни пустыня Гоби, ни Такла-Макан. Но преодолеть Тибет и Гималаи он был не в состоянии. Прямого пути на юг, в Индию, не было, и поэтому приходилось обходить высокогорные массивы с северо-запада, через Среднюю Азию. Однако полностью избежать гор не удавалось, и они все ближе поднимались на пути героя.

Наконец путник достиг Хомийского оазиса у подножия Тянь-Шаня. Перед взором Сюань Цзяна поднимались горные пики, покрытые снегом. С вершин по склонам текли реки, питающие плодородную землю оазисов, лежащих вдоль Северной ветви Великого шелкового пути, по которому монах дошел до Турфана.

Правитель Турфана, когда ему доложили о прибытии Сюань Цзяна, покинул дворец и с факелом

вышел ему навстречу. Путешественнику были оказаны почет и уважение, и после отдыха его снарядили в дорогу, снабдив большим караваном и охранными письмами и подарками правителям других государств. Из Турфана по землям Кашгара пилигрим со спутниками вышел к горным цепям Тянь-Шаня. Им пришлось взойти на вершину Хан-Тенгри и пересечь покрытый снегом перевал. Во время этого опасного путешествия Сюань Цзян потерял около трети своих людей и многих лошадей.

Сильно поредевший караван остановился у озера Иссык-Куль. «Цвет воды синевато-черный, ее вкус горький и соленый. Волны этого озера необузданно накатывают на берега», — так описывает Сюань Цзян «теплое озеро». Берега Иссык-Куля служили зимней ставкой хана Западного Тюркского каганата, летом же местом его пребывания был Ташкент.

Сюань Цзян встретился с ханом на исходе зимы 630 года в местечке Токмак. Вернувшись с охоты, властитель оказал пилигриму теплый прием. «Хан был одет в халат из зеленого атласа, его волосы были связаны шелковой лентой, которая была обмотана вокруг головы и спадала сзади. Он был окружен двумястами чиновников, которые были одеты в парчовую одежду, их волосы были заплетены в косы. Справа и слева хана сопровождали воины, одетые в меха и одежды из прекрасно спряденной шерсти, они несли копья, луки и знамена, сидели на верблюдах и лошадях. Глазами невозможно было подсчитать их число», — так описывает Сюань Цзян их встречу.

Монах передал хану письмо и подарки от правителя Турфана и был приглашен на пиршество. «Ханский шатер был украшен золотым цветочным орнаментом, который слепил глаза своим блеском. Все чиновники расположились на длинных циновках. Они были одеты в сверкающие одежды из вышитого шелка. Телохранитель хана стоял позади него, и хотя хан был правителем кочевников, тем не менее существовал определенный порядок в его окружении», — с удивлением отмечает путешественник, увидевший, что кочевники не столь неотесанны, как он ожидал.

Перед гостями высились груды баранины и телятины. Все кроме Сюань Цзяна пили много вина и все наслаждались громкой музыкой. Поскольку монаху вера не позволяла есть мясо, ему были предложены рисовые лепешки, сливки, кобылье молоко, сахарнават, мед и изюм. В беседе с ханом пилигрим произвел впечатление на властителя проповедью о необходимости любить все живые существа и о религиозной жизни, которая в итоге приведет к спасению.

В путь Сюань Цзян отправился в сопровождении воина-китайца, снабженный охранными письмами хана к его вассалам — правителям Гандхарана. Властелин Западного каганата одарил гостя пятьюдесятью кусками шелка и одеждой из темно-красного атласа.

После короткого отдыха в Ташкенте (Че-Шине), столице Западного каганата, Сюань Цзян направился к самой западной точке своего путешествия — к золотому оазису Самарканда. «На северо-западе мы вступили в неплодородную пустыню, где нет ни воды, ни

травы. Дорога теряется в пустыне, которая кажется безграничной, и только глядя по направлению какой-нибудь большой норы и ориентируясь по костям, которые всюду разбросаны, мы могли узнать дорогу, по которой следует идти. Сто пятьдесят миль одиночества», — так описывает Сюань Цзян переход по степи.

Самарканд встретил путешественника запахами пряностей, вареной баранины, медленно кипящей в огромных котлах. Оглушала смесь звуков — цокота лошадиных копыт, звона колокольчиков верблюдов, скрипа повозок, говора толпящегося народа. В Самарканде, на перекрестке Великого шелкового пути, по словам Сюань Цзяна, «можно было найти товары из многих стран, а мастерство ремесленников превосходило их мастерство в других странах». Караваны, проходящие из Индии, встречались с караванами, везущими товар из Китая.

Сюань Цзян всю обширную территорию, центром которой был Самарканд, от Суяба (долина реки Чу) на северо-востоке до «Железных ворот» на юго-западе, называл Согдом. В это время согдийские купцы вели оживленную торговлю на Великом шелковом пути. По этому пути в районы Средиземноморья, Византию, Среднюю Азию, Индию поступали китайский шелк, бронзовые изделия, женская косметика, лак, рис, чай. А оттуда в Китай везли стеклянные изделия, сухофрукты, свежие овощи и фрукты, хлопок, лошадей, различные диковинные вещи. Из Согда, например, посылали разных животных — курдючных овец, львов, охотничьих собак, полудрагоценные камни вроде лазурита и горного хрусталя.

Наш путешественник с воодушевлением описывает Самарканд, плодородные земли, окружающие город, прекрасные оазисы с множеством цветов и фруктовых деревьев. Он отмечает, что жители Самарканда — искусные торговцы. Климат умеренный и мягкий. Население трудолюбивое и мужественное. Правителю Самарканда повинуются все соседние районы.

По Великому шелковому пути происходил и обмен культурными, духовными ценностями, в частности, шло распространение буддизма. Этому способствовало то, что экономическая и культурная жизнь в этих краях была организована на основе равенства и сотрудничества разных народов, несмотря на язык и религиозную принадлежность. И проповедники разных религий могли свободно передвигаться по странам Средней Азии, распространяя свое вероучение.

Самарканд стал крайней западной точкой, которой достиг в своем путешествии Сюань Цзян. В пути он видел, как на обширных просторах Великого шелкового пути буддизм создал свой неповторимый духовный мир, уникальную культуру. Но видел он местами и упадок буддизма. Так, в Самарканде он нашел немало зороастрийских храмов и только два буддийских монастыря, и то в запустении.

Сюань Цзян описывает правителя Самарканда как бесстрашного воина, у которого была сильная армия. Под впечатлением от бесед с буддийским монахом, он направил в Китай в 631 году послов, и вскоре две страны установили дипломатические и торговые отношения.

Из Самарканда путешественник повернул на юг — в Шахрисабз, затем через Гиссарские горы по перевалу под названием «Железные ворота» вышел к ущелью недалеко от Дербента, которое было границей Западного каганата. Сюань Цзян в своих записках рассказывает, что «это узкое ущелье было закрыто с обеих сторон высокими вертикальными скалами. Дорога узка, это увеличивает трудности и опасности. По обеим сторонам каменные стены цвета железа. Здесь воздвигнуты двойные деревянные двери, укрепленные железом и украшенные множеством колокольчиков». Затем путник вышел к Амударье. На северном берегу реки он остановился в Термезе. Здесь, в Сурхандарьинской долине, он снова обнаружил процветающий буддизм. Буддийская община, как отмечал Сюань Цзян, составляла более тысячи человек, имелись монастыри и храмы. Среди религиозных реликвий наш путешественник встретил многие изображения Будды, в том числе в совершенной позе нирваны.

В наши времена исследователи, изучив «Записки о путешествии по западным территориям» Сюань Цзяна, сделали ряд археологических открытий в Сурхандарье, подтверждающих исторический факт проникновения буддизма в Центральную Азию по Великому шелковому пути. Так, на берегу Амударьи были найдены великолепные буддийские скульптуры и рельефы, в том числе знаменитый «Айртамский арфист». Вблизи Старого Термеза археологи открыли миру буддийские храмы на Каратепа и Фаязтепа, о которых упоминал в своих «Записках» Сюань Цзян. Скульптурные изображения Будды, Бодхисатвы,

принцев и придворных, живших здесь во времена расцвета Кушанского государства, вошли в сокровищницу мировой культуры. находка золотого клада весом в 36 килограммов в городище Дальварзинтепа недалеко от Термеза произвела сенсацию в научных кругах. В керамическом сосуде было прочно уложено около ста золотых предметов — браслеты, кольца, диски, бруски, заготовки для ювелиров. Большинство изделий представляют собой произведения подлинного искусства. Сейчас на городище Дальварзинтепа работает совместная археологическая экспедиция узбекских и японских ученых.

Но вернемся к Сюань Цзяну. Прежде, чем продолжить путешествие, он посетил древний город Балх, который еще Александр Македонский использовал в качестве своей опорной базы. Места эти были богаты религиозными реликвиями, их посещали караваны, и путешественник мог лишний раз убедиться, какое большое значение для распространения буддизма имеет торговля. Караванщики были распространителями новой веры. Эта религия не отождествлялась более с замкнутостью каст, как это было в индуизме, а отличалась терпимостью и была открыта для всех. И торговцы, возвращаясь в свои города, строили храмы и ступы, подавая пример превращения своего богатства в произведения искусства.

Далее путь Сюань Цзяна лежал через Гиндукуш в Бамиан. Трудно пришлось ему в дороге. Во время перехода через горы не прекращалась свирепая буря, глубокие заносы преграждали путь. Вот что говорил сам пилигрим: «Эти горы высоки и их ущелья глубоки,

их пики и обрывы полны опасностей. Ветер и снег непрерывно сменяют друг друга и в середине лета там по-прежнему холодно. Скопления снега заполняют низины и трудно не сбиться с горной тропы. Здесь боги гор и злые феи, которые в гневе посылают вперед чудовищные видения, и горы кишат отрядами

разбойников, которые сделали убийство своей профессией».

Караван Сюань Цзяна одержал победу над снежной бурей, богами гор и разбойниками и достиг Бамиана, города-оазиса, расположенного в долине Великого Будды. Перед путниками открылась холмистая местность с горными вершинами на горизонте. В холодном прозрачном воздухе они увидели красноватый холм, и по мере того, как путешественники приближались, они разглядели две гигантские статуи Будды, стоящие в нишах, высеченных в скалах. Размер этих статуй позже послужил образцом для других гигантских изображений Будды в Китае и Японии. И разве могли наши странники предполагать, что через четырнадцать столетий религиозные фанатики взорвут статуи в Бамиане как «языческих идолов»?

Когда Сюань Цзян прибыл в Бамиан, правитель встретил его и проводил до своего дворца. Позже монахи показали ему долину. Он писал, что там было десять буддийских монастырей и несколько тысяч монахов.

Джелалабад был одним из мест, связанных с легендами о Будде, которые посетил Сюань Цзян. В окрестностях города находилась Пещера теней, в ней предположительно был Будда и оставил там свою тень. Дорога к ней была опасна, но нашелся старец, вызвавшийся быть проводником. Однако едва они подошли близко к пещере, как появилось пятеро разбойников с обнаженными мечами. Пилигрим объяснил им цель своего прихода и сказал, что знал о возможной встрече с разбойниками. «Но так как я

иду поклониться Будде, я не должен бояться, даже если встречу диких животных на своем пути, не говоря о таких людях, как вы», — пояснил он. Разбойники были поражены его бесстрашием и вложили мечи в ножны.

Сюань Цзян вошел внутрь темной мрачной пещеры. Сначала он ничего не видел. Он плакал, упрекая себя в грехах, он падал ниц, читал суры и произносил молитвы с истинной самоотверженностью и старанием. Наконец он увидел пятно света на стене. Он снова стал класть поклоны и клясться, что не уйдет, пока не увидит тень.

Вдруг вся пещера озарилась светом и на стене появилась мерцающая тень Будды. На нем было одеяние желто-красного цвета. Его лик сиял. Престол, на котором он сидел, был как будто слегка туманный...

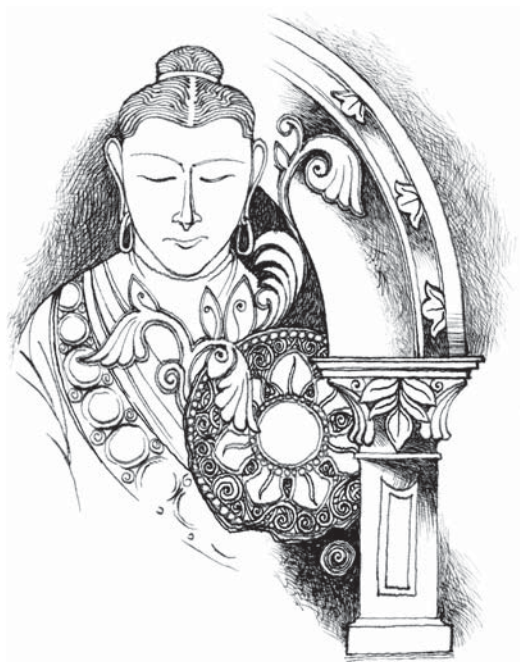
Когда Сюань Цзян наконец достиг Индии, он принял решение остаться там и провел более десяти лет, изучая труды Будды, черпая информацию из уст буддийских монахов и ученых, путешествуя по разным уголкам субконтинента в поисках санскритских рукописей. Он побывал в десятках монастырей и собирал буддийские писания. Многие уговаривали его остаться в Индии, но он лишь говорил в ответ: «Почему солнце путешествует по миру?» — и отвечал: «Чтобы рассеять тени». Он хотел привезти оригиналы буддийских рукописей в Китай и изучать их на месте. Он продолжал паломничество, беседуя с индийскими философами, читая лекции в монастырях, дискутируя с приверженцами иных религий.

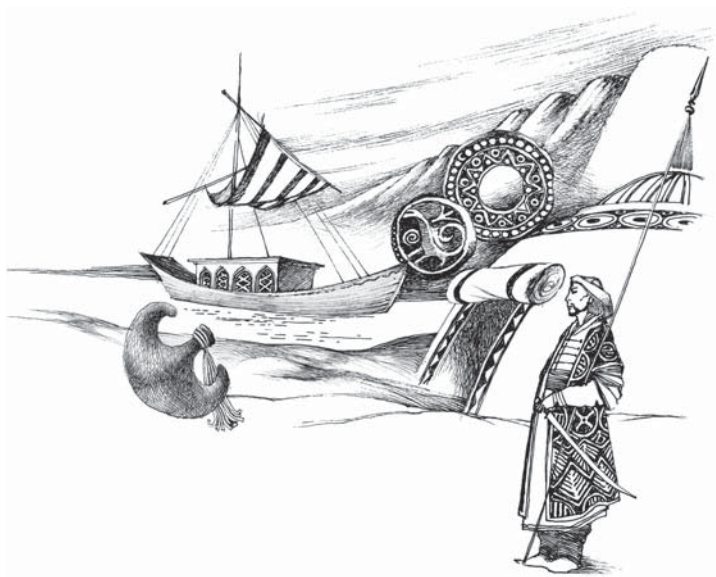
Когда наступила пора его возвращения в Китай, северо-индийский правитель Харш дал ему в сопровождение воинов, лошадей, чтобы везти собранные им статуи и рукописи и, наконец, слона для самого путешественника. Люди не помнили случая, чтобы слона дарили монаху. Кроме того, правитель подарил Сюань Цзяну три тысячи золотых и десять тысяч серебряных монет для расходов в пути и вручил охранный документ к властителям других стран.

Сюань Цзян вернулся в Китай через 16 лет после своего тайного отъезда на Запад. Он привез с собой большое количество буддийских рукописей, документов, собственных записей. Более года он работал над «Записками о путешествии по западным территориям». Описание процветающей страны Согд, Ферганской долины, Уструшаны, Кеша и Тохаристана, Индии, природы этих стран, нравов и обычаев народов, комментарии по поводу торговых и экономических отношений между странами, религиозно-философские рассуждения сделали эту книгу бесценным историко-литературным памятником, служащим источником для современных исследователей раннего Средневековья Центральной Азии и истории буддизма. По словам историков, Сюань Цзян «к голым костям дат, династических имен и официальных текстов добавил плоти и крови живого красочного описания».

Всю оставшуюся жизнь он занимался переводами буддийских рукописей на китайский язык. Он перевел на китайский язык больше религиозных писаний,

чем какой-либо другой исследователь. Сюань Цзян и его ученики составили более тысячи свитков с буддийскими текстами. Он умер в почете и уважении 5 февраля 664 года и остался в памяти человечества как отважный путешественник, искусный дипломат, философ и лингвист, религиозный деятель, преданный своей идее.

ИБН ФАДЛАН. ПО ПУТИ В СТРАНУ ТЮРОК

Среди авторов IX—X веков, оставивших свидетельства о жизни народов Средней Азии и региона Поволжья, нет равных Ибн Фадлану. Его сочинение — источник уникальных данных, дошедших до нас через века и расстояния.

Ахмед Ибн Фадлан. В даль веков уводит нас это имя. В начале X века в составе посольства багдадского халифа ему довелось совершить поездку через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию. И разве важно сегодня, что предпринятая дипломатическая миссия не увенчалась в ту пору успехом, главное — она

состоялась и Ибн Фадлан оставил подробный отчет о своем путешествии. Он назвал этот отчет «Рисале» — «Записка», но за этим кратким и скромным названием скрывается яркое и достоверное повествование, отличающееся широтой охвата, изобилующее уникальными сведениями обо всем том, что он сам наблюдал «в стране тюрок, хазар, русов, славян, башкир и других народов по части различий их верований, сведений об их царях, их положения во многих их делах». Вспомним, что тысячелетие отделяет нас от той поры. Все эти народы находились еще в языческом состоянии, ислам только-только начинал проникать на эти земли, и более полстолетия оставалось до принятия христианства на Руси. «Записка» Ибн Фадлана явилась, таким образом, одним из важнейших источников по раннесредневековой истории Восточной Европы, а также Средней Азии. Достаточно сказать, что ученый-энциклопедист XIII века Йакут ар-Руми включил несколько фрагментов из «Рисале» в свой «Географический словарь». На сведения Ибн Фадлана опираются и современные ученые в воссоздании картины исторического и культурного развития народов, проживающих на этих землях.

Биографических данных об авторе «Записки» сохранилось немного. Полное его имя — Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад. Он состоял старшим писцом-чиновником при главе Аббасидского халифата. К этому времени Арабский халифат являлся мировой державой, в орбиту его влияния были вовлечены и центр Африки, и северо-восток Европы, и юго-восток Азии. И на всех

территориях, куда простиралась могущественная длань этой мусульманской теократии, внедрялась и новая религия — ислам. Внедрялась, как и другие религии, силой, убеждением, экономическими санкциями, подвижничеством миссионеров. Отправка посольства из Багдада на берега Волги может служить здесь ярким подтверждением сказанному. Посольство было срочно снаряжено в связи с тем, что правитель Волжской Булгарии, желая избавиться от власти хазар, обратился за покровительством к аббасидскому халифу ал-Муктадиру, за что обещал принять ислам. Халиф не пренебрег возможностью упрочить эту идеологию на обширных землях в бассейне нижней Камы и Волги (до реки Самары). К тому же он рассчитывал получить от этого большую торговую выгоду. Ибн Фадлан так сообщает об этом в своей книге путешествия: «Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки йылтывара, царя «славян», к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть... и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников, — было дано согласие на то, о чем он просил».

21 июня 921 года посольство выехало из Багдада. Оно везло царю волжских булгар письмо халифа, богатые подарки, в составе миссии ехали факихи — юристы и муаллимы — учителя, в задачу которых входило обучение булгар законам ислама. И хотя во главе посольства стоял некий Суссан-ар-Расси, на

плечи Ибн Фадлана ложилось много забот и большая ответственность за исход дела.

Почти год находилась миссия в пути — в Волжскую Булгарию прибыли в мае 922 года. Двигались по торговому маршруту, освоенному арабскими купцами, именно по этим дорогам из Ирана, Ирака, Хорезма в бассейн Нижней и Средней Волги доставлялись товары в обмен на драгоценную пушнину. Ибн Фадлан не был первооткрывателем этих земель, но он был первым путешественником, чьи достоверные сообщения о северных прикаспийских областях и Заволжье дошли до наших дней.

Миновав Нишапур, Серахс, Мерв, другие поселения, караван вошел в Кушмахан, «который являлся краем пустыни Амуля» (Восточные Каракумы — Р. М.). Миновав тяжелый участок песчаных барханов, вышли к реке Джейхун (Амударья), переправившись через которую, достигли, наконец, Бухары. Судя по сообщению Ибн Фадлана, в Бухаре почитались в ту пору арабские халифы, и посольству было оказано уважение и всяческое содействие. Правил же здесь эмир из династии Саманидов — Наср ибн Ахмед. «А он — безбородый мальчик», — отмечает Ибн Фадлан. Действительно, эмиру Бухары только что исполнилось 16 лет. Первыми словами его при аудиенции были: «Каким вы оставили моего господина, повелителя правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире и его благополучие?». Услышав, что халиф находится в добром здравии, эмир выказал стремление оказать посольству всяческую поддержку и помощь, дать эскорт для сопровождения на пути

к Хорезму. Этот факт свидетельствует о том, что в X веке важные центры на Великом шелковом пути, как-вым являлась и Бухара, держали под своим надежным контролем проходящие через территории их стран участки этой древней торговой дороги.

В Бухаре посольство находилось 28 дней, и можно только сожалеть, что до наших дней сочинение Ибн Фадлана дошло, не имея конца, и мы не узнаем, сколько еще страниц насчитывалось в нем, какие драгоценные сведения оно содержало. Сохранились же еще интересные данные о деньгах, имевших тогда хождение в Бухаре: «Я видел дирхемы Бухары разных сортов, из них дирхемы, называемые аль-гитриффи, они состоят из меди, красной меди и желтой меди, из которых берется количество без веса. Сто из них равны дирхему из серебра. А вот условия их относительно калымов за их женщин, говорят: женится такой-то сын такого-то на такой-то дочери такого-то за столько-то и столько-то тысяч дирхемов гитриффских. И таким же образом происходит покупка их недвижимого имущества и покупка их рабов: они не упоминают других сортов дирхемов». Эти деньги, которые так ценили в Бухаре, чеканились Гитриффом ибн Ата, правителем Хорасана.

Зима в эти края, случалось, приходила ранняя и неожиданная, поэтому путешественников предостерегли от дальнейшего промедления в пути, и было принято решение двигаться дальше, к Хорезму. Они нанимают корабль и по Амударье прибывают на хорезмские земли, в древнюю столицу — Кят. «Правитель почтил нас, приблизил к себе и устроил для нас

жилье», — сообщает Ибн Фадлан. Здесь надо было получить разрешение следовать через земли Хорезма в «страну тюрок». Не сразу было получено такое разрешение: хорезмшах считал, что их поездка может закончиться весьма плачевно.

Спустившись к югу, в Джурданию (Старый Ургенч), они надолго задержались здесь, так как оказались в плену сильных холодов. Ибн Фадлану, жителю солнечного Багдада, они показались особенно страшными: «И замерзла река Джейхун от начала до конца ее; и была толщина льда семнадцать четвертей. Кони, мулы, верблюды и повозки проезжали через него, как проезжают по дорогам, — он был тверд, не сотрясался. И оставался он в таком виде три месяца». Приглашая в гости, подчеркивает путешественник, здесь говорят: «Пойдем ко мне, у меня хороший огонь», и даже нищие, заходя в дом за милостыней, проходят сначала к очагу, греются и только потом просят хлеба. И еще сообщает Ибн Фадлан: «Не раз выходил я из бани и, когда входил в дом, то смотрел на свою бороду, а она сплошной кусок снега, так что я оттаивал у огня. И право же, бывало, я спал в «доме» внутри дома. А именно — в нем была помещена тюркская юрта из войлоков, причем я был укутан в одежды и меха, и все же иногда моя щека примерзала к подушке». К счастью, отмечает Ибн Фадлан, в Хорезме дрова были дешевыми: большая повозка их стоила около двух дирхемов. Местные жители же Ибн Фадлану не понравились, показались грубыми «по разговору и по природе, а разговор их похож на крик скворцов». Но вот одежды, видно, изготавливались там

высокого качества — позже Ибн Фадлан отметит, что «в стране тюрок, которые называются гуззами», хорезмские одежды считаются хорошим калымом за невесту. Рассказал он и о промысле менял, которые продают игральные кости, чернильницы, ведут денежные операции. Хождение же здесь имели «хорезмские дирхемы обрезанные свинцовые и медные».

Миновало четыре месяца их пребывания на земле Хорезма. Во второй половине февраля лед на реке стал таять, и посольство засобиралось в путь. Были куплены верблюды, изготовлены мешки из верблюжьих шкур для переправы через реки, сделаны запасы продовольствия, нанят проводник. Друзья, которые появились здесь, снабдили их большим количеством теплой одежды. «На каждом из нас была куртка, поверх нее хафтан, поверх него шуба, поверх нее кобеняк и бурнус, из которого видны были только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреновой кожи и поверх сапог другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем». Они держали путь на север, «в страну мрака», и не удивительно, что испугались трудностей и вскоре отстали от каравана «факих, муаллим и отроки, выехавшие с нами из Города Мира (Багдада — Р. М.)».

Страхи были ненапрасными — уже на другой день караван настиг такой снег, что верблюды ступали в нем по колена. Десять дней ехали по пустыне, и никто им не встретился в пути, непрерывно мели снежные метели, «при которых холод Хорезма был подобен дням лета». Наконец, выехали к кочевому племени тюрок,

«известных под названием гуззов» (тюркское имя огузов, занимавших в ту пору земли Западного Казахстана — Р. М.). Ибн Фадлан сообщил много подробностей об их быте, языческих верованиях, обрядах. Многое показалось ему диким и ужасным. Тем не менее, путешественникам было оказано гостеприимство. Наибольшее влияние имел здесь среди знати начальник войска Этрэк. Ему преподнесли дорогие подарки и предложили принять ислам. Этрэк обещал сообщить послам свое решение, когда они будут возвращаться обратно. Однако (вспомним предостережение хорезмшаха!) собранные на совет военачальники обсуждали другой вопрос — как поступить с самими послами. Было среди предложений и такое: забрать их имущество и разрезать каждого из них пополам. Надо ли удивляться, что через семь дней плена они уже были счастливы, что хотя бы удалось благополучно выбраться из этих мест.

Тяжелым и опасным был дальнейший путь. Много рек пришлось преодолеть — тут и пригодились кожаные мешки. Ибн Фадлан подробно описал такой способ переправы: в растянутые мешки сначала помещают груз, а поверх садятся несколько человек, которые шестами направляют мешки к противоположному берегу. Опасный и ненадежный способ переправы: много их людей погибло, когда преодолевали реку Джайх (Урал — Р. М.). Прошли через земли печенегов, башкир, племен, которые поклонялись «змеям, и рыбам, и журавлям». Цепкая память путешественника сохранила много подробностей об их укладе жизни, верованиях, отношении к чужестранцам.

И, наконец, когда до ставки правителя Волжской Булгарии остается менее суток пути, тот высылает им навстречу своих братьев и сыновей, а потом и сам, увидев послов, «сошел с лошади и пал ниц. В руке у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас». Несколько дней собирались «предводители его земель и жители его страны» в ставку, чтобы присутствовать при церемонии принятия новой религии. Обставлена она была торжественно и пышно: послы развернули два привезенных знамени, царь болгар выехал на подаренном ему халифом коне, обряжен же он был в савад — одежду черного цвета, что полагалась высшим сановникам двора халифа, голову его венчал тюрбан. Стоя, выслушали послание халифа. Переводчик переводил текст слово в слово, когда же чтение было закончено, «они возгласили: «Велик Аллах!» таким возгласом, от которого затряслась земля». Этим актом Волжская Булгария официально признала ислам государственной религией и становилась частью мусульманского мира.

Но вскоре царь болгар потребовал обещанные в письме халифа на строительство крепости 4000 динаров, которые не были доставлены. И хотя Ибн Фадлан объяснял это тем, что в спешке сборов не успели приготовить нужную сумму и деньги придут позже, отношение к послам резко изменилось. Они оставались здесь до осени, но так и не смогли внедрить нормы ислама, принятые при дворе халифа. Правитель болгар предпочел сохранить систему обрядов и юридических норм, принятых в Средней Азии, чем и закрепил тесные связи с этим регионом. И это

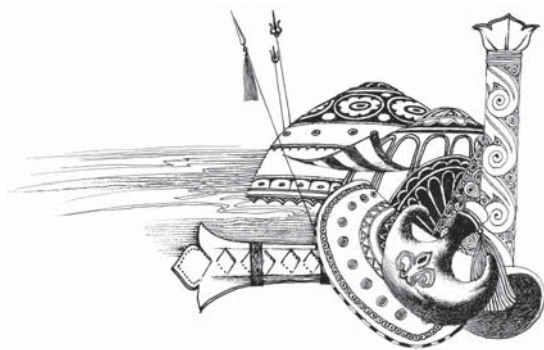
свидетельствовало об ослаблении власти Аббасидского халифата. Как и тот факт, что посольство не смогло получить деньги в Бухаре и Хорезме, как рассчитывало: правители Средней Азии стремились к самостоятельности в отношениях с северными племенами.

В Багдад посольство вернулось, практически, ни с чем, подробностей об этом не сохранилось, так как утрачена часть рукописи путешественника, где повествуется о возвращении на родину. Из других источников известно, что прибыли послы весной 923 года.

Да, ничего из задуманных планов не было выполнено. Но на свет появилось бесценное свидетельство умного, пытливого, наблюдательного человека, видевшего все, о чем он пишет, собственными глазами. Основную часть повествования Ибн Фадлана занимают сведения о пребывании в Волжской Булгарии — именно этому периоду посвящена основная часть сохранившегося повествования. Природа и климат, жилища, одеяния, пища, система законов и религиозные представления, подати, получаемые «царем славян» и выплачиваемые царю хазар, торговые сделки, брачные и похоронные обряды на этих землях — обо всем арабский дипломат и путешественник написал подробно и правдиво. Видел здесь Ибн Фадлан и «русов», приехавших в Волжскую Булгарию по своим торговым делам.

Сочинение Ибн Фадлана было широко известно в арабско-персидском мире. По свидетельству того же Йакута, в его время (XIII век) списки рукописи имелись у многих лиц в Восточном Иране. Однако лишь

в 1920-х годах единственный из этих известных списков «Рисале» был обнаружен востоковедом А. З. Валидовым в библиотеке при гробнице имама Али ибн Риза в Мешхеде (Иран). В 1937 году фотокопия Мешхедской рукописи была передана в дар Академии наук СССР от правительства Ирана, и на ее основе А. П. Ковалевским подготовлено первое издание на русском языке. В 1956 году вышло переработанное и дополненное издание «Записки» Ибн Фадлана. Это сочинение не затерялось в ряду сообщений арабских путешественников. Ему суждено было стать ярким литературным и психологическим памятником той далекой эпохи.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК. МАРШРУТАМИ МАРКО ПОЛО

На протяжении многих веков Великий шелковый путь связывал разветвленной сетью торговых маршрутов Европу с Азией. Это был и путь соприкосновения великих цивилизаций Китая, Индии, Ближнего Востока и Европы. Торговые и дипломатические миссии, караваны купцов, посланцы религиозных кругов, владыки, дервиши, воины — миллионы людей

прошли за столетия по «Дороге жизни». Но в первую очередь имена ученых, мыслителей, просветителей, создателей, рожденных этой землей, вписаны в историю Великого пути. Среди них — и имя Марко Поло. Венецианский купец, он отправился по Шелковому пути за торговой удачей. Но, пораженный и восхищенный всем увиденным за годы своего путешествия по странам Востока, длившегося почти четверть века, он стал пытливым исследователем неведомых земель. «Очарованный странник» оставил потомкам свою талантливую «Книгу», которая неизмеримо раздвинула представления европейцев о Востоке и оказала огромное влияние на развитие мировой культуры.

К XIII веку из стран, лежащих на Великом шелковом пути, неслыханного могущества достигла военно-феодальная Монгольская империя. В ее границы входили Северный Китай, Восточный и Западный Туркестан (Средняя Азия), Иранское нагорье, Месопотамия, Южный Кавказ и Восточная Европа. Ставки ханов стали обширными рынками, где можно было сбывать и покупать драгоценности, ткани, меха, различные диковины и другие предметы роскоши. Эти рынки привлекали в первую очередь азиатских торговцев, а с начала XIII века сюда стали направляться миссии из Западной Европы.

В 1260 году решились отправиться на Восток и два венецианских купца — Никколо и Маффео Поло. Маршрут путешествия братьев Поло — это «северный

путь», хорошо известный в старину кочевникам Центральной Азии. От средней Волги, где размещались временные ставки золотоордынских ханов, братья двинулись на юго-восток через земли Золотой Орды, пересекли закаспийские степи, а затем через пустынное плато Устьюрт прошли к Ургенчу, в то время величайшему городу Хорезмского оазиса. Далее их путь пролегал вверх по долине реки «Джон» (арабское Джейхун — Амударья), а оттуда вверх по долине реки Зеравшан до «великолепной Бухары», как ее называли арабы. Потом шли они на север и северо-восток. Чтобы обогнуть пустыню Кызылкум, которая лежит между Амударьей и Сырдарьей, путешественники поднялись до Самарканда, а затем перешли в долину Сыр-Дарьи и по ней спустились до Отрара, бывшего тогда важным монгольским центром. Оттуда — вдоль предгорий Северного Тянь-Шаня в долину реки Или. Иначе говоря, пересекли весь Западный Туркестан. Оттуда в Восточный Туркестан (теперь — китайский) они могли проникнуть или вверх по долине реки Или — на Кульджу, или через Джунгарские ворота, мимо озера Алаколь (восточнее Балхаша). Так они вышли к оазису Хами, важному этапу на северной ветви Великого шелкового пути из Средней Азии в Китай. От Хами путешественники проследовали на юг, на оазис Шачжоу (теперь Дуньхуан), расположенный в долине реки Сулэхэ, теряющейся в песках к востоку от озера Лобнор. У Шачжоу северная ветвь Великого шелкового пути скрещивается с южной, Таримской, идущей от Кашгара. Путь каравана братьев

Поло по Центральной Азии занял целый год и завершился в резиденции великого хана Хубилая.

Из “Книги” Марко Поло известно, что его отец и дядя совершили в первом своем путешествии удачные торговые сделки. Получив грамоту великого хана, они пустились в обратный путь и в 1269 году достигли берегов Средиземного моря. Жена Никколо к тому времени умерла, и его встретил 15-летний сын Марко. Собираясь через два года снова отправиться в Китай, братья решили взять семнадцатилетнего юношу с собой. И, конечно, никто и предположить не мог тогда, что это их решение будет иметь поистине историческое значение.

Путешествие Марко Поло вместе с отцом и дядей в Китай с посланием великому хану Хубилаю от нового главы католической церкви папы Григория X началось в 1271 году. Путь на восток на этот раз пролегал значительно южнее (через Памир) и оказался менее продолжительным. Маршрут путешествия Марко Поло прошел через современную Акку (Израиль) — к Персидскому заливу, потом — на север — через Иран к Амударье, до Оксуса (Аральского моря), через Памир до современной Синьцзян-Уйгурской автономной области и, наконец, через пустыню Гоби — в Шангту.

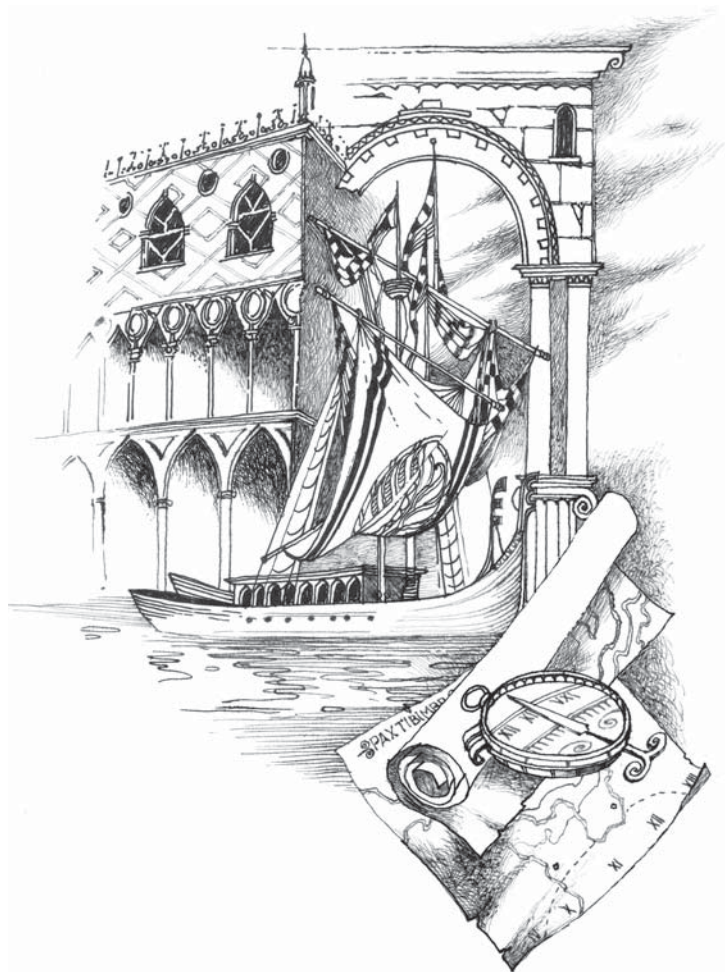
Венецианцы были встречены с большим почетом и скоро оказались на службе у великого хана. Особенно пришелся по душе Хубилаю юный Марко. Наделенный полномочиями личного посланника великого хана, Марко Поло много ездил по разным

провинциям Китая, выполняя многочисленные, главным образом дипломатические, поручения. Эти поездки, природная любознательность и великолепная память позволили Марко близко познакомиться со многими особенностями жизни загадочной страны и впоследствии составить о ней свой неповторимый колоритный рассказ. Посетил он и другие страны Центральной, Восточной и Южной Азии. Известно, что по суше он проехал из Бухары в Китай. Есть свидетельства, что он посетил и Самарканд, о котором написал в своей «Книге».

На службе у Хубилая венецианцы пробыли 17 лет и были отпущены на родину только после многочисленных просьб и с большой неохотой.

Большую часть обратного пути семья Поло проделала морским путем, обойдя на кораблях берега Юго-Восточной Азии, Индостана, посетив многочисленные портовые города. В Венецию прибыли в 1295 году, завершив величайшее путешествие, которому тогда не было равных по протяженности маршрута и продолжительности во времени.

Венеция в эту пору продолжала соперничать с Генуей столь упорно, что иногда доходило до открытых военных действий. В одном из морских столкновений венецианская галера, на которой находился Марко Поло, была захвачена генуэзцами. Так Марко оказался военнопленным и был заключен в тюремную камеру. Здесь его живые и яркие рассказы о путешествиях были записаны в 1298 году другим узником — романтическим поэтом Рустичелли из города Пизы.

Заслуга Марко Поло состоит в том, что все три части его труда, который первоначально назывался «Книга, именуемая о разнообразии мира», заполнен описаниями различных азиатских стран, городов, районов, быта и нравов их жителей, двора великого хана монголов и китайского императора Хубилая. «Вы найдете тут необычайные всякие диковины и разные рассказы о Великой Армении, о Персии, о татарах, об Индии и многих других странах, все это книга наша расскажет ясно и по порядку. Точно так же, как Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции говорил, и о том, что сам видел своими глазами, и о том, чего сам и не видел, но слышал от людей нежных и верных...», — говорится в прологе. И это особенно ценно: книга составлена не по литературным источникам, а по личным наблюдениям автора — первого европейца, который пересек всю Центральную Азию, по рассказам людей, встреченных им на дорогах странствий. Автор пользовался и правдивыми сведениями своего отца и дяди. Оригинал «Книги» был написан на французском языке. Затем она была переведена на многие европейские языки, и повсюду неслыханные сведения о далеком Китае и азиатских странах вызвали такой огромный интерес, что «Книгу» переписывали от руки, пересказывали устно, живо обсуждали. Она стала одним из самых известных литературных произведений XIII века и оказала такое влияние на развитие культуры Западной Европы, какое редко выпадает на долю подобных сочинений. Известно, что «Книгу» внимательно изучал Христофор Колумб перед тем, как

отправиться в историческое плавание к берегам Нового Света. В вопросах по Ирану, Афганистану, Индии ссылается на нее и известный путешественник Вамбери (XIX век).

В Италии сочинение Марко Поло было известно и как «Книга Миллионе о чудесах мира», или просто «Миллионе». Происхождение этого названия объясняют тем, что, возвратившись из своих странствий и рассказывая о роскоши двора великого хана, Марко Поло часто подчеркивал, что ежедневный доход хана исчисляется суммой от одного до десяти — пятнадцати миллионов золотом. А может, получил он это прозвище благодаря немалым богатствам, с которыми вернулся на родину.

Поражает широта интересов Марко Поло. Природа, климат, государственное устройство, промышленность, торговля, архитектура, вероисповедание проживающих людей, их традиции и обычаи, пышные дворцы владык, нравы их придворных, восточные базары, национальная кухня, легенды и предания — обо всем этом рассказывает он в своем сочинении.

Свое описание Азии Марко Поло начинает с Армении и, рассказав об областях теперешней Персии и части Турции, доходит до Средней Азии, затем сообщает много интересного о Монголии, Китае, Японии и Индии. Описав крайнюю северную провинцию Персии (Хорасан), примыкающую теперь к границам Туркменистана, он подчеркивает трудности, которые подстерегают путника в пустыне: безводье, жара, вязкие пески. На исходе шестого дня перехода через пустыню он приблизился к городу

Сапургану (Мерву) и отметил потом, что этот город обильно снабжен всякой пищей и доставляет лучшие в свете дыни.

Рассказывая о Памире, автор отмечает: что в долине превосходные пастбища, встречается много зверей. Потом долина превращается в ущелье, которое становится все круче и круче. Вот, наконец, перевал. Здесь сходятся истоки рек, в одну сторону бегут воды Амударьи, в другую — притоки Инда. Зимой здесь накапливаются снега. Здесь родина воды Средней Азии. На Памире разводили костры из корней трав. Огонь горел слабо, вода закипала легко, но не разваривала мяса. Птиц не видно. Дышать очень трудно, Марко буквально задыхался от недостатка воздуха. Точно описал он и многих животных, встреченных на пути, в том числе горных козлов, которые в 60-х годах двадцатого столетия будут названы известным зоологом Северцовым *Ovis Polii* — баранами Поло.

В земле Балашан, — сообщает путешественник, — жители магометанской веры. Это обширное государство, управляемое наследными государями. Все они ведут свой род от Александра и дочери Дария, царя персидского, и величают себя *Zulkarnein*, т. е. Александр. В этой земле есть драгоценные камни балас-рубины, очень красивые и высокой цены. Они рождаются в высоких горах, но отыскиваются только в одной Сикинань. Описанная Марко Поло страна — теперешний Бадахшан, провинция Афганистана, а Сикинань — памирский Шугнан, где имелись рубиновые копи.

Проходили путешественники и через Кашмирскую долину. Марко не преминул потом вставить в свое

повествование легенду о том, что здешние жители занимались колдовством и черной магией — заставляли говорить идолов, умели изменять по своему желанию погоду, превращать темноту в солнечный свет. Наверное, такие сведения воспринимались читателями той поры с особым интересом. А вот замечание автора «Книги» о том, что кашмирские женщины, хотя черны, но хороши, не опровергнуто и поныне: кашмирские женщины веками славились своей красотой далеко за пределами Индии.

Многие страницы «Книги» посвящены описанию части Центральной Азии, где расположена нынешняя территория Узбекистана. О Самарканде Марко Поло сообщает, что это весьма благородный и великий город, где много садов и есть все фрукты, имеющиеся на земле. Наряду с мусульманами здесь проживали и христиане-арабы, и были они веротерпимы в отношении друг друга.

Из Самарканда путь Поло лежал в страну Каркан, жители которой «опытны в искусствах и рукоделии». Есть мнение, что скорее всего под Карканом путешественник имел в виду Фергану.

А Бухару первыми увидели отец и дядя Марко. Город показался им прекрасным. Бухару окружали высокие валы, над которыми вздымались сиявшие на солнце голубые купола и изразцовые стены мечетей. Была она в ту пору одним из оживленных торговых центров. Лавки ломились от восточных товаров — шелка, фарфора, слоновой кости, пряностей, мастерски изготовленных металлических изделий...

Марко Поло многое открыл европейцам о жизни далеких восточных стран. Но незадолго до смерти в 1324 году великий путешественник говорил: «Я не рассказал и половины того, что я видел...».

Прошли века со времени путешествия Марко Поло, создания его замечательной «Книги». Но не забыт его гуманистический подвиг. В 1994 году Всемирная туристическая организация совместно с ЮНЕСКО провела в Узбекистане международный семинар «Великий шелковый путь». На выездном заседании в Самарканде с почтением и благодарностью вспоминали в те дни участники заседания имя Марко Поло. Он был назван первым туристом на ветвях Шелковой дороги. Наверное, венецианец был бы весьма горд этим званием, ведь благородное назначение туризма и состоит в том, чтобы просвещать, очаровывать, сближать сердца людей.

**«ПОСМОТРЕТЬ МИР,
РАДУЯ СЕРДЦЕ...»
ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН БАТТУТЫ**

“Ибн Баттута, несомненно, должен быть признан величайшим из всех путешественников, которых знали древний мир и средневековье. Даже достижения Марко Поло бледнеют (если не по их значению для истории культуры и литературы, то по широте охвата и дерзновению) в сравнении с поразительным трудом, которому была посвящена вся жизнь этого любителя путешествий... Не будет преувеличением, если мы назовем этого марокканца величайшим путешественником всех времен до Магеллана».

Рихард Хенниг

С давних времен марокканский город Фес был одним из крупнейших религиозных и политических центров страны. Особого расцвета достиг он в годы

правления султана Абу Инана (1348—1358), здесь возводились прекрасные здания, при дворе султана формировались научные школы, расцветали литература и искусство.

В 1349 году в Фес прибыл некий ученый шейх Абу Абдаллах Ибн Баттута, и вскоре в городе из уст в уста стали передаваться рассказы о его невероятных странствиях по разным странам, о том, что четырежды он совершил паломничество в Мекку, выполнял дипломатические поручения иностранных государей. Неудивительно, что такой человек был приближен ко двору просвещенного султана и с почтением приглашен к нему на службу. Рассказы путешественника неоднократно слушал и Абу Инан. Осознавая огромную ценность этих сведений и зная, что Ибн Баттута не владеет искусством литературного стилиста, султан дал поручение записать их придворному историку и писателю Ибн Джузайе. Поручение тот выполнил, закончив литературную запись «Путешествия» в 1355 году. Книге он дал, в стиле тех лет, вычурное, но отвечающее содержанию название: «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» («Тухват ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджайб ал-асфар»). Однако на разных языках мира книга стала известной под названием «Путешествие Ибн Баттуты».

Ибн Баттута родился 24 февраля 1304 года в африканском городе Танжере. Здесь провел свои юношеские годы, получил образование. Изучал он науки, видимо, основательно, так как уже в начале своего путешествия неоднократно исполнял обязанности

кади — судьи. По возвращении же из странствий Ибн Баттута слыл большим знатоком юриспруденции, к его имени стали прибавлять лакаб (почетное прозвище) — факих.

В возрасте 22 лет он решил совершить хадж в священную Мекку и побывать на могиле пророка Мухаммеда в Медине. В Мекке он получил почетный титул хаджи, слушал лекции знаменитых ученых и богословов. Еще трижды он посетит «святой город» и, за полстолетия до европейцев, оставит его описание.

Первый этап путешествий марокканца связан со странами Ближнего Востока, Восточной и Северной Африки. Но это пока — мусульманское паломничество, посещение традиционных мест, широко известных в то время в арабском мире. Он проплыл по древним морским путям (арабы были знакомы с мореходным искусством еще в доисламское время) и оставил ценные свидетельства о всех крупных гаванях, о судах, на которых ему довелось плавать, мореходных инструментах того времени, голубиной почте для связи с родными берегами.

Но в душе его поселилась жажда своими глазами увидеть дальние страны, узнать, как живут там люди. Он желал «посмотреть мир, радуя сердце, увидеть разные диковины, услышать о чудесах, получить обширные познания, познакомиться с интересными людьми, испытать судьбу». По суше, морем, через пустыни и горные отроги преодолевает он на новом этапе путешествий огромные расстояния. Теперь за ним следует караван, нагруженный товарами, едут жены, наложницы, слуги. Он ведет в пути торговые сделки,

иногда поступает на службу к местным правителям. Ибн Баттута побывал в Сирии, Малой Азии, Крыму, южных областях России, дойдя до Волги, где находилась столица Золотой Орды — Новый Сарай, или Сарай-Берке. В первую очередь его, правоверного мусульманина, интересовало все, что связано с исламом. Он стремился посещать мусульманские страны и всячески избегал контактов с «иноверцами».

Интереснейший этап путешествий марокканца — Средняя Азия. К сведениям Ибн Баттуты обращаются многие ученые, занимающиеся вопросами истории и культуры этого региона, ведь в живых и ярких рассказах марокканского странника содержатся данные, которых не найти в других источниках, на которых не задерживали своего внимания местные хронисты. Им воссоздана реалистическая картина политической, общественной, культурной жизни многих стран Средней Азии первой половины XIV века.

Большое внимание уделяет Ибн Баттута сообщениям о местных правителях, духовных лицах и мусульманских святынях, пишет и о потерях, которые нанесли краю монгольские завоеватели. В Средней Азии путешественник широко пользовался гостеприимством ордена ахи, останавливался в завиях (суфийских обителях), где привечали странников, особенно совершающих паломничество. Он описал многие завии, назвал имена их служителей. Обстоятельно сообщает и о приемах, что давались в его честь, богатых подарках — эти знаки внимания он рассматривает как признание его учености, свидетельство уважения к его духовному званию.

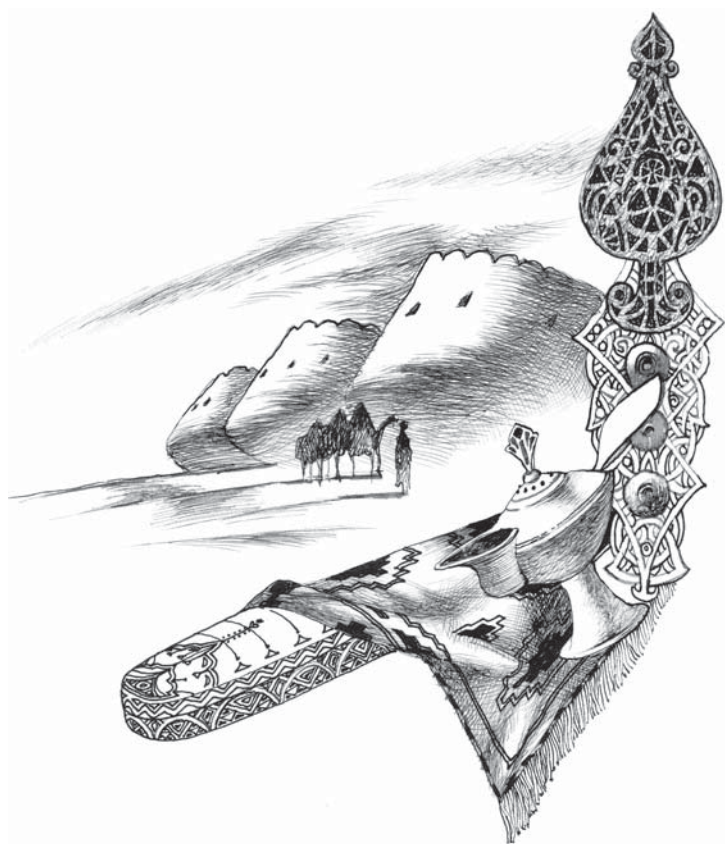
Осенью 1333 года Ибн Баттута прибывает в Хорезм. Известнейший арабский путешественник-энциклопедист Йакут, побывавший в Хорезме во времена его расцвета (1219–1220 годы), накануне монгольского завоевания, писал, что не видел области более обитаемой и превосходящей Хорезм по благосостоянию. Увы, полчища Чингисхана пронесли по этим землям черным смерчем, разрушили цветущие поселения, истребили жителей. Но к XIV веку, когда здесь побывал Ибн Баттута, Хорезм оправился от разрушений и потерь. «Это величайший, красивейший, крупнейший город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами. В городе кипит жизнь благодаря большому числу жителей, и он кажется волнующимся морем», — пишет Ибн Баттута о столице Хорезма — Ургенче, который также называет Хорезмом. Подтверждением благочестия жителей Ибн Баттута считает строительство в городе мечетей, медресе, завий. Упоминает о лечебнице, в которой работает сирийский врач. Особенно подробно рассказывает о завиях близ Хорезма — у могилы шейха Наджм ад-Дина ал-Кубра и соседних с ней.

В доме кади Абу Хафса Умара его поразили красивые ковры, которыми был убран зал, стены, обитые сукном, со множеством ниш, где стояли серебряные с позолотой сосуды и иранские кувшины. Побывал он и в гостях у эмира, подробно описал убранство его дома, пышное угощение, устроенное в честь этого приема, а главное — подчеркнул благочестие его новых знакомых, многочисленные подарки, которые

ему поднесли. Одарили же гостя щедро: большой суммой денег, собольей шубой, подвели ему прекрасного коня. Среди материалов о крае маленьким гимном звучит описание хорезмской дыни: «...нет дынь, подобных хорезмским, за исключением бухарской, за которой следует исфаханская дыня. Кожа ее зеленая, мякоть красная, очень сладкая и при этом твердая. Удивительно, что ее разрезают на куски, сушат на солнце и кладут в корзины, как у нас делают с сушеными фидами и малагским инжиром, и везут из Хорезма в дальние города Индии и Китая. Среди всех сушеных фруктов нет лучше ее».

После трех недель пребывания в Хорезме Ибн Баттута направляется на юг, в Бухару. Путь каравана лежал через пустыню и занял 18 дней. Ночи стояли такие холодные, что даже на лошадей приходилось накидывать попоны.

Средневековая Бухара была одним из известнейших городов мусульманского мира, имеется множество свидетельств арабских географов о ее великолепии и многолюдстве. Восторженные отзывы оставили об этом городе Ибн ал-Факих, ал-Мукаддаси, ал-Умари. «Я не видел и не слышал, чтобы среди стран ислама был город, имеющий лучший внешний вид, чем Бухара», — писал упоминавшийся уже нами Йакут, побывавший в городе до монгольского нашествия. Ибн Баттута увидел Бухару другой: «Этот город когда-то был столицей городов, которые находятся за рекой Джайхун, и проклятый татарский Тингиз (Чингиз)... разрушил его так, что сейчас его мечети, медресе и базары в развалинах, за исключением немногих.

А жители унижены, их свидетельство не принимается в Хорезме и других странах...». Отдельная глава книги так и называется — «Начало татар и опустошение ими Бухары и других городов». Эти описания подтверждаются бухарскими документами XIV века.

Ибн Баттута остановился в предместье Бухары — Фатхабаде, здесь, при могиле святого отшельника

Сайф ат-Дина ал-Бахарзи, находился поразивший его своими размерами мавзолей и огромная завия. Шейх этой завии пригласил Ибн Баттуту к себе домой, собрал знатных лиц города, и «чтецы читали Коран прекрасными голосами, а проповедник произнес речь. Замечательно пели на тюркском и персидском языках. Там у нас прошла самая чудесная ночь». Чем можно заменить эти живые детали, подробности, сохранившиеся в памяти пытливого и доброжелательного человека! И таких мест в «Путешествии» — множество, потому и считается книга высшим достижением в жанре рихла, то есть географического описания стран, увиденных «собственными глазами». А биографические сведения содержат нередко не встречающиеся в других источниках данные о многих исторических личностях.

Посетив Нахшаб, где находилась резиденция султана Тармаширина, первым из монгольских наместников принявшего ислам, Ибн Баттута отводит ему отдельные главы в своей книге: «Султан Моваруннахра» и «Рассказ о достоинствах султана Тармаширина».

Далее — караван отправляется в Самарканд. Город, также подвергшийся разрушительному нашествию монгольских завоевателей, хранил и блеск своего былого величия. «Это один из самых крупных и прекраснейших городов», — пишет Ибн Баттута. И с горечью подчеркивает, что здесь, на берегу реки «стояли громадные дворцы и здания, которые показывают, как высоко было мастерство жителей Самарканда. Но эти здания, как и большая часть самого города,

превращены в руины». Поразили путешественника своей красотой мавзолеи архитектурного комплекса Шахи-Зинда, среди которых он выделяет мусульманскую святыню — могилу шейха Кусамы ибн-Аббаса, по преданию, — двоюродного брата пророка Мухаммеда. «Над могилой воздвигнут купол, стоящий на четырех опорах, к каждой из которых присоединены по две мраморные колонны зеленого, черного, белого и красного цветов. Стены мавзолея из разноцветной мраморной мозаики с позолотой; его крыша покрыта свинцом; надгробие сделано из инкрустированного эбенового дерева, углы обиты серебром; внутри подвешены три серебряных светильника. Мавзолей устлан коврами из шерсти и хлопка... Татары, еще в то время, когда были язычниками, ничего не изменили в этой святой гробнице и даже стали почитать ее, будучи свидетелями ее чудес». Рассказов с описаниями «чудес» того или иного святого, в том числе в разделе о Средней Азии, в книге Ибн Баттуты, конечно, встречается множество — это неперенный элемент распространенной в то время агиографической («житийной») литературы.

Из Самарканда марокканец направляется в Термез. «Это крупный город с красивыми зданиями и базарами. Его пересекают каналы, в нем много садов, виноград и айва там чрезвычайно сладкие. Много мяса и молока», — отмечает Ибн Баттута. Не упускает такой любопытной детали: «Жители этого города моют голову в банях кислым молоком вместо тафла. У каждого банщика много больших кувшинов, наполненных кислым молоком. Каждый, кто заходит

в баню, наливает из них в маленькие сосуды и моет голову. Оно освежает волосы и делает их гладкими»...

Нельзя не упомянуть и о том, что Ибн Баттута оставил уникальные сведения о движении сарбедаров, возникшем в Хорасане в 30-х годах XIV века как социально-политический протест представителей средних слоев города против политики монгольских завоевателей. Большой популярностью сарбедарство пользовалось и в Мовароуннахре, в 1365 году сарбедары возглавили восстание в Самарканде. Государство сарбедаров просуществовало в Хорасане с 1337 по 1381 годы. Здесь существовала собственная армия, чеканилась своя монета, были отменены некоторые налоги, введенные монголами. Между тем, об этом движении практически нет информации, исходящей от очевидцев.

Что же касается оставленного путешественником подробного описания городов, зданий, площадей, памятников зодчества — эти сведения незаменимы для специалистов, работающих над восстановлением облика средневековых поселений. Достаточно привести такой пример: польские археологи, искавшие местонахождение столицы древнего Мали, руководствовались данными Ибн Баттуты. Эти данные оказались настолько точными, что исследователям удалось отыскать и целый ряд построек города.

Ибн Баттута осуществил и свою заветную мечту: преодолев горный хребет Гиндукуш, пустыню, где «веет смертельный ветер самум», пересек реку Инд и добрался с караваном купцов до сказочной Индии. Он прожил здесь около восьми лет, находясь при дворе

султана Мухаммада Туглака, который покровительствовал ученым и писателям. Султан дал во владение Ибн Баттуте несколько деревень и назначил судьей в Дели, являвшемся в ту пору столицей обширного и могущественного султаната. Ибн Баттута оставил в своей книге массу интересных сведений о жизни султаната.

В 1345 году марокканский путешественник побывал и «на краю известного мира» — в Китае. Вопрос о его пребывании в этой стране до сих пор является спорным, однако подлинность оставленных Ибн Баттутой сведений об Индокитае убедительно доказана крупнейшим российским востоковедом И. Ю. Крачковским. Да и многие детали рассказов путешественника свидетельствуют о подлинности его знаний. Очень интересны сведения о великом эмире Куртае, о городах страны, развитии здесь ремесленничества, о морском флоте Китая.

Во всех странах и землях открывал для себя Ибн Баттута новое, неизведанное. Но и плата за знания была высокой — нередко он терпел в пути тяжкие лишения, неустроенность, притеснения. Во время странствий у Ибн Баттуты родилась и умерла маленькая дочь, скончалась, не дождавшись сына, мать. Он был захвачен в плен и чудом бежал, попадал в районы, где свирепствовали эпидемии, его караван разоряли разбойники, и он оставался нищим. Но проходило время, и неудержимая страсть к путешествиям снова влекла его в путь, ведь на земле еще оставались страны, в которых не привелось побывать. А если учесть, что к XIV веку ислам являлся господствующей

идеологией на огромном пространстве от Атлантического океана до западных границ Китая, становится понятным, как обширен был ареал устремлений Ибн Баттуты.

Наконец, он прибывает в прекрасный Фес. Но еще не закончилась для него дорога странствий. Прошло два года, и, выполняя поручение султана Абу Инана, он направляется в Гранаду — столицу последних арабских поселений в Испании. В этом городе он впервые встретился со своим будущим литературным редактором Ибн Джузайей.

18 февраля 1352 года, также по поручению Абу Инана, Ибн Баттута отправляется в свое последнее путешествие — на этот раз по Африке. Султан желал разузнать о возможностях расширения торговли с западноафриканскими странами.

На этом закончились беспримерные странствия марокканского путешественника, длительность которых составила 28 лет и протяженность — более 120 тысяч километров. По масштабу странствий, количеству увиденных и описанных земель и народов, разнообразию приводимых сведений (география, история, этнография, экономика, культура, топонимика, религия, градостроительство, политическое устройство, правоведение и др.) его книга «Путешествие» не имеет равных в истории не только мусульманской, но и мировой описательной географической литературы до XV века.

Книга «Путешествие» была довольно критично воспринята современниками Ибн Баттуты. Многим удивительные сведения, сообщаемые путешественником,

казались сомнительными, другим — и вовсе вымыслом и фантазией. Вскоре о его сочинении забыли. Только в XVII веке некий ал-Байлуни, чтобы сделать сочинение Ибн Баттуты более доступным широкому читателю, выпустил значительно сокращенный его вариант. В таком виде познакомилась с сочинением великого марокканского путешественника и Европа — отдельные разделы из этого издания переводились немецкими и английскими востоковедами. Уже в XIX веке, в 1873 году, в Парижскую Национальную библиотеку поступило сразу несколько рукописей полного текста «Путешествия», два из них содержали текст, записанный Ибн Джузайей. Вскоре французские ученые К. Дефремери и Б. Сангинетти сделали прекрасный перевод книги, который вместе с арабским текстом был издан в четырех томах в Париже в 1853—1858 годах. Это издание до сих пор является основным источником для исследователей, пишущих об Ибн Баттуте. В последующие годы было издано множество работ о марокканском путешественнике и его странствиях, переводы текста «Подарка созерцающим...». Благодаря перепечаткам с английского, вновь познакомился с сочинением великого путешественника и арабский Восток. Здесь его книга стала одной из популярнейших — выдержки из нее публикуются даже в школьных хрестоматиях. Книга переводилась также на многие европейские и восточные языки.

Российские читатели впервые познакомились с «Путешествием» Ибн Баттуты в 1841 году, когда в «Русском Вестнике» под рубрикой «Известия иностранцев

о России» были опубликованы в переводе с английского отдельные главы книги. Появились и другие публикации. Наиболее значительный интерес представляет здесь перевод извлечений из «Путешествия», сделанный В. Тизенгаузеном. Эти места книги касались истории Золотой Орды. И уже на памяти ныне живущих людей появились многочисленные публикации, в том числе сочинение И. Тимофеева в серии «Жизнь замечательных людей», книги В. Г. Милославского и известного ученого Н. Ибрагимова, посвященные путешествию Ибн Баттуты.

Биографических данных об Ибн Баттуте — немного, в основном те, что приводятся в его сочинении. Скучны сведения и о последних годах его жизни. Известно, что после смерти его покровителя Абу Инана путешественник уехал из Феса, служил в провинциальных городах Марокко в должности судьи. Датой его кончины чаще всего называют 1377 год. Скорее всего, похоронен он был близ родного ему Танжера, где и сейчас показывают его могилу.

...Всю свою жизнь Ибн Баттута, величайший из путешественников своего времени, стремился «посмотреть мир, радуя сердце». Ведь он принадлежал к той же плеяде великих землепроходцев и открывателей новых земель, что и Марко Поло, Афанасий Никитин. Они не ставили перед собой научных целей — ими владела жажда новых знаний. И благодаря этим людям мир становился шире и многограннее.

НА СЛУЖБЕ У ТЕМУРИДОВ. СТРАНСТВИЯ ИОАННА ШИЛЬТБЕРГЕРА

Когда юный Иоганн фон Шильтбергер увидел, что рыцарь Леонгард Рихадтингар, у которого он служил оруженосцем, пал под ударами кривых турецких сабель, а сам он окружен плотным кольцом воинов султана Баязида Молниеносного, он мысленно попрощался с жизнью и вознес мольбы Богу. Небесные силы не только пощадили его, но и уготовили ему необыкновенную судьбу. Свои скитания по чужим землям и службу у иноземных властителей он в конце жизни описал в «Книге странствий».

Четырнадцатилетним юношей Иоганн Шильтбергер ушел в 1394 году из родной Баварии с войсками крестоносцев в Константинополь отвоевывать христианские святыни. И попал в турецкий плен в битве при городе-крепости Никополе в устье реки Шиль, впадающей в Дунай, после разгрома крестоносцев султаном Баязидом.

Об этом кровопролитном сражении, которое произошло 15 сентября 1396 года, он пишет: «Рыцари и прочие воины, видя, что король Сигизмунд бежал, так же показали тыл и многие из них бежали к Дунаю, где некоторые добрались до кораблей. Так как корабли уже были наполнены людьми, то отрубали руки тем из них, которые еще хотели к ним добраться, так что они утонули. Мой господин Леонгард Рихадтингар и другие командиры отрядов пали в сражении. Число

взятых в плен было больше убитых. Среди пленных были герцог Бургундский, двое французских вельмож, и еще многие другие знатные особы, рыцари, воины».

Вместе с шестьюдесятью другими пленными рыцарями юноша был увезен Баязидом в столицу Рума Бурсу и находился там в течение шести лет. Однажды вместе с группой пленных христиан он пытался бежать из неволи, однако они были задержаны посланным в погоню отрядом турок-османов. Избежав смерти, наш герой девять месяцев просидел в заточении. Позже он заслужил особое расположение султана и был принят на дворцовую службу. Он пишет: «Султан послал пленных в подарок королям Вавилона и персидскому, равно как и в Белую Татарию, Великую Армению и другие страны. Меня тогда приняли ко двору Турецкого короля и я должен был бегать перед ним в его походах, вместе с другими, по тогдашнему обычаю. В эти шесть лет я до того дослужился, что мне позволили ездить верхом в свите короля».

Оставаясь во время своей службы у мусульман христианином, Шильтбергер с интересом и уважением относился к обычаям ислама. Он записывает рассказы «о рождении Мухаммада и о его религии», о пятикратной ежедневной молитве (намазе), о мусульманских мечетях, медресе. Он подробно описывает обряды празднования окончания мусульманского поста рамазан и праздника курбан-байрам. В этот день «второй пасхи мусульман», как его называет Шильтбергер, «верующие режут баранов и волов для убогих. К этому дню они ходят на поклонение к гробу Мухаммада и к храму, построенному Авраамом и

находящемуся пред городом, который называется Медина и содержит в себе гробницу Мухаммада. В этот же день король-султан велит покрыть храм Авраама черным бархатным покрывалом. Затем священник обрезает от старого покрывала всем по кусочку, который они берут с собой в знак того, что были там». Так Иоганн Шильтбергер описывает хадж в Мекку к священной Каабе.

Иоганн Шильтбергер, отмечая, что мусульмане, несмотря на бедствия, принесенные им крестовыми походами христиан, почитали Иисуса Христа, писал: «Мусульмане говорят, что Авраам был друг Божий, Моисей — пророк Божий, Иисус — Слово Божие и Мухаммад — вестник Божий. Вообще они ставят Иисуса в число четырех главных пророков и считают Его высшим возле Бога, так что все люди будут Им судимы в последний день».

Турки-османы в конце XIV века соперничали с Амиром Темуrom за владение Ближним Востоком. «Властелин Мира», после победы над ханом Тохтамышем в 1395 году, был на вершине своего военного могущества. Султан Баязид, связанный союзным договором с мамлюками Египта, по просьбе султана Сайфиддина Баркука, послал ему на помощь двадцатитысячную армию. В этой военной экспедиции принял участие и автор «Книги странствий». Баязид напал на Малую Армению, принадлежавшую Темуру, и захватил город Савастию. Изгнанный из города наместник Отман, будучи подданным Темура, попросил у него помощи. Амир Темур немедленно выступил против захватчика и в битве при Анкаре 20 июля

1402 года, неудачной для османов, Шильтбергер вместе с султаном Баязидом попал в плен к Амиру Темуру и поступил к нему на службу.

Вместе с войском Темура, участвуя в боях, он прошел путь от Турции и Азербайджана до Ирана и Дамаска, от Вавилона до Индии.

Везде рыцарь подмечает особенности местного быта, торговли производства товаров. Он рассказывает о большом храме в Дамаске, имевшем сорок ворот с наружной стороны, отмечает, что город Шурки богат пряностями, в Иране и Азербайджане производится в изобилии шелк-сырец, который вывозится в Сирию и Венецию, а Болгар богат рыбой и так далее.

В своих записках Шильтбергер описывает, как Амир Темура, выступив в поход в Индию с четырехсоттысячным войском, должен был пройти через безводную пустыню. Затем он шел через гористую страну, которую удалось с большим трудом пройти только за восемь дней, «так что часто приходилось привязывать верблюдов и лошадей к доскам, дабы спускать их с гор».

Когда войско подошло к столице Индии — Дели, Иоганн Шильтбергер пишет, что Амир Темура, «устроив свой лагерь на равнине у подошвы покрытой лесом горы, велел сказать королю сего края: «Амир Темура келди», то есть «Сдавайтесь, государь, Темура пришел». Король велел отвечать ему, что он с ним разделается мечом, и готовился выступить против Темура с четырьмястами тысяч воинов и сорока слонами. Темура выступил ему навстречу и охотно начал бы сражение, но лошади не хотели идти вперед, потому

что боялись слонов, поставленных королем впереди строя. Поэтому Темур отступил и стал советоваться со своими сподвижниками, как преодолеть слонов. Один из полководцев посоветовал собрать верблюдов, нагрузить их дровами, зажечь и пустить против слонов.

Темур, следуя этому совету, велел приготовить двадцать тысяч верблюдов, зажечь наложенные на них дрова и пустить на неприятельский строй. Слоны, устрешенные огнем и криками верблюдов, обратились в бегство, а вместе с ними и воины неприятеля.

Темур осаждал столицу края десять дней. Между тем король начал с ним переговоры и обещал заплатить два сундука золота, кроме того, он дал ему много алмазов и обещал выставить по его требованию тридцать тысяч человек вспомогательного войска. По заключении мира на этих условиях король остался в своем государстве, Амир Темур же возвратился домой со слонами и богатствами, полученными от короля».

Амир Темур создал огромную империю, простиравшуюся от Дели до Дамаска и от Аральского моря до Персидского залива. Решение вопросов государственной важности не мешало ему поощрять процветание науки и литературы. При дворе Темура работали лучшие зодчие, каллиграфы и художники того времени. За годы его правления небывалый подъем получили градостроительство и архитектура в разных уголках страны. Свидетельством тому служит поражающий и сегодня воображение своим величием дворец Ак-Сарай, сооруженный на родине Амира Темура в Шахрисабзе, и мавзолей Ахмада Яс-сави в Туркестане.

Состоя при Амуре Темуре, Иоганн Шильтбергер попал в столицу Мовароуннахра Самарканд. «Есть еще страна Джагатай, где главный город Самарканд, весьма большой и многолюдный, — писал Иоганн Шильтбергер. — Жители весьма храбры; они говорят особенным языком в половину турецким, в половину персидским. В этой стране хлеба не едят.

Все упомянутые земли были подвластны Темуру в то время, когда я при нем находился, и во всех землях я побывал. Но у него было еще много других стран, мною не посещенных».

Джагатай обязан своим именованием второму сыну Чингизхана, получившему в удел земли от границ Хорезма, по обеим сторонам Амударьи, до Восточного Туркестана. Все эти земли получили затем наименование Джагатай с центром в городе Бишбалик по реке Или. Отсюда уже столица была перенесена Темуром в Самарканд, который он хотел поставить выше всех городов. Столица огромной империи, «фокус мира», олицетворение его силы и могущества, была окружена мощной стеной с шестью воротами и глубокими рвами. В центре города возвышалась цитадель с высоким дворцом, одновременно служившим главным арсеналом. Многочисленные дворцовые постройки были возведены в загородных садах вокруг Самарканда. Иоганн Шильтбергер был поражен богатством и оживленностью города. Большое впечатление произвели на него также быстрота и энергия, с которой производилась тогда перестройка Самарканда.

В интересах возросшей торговли через весь город была пробита улица, по сторонам которой разместились лавки купцов.

Производство различных изделий здесь достигло высокого уровня искусства: ткани из шелка и хлопка, текстильные и керамические краски, изделия из металла и стекла, драгоценных камней. Лучшая в мире бумага производилась в Самарканде. Вода, которой пользовались бумажные толчеи, шла из Кон-и Гиля, который находился поблизости от Сияхаба (Черной воды), эту «черную воду» называли также Об-и Рахмат. Еще в Самарканде производили замечательный малиновый бархат, который вывозили во все страны. Город находился на средоточии караванных троп Великого шелкового пути, и в лавках купцы предлагали товары из Индии, Китая, Ирана и Восточной Европы.

Дошедшие до нас монументальные здания Самарканда, воздвигнутые при Амуре Темуре, мавзолеи и мечети образуют ансамбли, которые и сейчас определяют силуэт исторической части города.

Одним из самых замечательных архитектурных памятников того времени, была, несомненно, соборная пятничная мечеть, известная под названием мечеть Биби-ханым. Огромное здание начало возводиться в 1399 году, после индийского похода, и строилось несколько лет. В его сооружении и украшении участвовали зодчие, резчики по камню, художники, собранные Сахибкираном со всех концов огромной империи. Амир Темур придавал исключительное значение этой мечети — символу могущества и богатства его государства и лично руководил ходом строительных работ.

Еще один замечательный комплекс, шедевр зодчества, увековечил в веках имя Амира Темура. Это — мавзолей Гури-Амир. Он был построен как усыпальница для любимого внука и наследника Темура Махаммад-Султана. Однако мавзолей стал местом погребения самого Амира Темура, умершего во время похода в городе Отраре. Его ребристый купол, украшенный узорами из синих и голубых изразцов, сегодня стал эмблемой Самарканда.

После кончины Амира Темура в феврале 1405 года Иоганн Шильтбергер попал к его сыну Шахруху, которому по завещанию повелителя принадлежал Хорасан со столицей в Герате. Средний сын Сахибкирана, Мираншах, должен был получить после смерти отца Тебриз, но там власть узурпировал Юсуф Туркман. Мираншах, как пишет Шильтбергер, попросил пособия у брата, который пришел ему на помощь. Объединив войска, братья изгнали Юсуф Туркмана, и Мираншах вернул себе наследственные земли. Шахрух в качестве военной помощи оставил брату Мираншаху двадцать тысяч вспомогательного войска, при котором состоял и Шильтбергер.

Когда Мираншах погиб на войне, герой повествования перешел по наследству к его сыну и преемнику эмирзаде Абубекру, у которого прослужил четыре года.

При дворе Абубекра жил «на хлебах» царевич Чакаре из Великой Татарии. Когда ему было предложено занять престол в Золотой Орде, он уговорил эмирзаде дать ему охранный отряд из шестисот человек, в состав которого вошел и Шильтбергер, и поехал в Дашт-и

Кипчак, где судьбами Золотой Орды вершил временщик хан Едигей.

Иоганн Шильтбергер приводит в своих записках ценные наблюдения о нравах и обычаях кочевников: «Из хлебных растений здесь сеют одно только просо. Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которые у них заменяются молоком лошадиным и верблюжьим, также они питаются мясом этих животных. В этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и стадами своими, везя с собой все свое добро, странствуя от одного пастбища к другому».

Наблюдательный и любознательный Иоганн Шильтбергер подмечает мельчайшие детали из жизни Дашт-и Кипчака. «Сам я видел, — писал он, — что они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь у лошадей, варили ее и ели. Когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и нарезают на тонкие пласты, которые кладут под седло. Мясо от теплоты лошади становится мягким и высыхает под седлом от езды, во время которой сок вытекает. Посоливши предварительно это мясо, они едят его, когда бывают голодны, воображая, что хорошо приготовили себе пищу. Они садятся на пол, когда хотят есть или пить».

Будучи свидетелем неоднократной смены власти в Золотой Орде, Иоганн Шильтбергер не раз наблюдал церемонию избрания хана: «При избрании короля его сажают на белый войлок и поднимают три раза. Затем его носят вокруг палатки, сажают на престол и дают ему в руки золотой меч, после чего он должен присягать по их обыкновению».

В борьбе за власть гибли один за другим претенденты, а наш рыцарь переходил от одного хозяина к другому. Сражаясь бок о бок с золотоордынскими воинами, он отмечает, что «между язычниками нет народа, столь храброго, как обитатели Дашт-и Кипчака».

Меняя не по своей воле одного властителя на другого, Иоганн Шильтбергер участвовал во многих битвах, отстаивая интересы своих хозяев, неоднократно был ранен, скитался по разным странам и очутился на Кавказе, в Мингрелии. Там он с пятью пленными христианами, «сговорился во что бы то ни стало вернуться каждому на свою родину». Путь их лежал через Кафу, Батум, Синоп, Константинополь, Валахию, Краков и Рогенсбург.

Вернулся Иоганн Шильтбергер домой в Баварию в 1427 году в возрасте 47 лет и с пониманием, что к Святым местам надобно приходиться с посохом, как мирному страннику, ходить же к ним с мечом не подобает. Последние 10 лет своей жизни он посвятил описанию своих путешествий и приключений.

«Книга странствий» Иоганна Шильтбергера представляет несомненный интерес как исторический источник для исследователей средневековой истории Турции, Балканских стран, Золотой Орды, Узбекистана. Шильтбергер писал: «Я познакомил вас со странами, городами и областями, мною посещенными, пока находился среди язычников. Я описал также битвы, в коих участвовал, то, что я узнал о религиозных обрядах и многие другие достопримечательности».

**РУИ ГОНСАЛЕС ДЕ КЛАВИХО
ПРИ ДВОРЕ
ПРАВИТЕЛЯ МОВАРОУННАХРА**

*Уникальные свидетельства о жизни
Амира Темура и его государства
оставил нам
Руи Гонсалес де Клавихо.*

Амир Темура вошел в историю как прославленный полководец, не проигравший ни одного из тысячи сражений, как один из пяти самых великих завоевателей всех времен и народов. И еще как политик, внесший огромный вклад в дело построения государственности, прогресс науки, просвещения, культуры. Выйдя на арену мировой истории, Амир Темура избрал столицей своего государства Мовароуннахра не родовое гнездо — город Кеш (Шахрисабз), а Самарканд, лежащий на пересечении важных трасс Великого шелкового пути. К концу XIV века границы империи Темура простирались от Поволжья и Кавказа на

западе до Индии на юго-востоке. Слава о могуществе Мовароуннахра шла по всему миру, так же, как и слава о красоте его поселений, роскоши двора Сахибкирана.

На рубеже XIV—XV веков над Европой нависла угроза османского завоевания. И в эту пору сюда стали доходить известия о могуществе правителя Средней Азии Темура, подчинившего своей власти также огромные пространства Среднего Востока и Северной Индии. В его ставку потянулись представители многих европейских государств. И Темур, и западноевропейские правители были обоюдно заинтересованы в дружественных отношениях не только из-за совместных действий против Османской империи, но и в целях развития торговых связей. Темур обменивался посольствами и письмами с Генуей, Венецией, Византией, Францией, Англией...

Проходят века, а интерес к личности Амира Темура, крупнейшего государственного деятеля — реформатора Средневековья не только не уменьшается в мире, но и возрастает. Сведения о годах его правления, деяниях, жизни его самого и его приближенных привлекают внимание историков, специалистов военного дела, архитекторов, искусствоведов, просто читателей. Наибольшую же ценность представляют собой свидетельства современников Темура, делящихся личными наблюдениями и впечатлениями. В ряду таких свидетельств особое место занимает «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406)» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо. Опытный дипломат, представитель высокой культуры

эпохи Возрождения, Гонсалес возглавил посольство ко двору Сахибкирана, снаряженное королем Кастилии и Леона Энрико III (Генрих III де Трастамара). Посольство прибыло в Самарканд в 1404 году. Это был ответный визит испанцев — после блестящей победы Темура над турками и пленения султана Баязида он получил поздравления от испанского владыки. Сахибкиран направил тогда в Мадрид своего посланника с дарами «для закрепления дружбы». И вот — ответное посольство, с богатыми подарками и письмом испанского короля.

Автор вел свой «Дневник» непосредственно во время путешествия, и в нем содержатся бесценные сведения о Темуре и Мовароуннахре той поры. Текст Клавихо отличается зоркой наблюдательностью, объективностью освещения полученных им во время поездки сведений, точностью деталей, живым языком. Сочинение испанского гранда и сегодня является важнейшим источником при изучении истории, экономики, культуры, быта Ближнего Востока и Средней Азии начала XV века. Клавихо подробно описывает начавшееся в 1403 году плавание испанских посланников из порта Санта-Мария через Средиземное море, вдоль юга Италии, Греции, Родоса, греческих островов у побережья Малой Азии, в Константинополь и далее до Трапезунда. Разыгравшиеся штормы вынудили их вернуться на зимнюю стоянку, и потом до Трапезунда добирались на лошадях. Через Султанию вышли на восточный караванный путь, проходящий через Тегеран, Нишапур, Балх, Кеш, Самарканд. Через эту ветвь Шелкового пути велась

караванная торговля европейских купцов со Средней Азией, Китаем и Северной Индией, и весь этот участок держал в своих руках Темур. Здесь посланники были окружены заботой его эмиссаров, каждый день им предоставляли свежих лошадей «для быстрой езды».

28 августа 1404 года «подъехали к большому городу, называемому Кех (Кеш). Он располагался на равнине, пересекаемой со всех сторон оросительными каналами и ручьями. Город был обнесен земляным валом и окружен глубоким рвом, а у ворот его имелись подъемные мосты. Из этого города Кеха был Тамурбек, и здесь же родился его отец», — сообщается в «Дневнике». Далее де Клавихо подробно описывает красоту и величие родового гнезда Амира Темура, роскошь построек поразила воображение даже этого немало повидавшего на своем веку европейца. Вот как описывает он архитектурный комплекс Дар ат-Тилават, где были похоронены отец Амира Темура и его сын Джахангир: «Эта мечеть и усыпальница очень богаты и отделаны золотом, лазурью и изразцами, при ней большой участок с деревьями и водоемами. Каждый день по приказанию сеньора в эту мечеть отправляют двадцать сваренных баранов в память душ отца и сына Тамурбека, погребенных там». На другой день испанцы смогли подробно осмотреть «большой дворец» (речь идет о дворце Ак-Сарай — Р. М.). Там было столько помещений, что «сразу и не расскажешь», отделка была «золотом, лазурью и разными цветами, достойная удивления даже в Париже, где искусные мастера. Эта работа и у них считалась бы прекрасной». Над

дверью, ведущей во внутренние покои, «посередине был изображен лев на фоне солнца, а по краям точно такие же изображения». Далее Клавихо разъясняет, что это герб не Темура, а «прежнего сеньора Самарканте... герб же Тамурбека — три круга... Это значит, что он царь трех частей света» (согласно воззрениям античности, обитаемый мир состоял из трех частей света: Европы, Азии и Африки — Р. М.).

Несколько дней испанцы провели, знакомясь с загородными дворцами и садами, где разгуливали олени и множество фазанов, где струилась вода в фонтанах и водоемах, принимая участие в пирах и праздниках. Наконец, они были извещены, что их желает принять Амир Темура, причем пояснили, что чем посланники именитее, тем позже он их принимает.

Восьмого сентября посольство отбыло в Самарканд. Дорога шла по зеленой равнине. Клавихо записал в «Дневнике»: «Столько этих садов и виноградников вокруг города, что когда подъезжаешь к нему, то кажется, что приближаешься к целому лесу высоких деревьев и посередине его — сам город. А через город и эти сады проложено множество оросительных каналов, в этих садах выращивают много дынь и хлопка. А дыни в этой земле обильны и превосходны... Эта земля обильна всем — как хлебом, так и вином и мясом, плодами и птицей, бараны там очень крупные и с большими курдюками. И этих баранов столько и они так дешевы... пара их стоила один дукат. Другие товары также очень дешевы... Хлеб так дешев, что дешевле быть не может, а риса невероятно много... Богатство этой земли не только в изобилии съестного, но и

в шелковых тканях, атласе, камке, сендале, тафте, терсенале, которых здесь производится много, также и в меховых и шелковых подкладках, в притираниях, пряностях и в золотых и лазоревых красках и прочих предметах. Поэтому сеньор очень хотел возвеличить этот город и, когда завоевывал какие-либо земли, отовсюду привозил людей, чтобы они населяли город и окрестные земли, особенно он собирал мастеров по разным ремеслам... Кроме того, этот город изобилен разными товарами, которые стекаются в него из разных стран...».

В тот же день посольство испанского короля принял властитель Мовароуннахра. «Сеньор восседал на шелковой расшитой маленькой подстилке, а локоть его покоился на маленькой круглой подушечке. Он был одет в гладкое шелковое платье без рисунка, на голове носил высокую белую шапку с рубином наверху и драгоценными камнями». После церемонии представления и вручения письма и подарков, испанцы разъяснили цель своего посольства. «Тамурбек ... обратился к кавалерам, сидящим у его ног, и сказал: «Посмотрите на этих посланников, которых прислал ко мне мой сын, король Испании, первый из всех королей, которые есть у франков, что живут на краю мира» (по мусульманским понятиям, франки — это люди из европейских христианских стран — **Р. М.**). В подтверждение этого испанцев усадили на возвышении с правой руки Темура, выше посланников других стран.

Далее страницы «Дневника» Клавихо занимают сведения о биографии Темура, его родственных связях,

его военных походах, торгово-дипломатической деятельности, описания Самарканда, а также дворцовых церемоний, пышных царских приемов и праздников. Неоднократно он описывает пиры, когда бочками выкатывались вина, на вертелах жарились целые туши баранов, коров, лошадей, подавались дичь, множество фруктов, сладостей. Почетных гостей обносили золотыми кубками с напитками, яства раскладывали на золотых, фарфоровых, стеклянных блюдах. Не было предела увеселениям, выступлениям музыкантов, танцоров, борцов, выпускали даже боевых слонов Темура, привезенных им из Индии. Но довелось видеть Клавихо и его спутникам и массовые казни в дни этих празднеств — властелин Мовароуннахра не прощал злоупотреблений ни вельможам, ни простому люду.

Клавихо очень детально описывает, сколь роскошными были не только дворцы в Самарканде, но и загородные шатры и павильоны Темура, членов его семьи и придворных. Их покрывали яркими шелками, искусными вышивками, коврами, мехом куниц, соболей, белок, украшали изделиями из серебра, золота, драгоценными камнями. Особенно поразили его шатры старшей жены Темура — Каньо (Биби-ханым). А вот какой увидел Клавихо саму Биби-ханым: «Вышла она одетой так: в красном шелковом одеянии, расшитом золотом, широким и длинном, волочившемся по земле, а подол его несли около пятнадцати женщин... Лицо Каньо было закрыто белой легкой тонкой тканью, а на голове как бы шлем из красной материи... А этот шлем очень высок и на нем было

много крупного, светлого и круглого жемчуга, много рубинов, бирюзы и других камней, очень красиво оправленных. Покрывало было расшито золотом, а наверху всего был очень красивый золотой веночек со множеством драгоценных камней и крупного жемчуга... Волосы ее, очень черные, были рассыпаны по плечам... Этот ее шлем поддерживало много знатных женщин, а шло всего их с нею более трехсот... Над нею несли навес... из белой шелковой ткани».

Отдельные страницы «Дневника» посвящены развитию ремесел, торговли в Самарканде. «В этом городе Самарканде продается каждый год много разных товаров, которые привозят туда из Китая, Индии, Тарталии и различных других мест и из самой Самаркандской земли, достаточно богатой. А так как не было специальной площади, где бы удобно было торговать, сеньор приказал проложить через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Все палатки были соединены по две, а сверху вся улица была накрыта сводом с окошками, через которые проходил свет».

В этих описаниях чувствуется стремление Клавиho охватить как можно больше впечатлений, фактов, изложить сведения живо и занимательно. Что же касается данных, полученных от других рассказчиков, они неточны или даже ошибочны. И потому особенно ценен новый перевод «Дневника», осуществленный И. С. Мироковой (М., издательство «Наука», 1990). Он снабжен обширным историко-географическим комментарием в виде большого количества примечаний, касающихся упоминаемых в тексте

географических пунктов, исторических личностей, имен, уточняющих некоторые факты, приводящиеся испанским грандом. Этот перевод и использовался при подготовке статьи. А первый перевод «Дневника» на русский язык был сделан известным славистом И. И. Срезневским более ста лет назад и опубликован в 1881 году.

Но вернемся к посланникам испанского короля. 21 ноября 1404 года, получив охранные грамоты Темура и сопровождающих, они выехали из Самарканда и через шесть дней прибыли «в большой город, называемый Бояр (Бухара)». Здесь находились почти неделю, и в «Дневнике» Клавихо есть и описание этого города. Миновали Мидию, Персию, другие земли. В дороге застигла их весть о внезапной кончине Амира Темура, случившейся во время похода на Китай 18 февраля 1405 года. Среди его наследников начались распри, в связи с чем на долю испанских посланников выпало на обратном пути немало трудностей.

По возвращении в Испанию, через месяц, Клавихо предстал перед своим королем с докладом о миссии ко двору Темура. После смерти Энрико III Клавихо отошел от государственных дел и занялся сооружением фамильного склепа в монастыре святого Франциска в Мадриде. Там он и был погребен в 1412 году, год же его рождения неизвестен.

Труд Руи Гонсалеса де Клавихо был создан за полвека до начала книгопечатания в Испании, а потому первое издание было осуществлено на его родине лишь в 1582 году. Издал его в Севилье Арготе де Молина, назвав путевые заметки Клавихо «История великого Таморлана». Почти два века спустя (1779 год) был

выпущен сборник Испанских хроник, в третий том которого вошел и «Дневник». Через три года он вновь был выпущен отдельным изданием. В 1859 году сочинение испанского посла было переведено в Англии и выпущено в Лондоне (в 1928 году здесь осуществлено второе издание).

Вначале в Испании издание сочинения Клавихо предпринималось с определенной целью — показать дальновидность политики испанских королей, устанавливающих дипломатические отношения со странами Востока, с Самаркандом. Но широкий интерес к содержащимся в нем сведениям о неведомых, загадочных землях, энциклопедизм и в то же время живой, образный язык автора, доверительная манера изложения событий превратили «Дневник» в один из ярких памятников не только испанской, но и мировой прозы. Наряду с сочинениями Марко Поло, Афанасия Никитина, Барбаро, Канторини, «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура» Руи Гонсалеса де Клавихо вошел в золотой фонд общечеловеческой культуры.

В БУХАРУ —
С ТОРГОВЫМ КАРАВАНОМ.
ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОН

Шестнадцатый век, далекий век. Путешествия в те времена были долгими и опасными. Уходя из дома, уходили надолго, порой навсегда. И не случайно сквозь всю восточную поэзию звучал щемящий мотив разлуки, уходящего в даль каравана.

Но несмотря на все трудности и опасности, караванная торговля продолжалась, Великий шелковый путь жил. Как говорили древние, *Via est Vita* — дорога — это жизнь. Англия, Швеция, Голландия, через Русь, стремились на Восток — в Персию, Индию, Китай. Караванными тропами, а потом по морю, везли на Запад шелка, дорогие ткани, пряности, индиго и кошениль, драгоценные сосуды, украшения, ковры...

Однако не только страсть к выгодной торговле двигала купцами. Рука об руку с ней шло чувство любознательности, желание увидеть новые страны, узнать чужие народы. Путешествие всегда считалось благочестивым деянием, и прикованный к своему углу невежда никогда не становился истинным мужем.

Многие исследователи в средние века пытались достичь Индии, и вообще Востока, кратчайшим путем. Одни, как Христофор Колумб, двигались через океан на Запад. Другие, как Васко да Гама, огибая Африку с юга. Ну, а третьи искали морской проход вдоль северных границ Азии. Среди них была и снаряженная в 1553 году экспедиция английский мореплавателей Хью Уиллоби и Ричарда Ченслера. Она потерпела неудачу, суда погибли, и только Ченслеру со своим кораблем удалось достичь устья Северной Двины. И таким образом вместо Северо-Восточного прохода отважный мореплаватель открыл для Европы Русский Север. В Москве Ченслер был принят Иваном IV. Грозный царь был милостив и разрешил англичанам торговлю в России.

Так в Московии, как называли страну иностранцы, начала действовать англо-русская торговая компания. В 1557 году, после смерти Ченслера, главным представителем этой компании в России стал Энтони Дженкинсон, опытный торговец и бывалый путешественник. Еще за десять лет до описываемых событий он успешно торговал с Левантом, как именовали тогда страны Восточного Средиземноморья. Но теперь Дженкинсон имел поручение от компании разведать путь в Индию и Китай.

Однако и новые попытки пробиться в Азию через Северо-Восточный проход окончились неудачей. Корабли дошли лишь до острова Вайгач в Карском море и повернули назад. Было принято решение двигаться по суше. Кратчайший путь на Восток лежал через Российское царство вдоль по Волге до Астрахани, затем по Каспию и далее по Великому шелковому пути.

И вот в 1557 году компания снарядила экспедицию из Английского королевства в Москву и далее в Китай через Центральную Азию. Во главе экспедиции стоял Энтони Дженкинсон. Обстановка как будто благоприятствовала путешествию. Незадолго до этого Россия завоевала Казанское и Астраханское ханства, далеко расширив на юго-восток свои владения. Но, с другой стороны, в год, когда экспедиция покинула Москву, началась так называемая Ливонская война между Россией, Швецией, Польшей и Литвой. А войны, как известно, не лучшее время для путешествий.

Но как бы то ни было, а 23 апреля 1558 года экспедиция наконец покинула Москву и отправилась в далекий путь. Кроме руководителя, в состав ее входили служащие англо-русской компании Ричард и Роберт Джонсоны и татарин-переводчик. Но до этого предусмотрительный Дженкинсон заручился письмами царя к правителям чужеземных стран с просьбой о помощи и содействии. Впрочем, они не защищали от разбойников — главных в те времена врагов странствующих и путешествующих.

Бывалый землепроходец, Дженкинсон выбрал речной путь. Путешественники плыли вниз по Оке,

делая остановки в прибрежных городах — Переяславле Рязанском, стоявшем в пятидесяти верстах от сожженной ханом Батыем Рязани (только в восемнадцатом веке город был переименован в современную Рязань), в Муроме, известном своими ярмарками, но также и разбойниками в муромских лесах, в Нижнем Новгороде. На левом берегу Волги, у Макарьевского монастыря близ Нижнего Новгорода, путешественники как раз успели на ярмарку, где убедились, что товары купцы везут не только из российских городов и сел, но и из Бухары, Южного Кавказа, Индии, Персии: ружья и пистолеты, меха и кожи, шелка, ковры, пряности и драгоценные камни, воск и мед, заморские вина и сахар, рыбу и икру..

«Мы прожили в Нижнем Новгороде несколько дней, — сообщает Дженкинсон, — когда в город прибыл воевода, посланный царем, чтобы управлять Астраханью, с большим караваном судов, груженных продовольствием и снаряжением, со стрельцами на борту». Караван оказался как нельзя кстати, и далее экспедиция следовала в его русле.

В Казани, которая всего лишь за пять лет до начала экспедиции была завоевана русскими войсками, еще видны были следы осады и штурма. Для путешественников это была уже Азия — с шумом базаров, живописностью красок и пестротой лиц.

Астраханское ханство еще позже, чем Казанское, всего за два года до экспедиции Дженкинсона было завоевано Россией. Прибыв в город в устье Волги, Дженкинсон в своем дневнике отметил, что русский царь дорожил новым приобретением и заботился об

укреплении города, посылая туда лучших людей и продовольствие. Ведь здесь нет лесов и пастбищ, земля бедна и основным питанием местных жителей была рыба, особенно осетрина. «Торговые отношения, — писал наш путешественник, — не отличаются особой активностью, но все же купцы привозят товары из разных мест, в частности, из России зерно, из Персии шелк».

От Астрахани Дженкинсон уже следовал без охраны царских стрельцов.

Судно с торговцами из разных стран двинулось вдоль северных берегов Каспия курсом на юго-восток. И первое, с чем встретились мореплаватели, были естественно, «пираты». Лодка с тридцатью вооруженными людьми подошла к кораблю с явно недобрыми намерениями. Положение спас Азиз, святой человек, по словам Дженкинсона, совершивший паломничество в Мекку. Он убедил «пиратов», что на судне нет «неверных», и корабль был отпущен.

Почти месяц продолжалось плавание, и наконец, судно причалило к Мангышлаку. «3 сентября 1558 года мы разгрузили наш корабль и были приняты правителем и его людьми. И все время до отправления эти люди досаждали нам, воруя наши вещи, повышая цену на лошадей и верблюдов, продавая нам продовольствие по двойной цене и вынуждая нас покупать воду, которую мы пили». Вообще поборы в виде пошлины, завышенных цен на товары или обязательных подарков шли рядом с каждым караваном.

В ту пору места севернее Каспия и Аральского моря занимала Ногайская орда, в свое время часть Золотой

орды. Как раз в середине шестнадцатого века Ногайская орда распалась на три самостоятельных владения. На всем пространстве между северным Каспием и Аралом простирались владения хорезмского хана.

«16 октября прибыли в город, который называется Ургенчем, где заплатили пошлину за нас, за наших лошадей и верблюдов». Здесь, в Хорезме англичане впервые увидели диковинные плоды — дыни и арбузы, которые имели «вид большого огурца, но были желтыми и сладкими как сахар». Плоды эти местные жители ели после мясных блюд, вместо напитков. Удивило путешественников и незнакомое растение «джугара», у которого зерна росли «на верхушке тростника и имели вид гроздьев винограда».

Дженкинсон описывает Ургенч как город, расположенный на равнине и окруженный стеной. В городе имеется длинная улица, которая является местом торговли. Но из-за частых войн торговые отношения в этих местах ухудшились, и торговцы довольно бедны. Основные товары, которые продаются в городе, привезены из Бухары и Персии.

«Большинство зданий в этом городе, — пишет Дженкинсон, — построены из грунта, что является причиной их скорого разрушения». Действительно, в этих безлесных краях жилые дома были либо глинобитными, либо сложенными из сырцового кирпича.

Дженкинсон был принят правителем Хорезма Эшмухаммадом Султаном, передал ему письмо русского царя и преподнес подарки. «Надо сказать, — писал англичанин, — он принял нас очень хорошо, я отведал

различные яства в его присутствии. И на следующий день он снова послал за мной и стал задавать различные вопросы о нашей стране, о законах. В итоге, когда я покидал его, он предоставил мне письмо о гарантиях безопасности».

Среди диковин, которые увидел Дженкинсон во дворце, была рукопись исторического эпоса «Шахнаме», лишь недавно, в 1556 году, богато иллюстрированная по заказу Эшмухаммада Султана художником из Самарканда Мухаммад Мурадом. Дивной красоты миниатюры запечатлели сцены битв и поединков, беседы мудрецов и царские приемы, свидания влюбленных и состязания поэтов. Художник также нарисовал восстание, которое поднял кузнец Кова, произошедшее в Хорезме совсем недавно и жестоко подавленное.

Несмотря на охранную грамоту хорезмского правителя, на пути из Хорезма в Бухару Дженкинсону очень досаждали разбойники. Эти хозяева пустынных горизонтов были таким же стихийным явлением, как песчаные бури: внезапно налетали и быстро исчезали, если добивались успеха. У членов экспедиции была даже примета: если встречные всадники имели верблюдов, то значит это караван. А если у них были одни кони, то скорее всего это шайка. Вот как описывает Дженкинсон затянувшуюся схватку с местными робин гудами где-то в степи под Ургенчем.

«15 декабря утром мы увидели наездников,двигающихся в нашем направлении, и предположив, что это грабители, приготовились к схватке. Нас было 40 человек. Прочтя молитвы, мы решили сражаться не

на жизнь, а на смерть. Когда разбойники приблизились, мы увидели, что их около 40 человек и они вооружены луками, стрелами и мечами. Они предложили нам сдаться, угрожая смертью, но мы отвергли их угрозу и началась схватка, которая длилась до ночи и были убитые и раненые с обеих сторон. Утром мы получили предложение от главаря шайки и, соизмерив свои возможности, решили принять его условия. Мы отдали грабителям одного верблюда и много разных вещей, и они прекратили преследование. А мы продолжили свой путь и следующей ночью вышли к Амударье».

Ровно через восемь месяцев, после того, как Дженкинсон и его спутники покинули Москву, перед ними показались высокие стены Бухары. Благородная Бухара, как называли ее мусульмане Востока, вкладывая в эти слова чувства не только религиозной, но и эстетической почтительности, поразила воображение английских купцов.

«23 декабря мы прибыли в город Бухару, бывшую Бактрию. Город окружен высокой стеной со многими воротами. Большинство домов в этом большом городе сделаны из глины, но имеются и другие строения и памятники, сооруженные из камня и покрытие украшениями. Это достижения архитектуры, не имеющие равных в мире, и строительство которых требовало длительного времени», — писал Дженкинсон.

Какой же увидели Бухару англичане, когда въехали наконец в ее ворота? Да примерно такой же, какой выглядит сейчас историческая часть города. Путешественники дивились красоте мавзолея Исмаила

Самани, поражавшего своей соразмерностью и гармонией. Кладка из тонких фигурных кирпичей создавала сложный узор, который менялся в зависимости от освещения в течение дня. Говорили, что количество орнаментов на стенах мавзолея соответствует числу часов в сутках. Слушали рассказы о живших здесь в древности огнепоклонниках и любовались узорной кладкой мечети Магоки-Аттори, построенной еще в XII веке на месте зороастрийского храма. Минарет соборной мечети Калян — самое приметное сооружение в городе. Этот сорокасемиметровый колосс возвышается над прочими постройками олицетворением величия и спокойствия. Недалеко от Каляна расположено одно из трех медресе, построенных Мирзо Улугбеком — внуком знаменитого правителя и полководца Амира Темура, покорившего полмира. 140 великолепных архитектурных памятников — мечети, медресе, караван-сарай, бани, ханаки, украшенные майоликовыми плитками, резьбой по ганчу, возвышающиеся среди плоских крыш жилых домов, сверкающие небесно-голубыми куполами с гнездами священных птиц-аистов, делали Бухару похожей на город из восточной сказки.

В середине XVI века Бухарой правил Абдуллахан из династии Шейбанидов. В городе шло бурное строительство. Сверкало новизной медресе Мири-Араб, в котором более 200 учеников познавали премудрости знаний. Недалеко от одного из девяти водоемов, снабжавших водой жителей города, — Лаби-хауза кипело строительство будущего медресе Кукельташ. Тут же на берегу Лаби-хауза, рядом с медресе Надир

Диван-Беги, в котором остановился Дженкинсон со своими спутниками, стояла большая ханака. Путешественникам казалось удивительным, что центром архитектурного ансамбля был искусственный водоем, а не площадь или улица, как это принято в Европе.

В новых крытых купольных торговых рядах «Токи заргарон» и «Тельпак фурушон», построенных на перекрестках узких улиц, торговали ювелирными украшениями и головными уборами. Под куполами Тима Абдуллахана покупателям предлагали прекрасной выделки местные шелковые ткани. В тенистых помещениях «Токи саррафон» сидели менялы с весами для взвешивания золотых и серебряных монет. На городских базарах лавки представляли собой открытый живописный развал товаров, где мимо степенных торговцев с неизменными четками в руках текла пестрая толпа горожан. Возвышались над головами прохожих окруженные слугами и воинами знатные всадники в богатых, расшитых золотом халатах; в носилках-паланкинах, завешенных цветными шелками и коврами, мускулистые носильщики бережно несли укрытых от нескромных взоров жен уважаемых горожан; звенели колокольчиками дервиши — странствующие монахи; сквозь толпу медленно двигались запряженные маленькими осликами повозки с огромными колесами — арбы, груженные товаром.

Из мастерских ремесленников-кулолов (гончаров) в лавки поступали сосуды и блюда, покрытые прозрачной глазурью, с синей кобальтовой росписью, изображавшей растения и фигуры животных, летящих и сидящих птиц среди тонко написанной листвы

деревьев. В узорах этих сосудов было видно явное влияние китайского фарфора, который привозили купцы из Чина, и стоили эти изделия очень дорого.

Славились бухарские базары золотошвейными халатами и головными уборами, шерстяными яркими коврами, цветными войлоками и кошмами. Целые ряды лавок торговали чеканной медной посудой — кумганами, чойдышами, блюдами, украшенными тончайшими орнаментами.

Цитадель Арк — древняя резиденция Бухарского хана, возвышалась на искусственном холме над городом, мощные стены крепости защищали ее обитателей от стенобитных орудий во время осады.

«26 марта у нас появилась возможность лично встретиться с правителем, — сообщает Дженкинсон. — Мы передали ему письмо от русского царя и подарки, которые он принял с благодарностью и устроил по этому случаю пир. Через несколько дней он

снова послал за мной, и мы провели много часов, разговаривая о различных вещах, о Великих Тюрках, о нашей стране, о власти, о законах, о религии...».

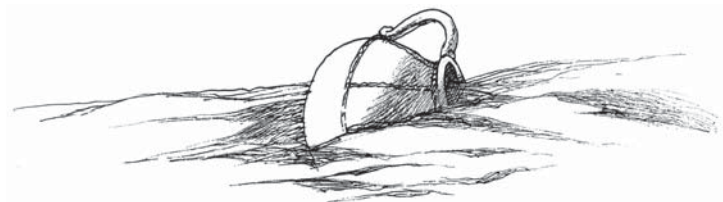
Дженкинсон побывал и на ежегодной торговой ярмарке в Бухаре. Караваны привозили из Индии прекрасную белую ткань и парчу, пряности и специи, из Персии — шерстяные ткани, из России и других государств — овечьи шкуры, сосуды, кожи... К сожалению, не было в тот год караванов из Китая. Караванные тропы Великого шелкового пути лежали через Кашгар и Ташкент, где уже три года шла война.

Дженкинсон не решился подвергать себя и своих спутников новым опасностям и решил возвращаться домой. И в марте 1559 года большой караван Дженкинсона отправился в путь.

*Верблюдов отборных с ним тысяча шла,
И не было грузам богатым числа.
Сто рыжих верблюдов с дирхемами шли,
И сорок верблюдов динары везли...
С вьюками, где мускус и лучший алой,
С шелками, дивящими взор красотой, —
Их Чин поставляет, и Миср, и Иран —
Шел в тридцать верблюдов еще караван.*

Эти строки Фирдоуси написал не о Дженкинсоне. Но в них — неспешная поступь всех торговых караванов, прошедших по древнему Шелковому пути.

АРМИНИЙ ВАМБЕРИ: ПОД МАСКОЙ ДЕРВИША

Сколько их, замороженных Востоком европейцев, устремлялись в эти края — «за три моря», через пустыни и горы! Одних влекла сюда надежда на торговую удачу, других — жадная любознательность, желание своими глазами увидеть далекие загадочные страны, третьих — стремление обрести здесь дружбу и поддержку власть имущих... Увы, имена очень немногих из них оказались вписанными в историю. Имя венгерского ученого и путешественника Арминия Вамбери — среди этих немногих: влекомый на восток юношеской романтической мечтой и важной научной задачей, он еще при жизни был признан одним из наиболее выдающихся исследователей Средней Азии. Его «восточные странствия», увенчавшиеся выпуском многих научных трудов, поражают и мужеством, дерзостью предпринятого путешествия в те края, куда европейцу пути были закрыты под страхом неминуемой гибели.

Герман Вамбери родился в 1832 году в бедной семье венгерских евреев в городе Сен-Георгене. Фамилия его происходит от прадеда, жившего в XVIII веке в небольшом городке Бамберге. Когда император Иосиф II предписал, чтобы все его подданные-евреи обзавелись фамилиями, тот был записан Бамбергером, отец — уже Вамбергером. Патриот своей страны, Герман переделал на венгерский лад имя и фамилию, став Арминием Вамбери.

Отца своего Вамбери не знал — тот умер до рождения сына. Но дух отца — набожного талмудиста — витал в семье постоянно, даже после вторичного замужества матери. На всю жизнь запомнился Вамбери зовущий на молитву стук деревянного молотка в дверь. Как и тяготы, испытанные ребенком, отданным в услужение к чужим людям. В детстве же он «заработал» хромоту. Но зато природа щедро одарила мальчика блестящими способностями к учению, феноменальной памятью. Он рано почувствовал вкус к наукам, особенно к иностранным языкам, изучал их вначале самостоятельно, по ночам, затем в монастырской школе. Выйдя из школы пятнадцатилетним, прекрасно знал семь из них. Он едет в Вену. Часами просиживает в захудалом кафе на скамье «учителей на выезд», иногда его нанимают домашним учителем, что дает средства к существованию и даже возможность скопить несколько форинтов. А главное — обучая, он продолжает учиться сам, и вскоре читает в подлиннике произведения классиков многих стран, в том числе Пушкина, Лермонтова, Державина, английских, французских, шведских, датских, греческих

писателей и — особая радость — Саади, Хафиза, Омара Хайяма. Особая же радость вот почему: уже первое знакомство с восточными языками показало юноше, что изучение Востока и его литературы «способно доставить прямо безграничное наслаждение». Пленительные картины далекого края неотступно стояли перед ним, «не давая покоя ни днем, ни ночью». Была и еще одна весома причина: венгерских ученых давно интересовал вопрос о происхождении венгров (мадьяр). В венгерском языке можно встретить немало слов, схожих с теми, что употребляют тюркоязычные народы. «Я надеялся найти у кочевников азиатских степей и у горожан, живущих к востоку от Оксуса (Амударьи), такие элементы речи, которые позволили бы мне установить бесспорное сходство и родство этих языков с мадьярским. Мысль о путешествии в Центральную Азию занимала меня много лет», — писал он в книге «Моя жизнь».

В 1856 году Вамбери сел на паром, следующий курсом в Стамбул и прожил в Турции шесть лет. Единственный из европейцев, он получил право обучаться в медресе — мусульманской школе и вскоре мог на равных с турками участвовать в религиозных диспутах. Была и другая «школа»: он не пренебрегал возможностью зайти в кофейню, потолкаться на базаре, затеряться в уличной толпе. Видели его и во дворах мечетей, где, сидя у ног учителей-хаджи, он постигал премудрости ислама. И еще — юноша пользовался всяким случаем для бесед с паломниками из разных ханств Средней Азии, направлявшихся в Мекку через Константинополь.

Вскоре Вамбери нашел себе занятие на педагогическом поприще, обучая желающих иностранным языкам, благодаря чему обзавелся связями в литературных, научных и даже посольских кругах Стамбула. Уроки французского брал у него сын самого турецкого паши. Владая почти тридцатью иностранными языками, Вамбери стал незаменимым человеком и в министерстве иностранных дел, где мог быть переводчиком решительно всех дипломатов при дворе султана. Он стал важным господином, разъезжал в собственной карете. Его стали называть здесь Решид-эфенди.

К 1858 году относятся его первые лингвистические работы — был издан составленный им немецко-турецкий, а затем чагатайский словари. Но он пришел к убеждению, что нужно двигаться дальше на Восток, через Персию в Среднюю Азию.

Научными изысканиями Вамбери заинтересовалась Пештская Академия наук. Он приехал на родину и был избран членом-корреспондентом академии. Здесь же выслушали и его дерзкий план проникновения в Центральную Азию с караваном странствующих дервишей. План этот восхищал своей смелостью и ужасал возможностью самых плачевных последствий — ведь Вамбери в глазах фанатичных мусульман был френги — европейцем, и он обрекал себя в случае разоблачения на верную смерть.

В Стамбуле, куда возвратился Вамбери и откуда решил продолжить свой путь на Восток, друзья также пытались отговорить его от опасного путешествия. Но он был непреклонен.

В Тебризе Вамбери, как турок Решид-эфенди, был представлен персидскому султану, здесь ему вручили особый паспорт, украшенный султанской печатью-тугрой, почитаемой повсюду на Востоке. 27 марта 1863 года турецкий посланник в Тегеране давал прощальный пир в честь отважного путешественника. При прощании посольский врач протянул ему свой «талисман» — несколько белых крупинки смертельного яда и сказал: «Когда вы увидите, что уже делаются приготовления к пытке и что не остается никакой надежды на спасение, проглотите это». И утром следующего дня исчез знатный турецкий господин Решид-эфенди, а к толпе странствующих хаджи, держащих путь из Мекки в Бухару, присоединился хромой дервиш с таким именем — в грубой одежде, состоящей из бесчисленного количества заплат, перехваченной вместо пояса веревкой. Ноги его были обернуты тряпьем, голову покрывала огромная чалма, на груди, как у всех хаджи, висел мешочек с довольно объемистым Кораном.

Караван шел в Хиву. Вамбери, как предписывалось мусльманину, совершал молитву пять раз на дню, читал суры Корана. Он научился спать в седле, умывался песком, ел руками из общего блюда, расстилал свою одежду возле муравейников, чтобы избавиться от кишаших в ней паразитов. В пути он замерзал по ночам, страдал от нестерпимой жары и жажды. Трескалась кожа, отказывало зрение... Но сильнее физических страданий был страх выдать себя: вокруг было множество наблюдающих и подозревающих глаз. Особенно досаждал один афганец из Кандагара,

постоянно кричавший, что среди них находится шпион и обещавший разоблачить его по приходе в Бухару. В увлекательной повести писателя Николая Тихонова «Вамбери» есть такой эпизод: во время одного из привалов, когда афганец медленно пил какое-то одурманивающее зелье, крупинка смертоносного яда была незаметно брошена в его чашу... Случилось ли такое в действительности и на чьей совести отравленная чаша — Вамбери или создателя повести — узнать нам не суждено. Но известно, что за него поручились почтенные и уважаемые хаджи Билял и хаджи Сали, с которыми Вамбери познакомился в турецком посольстве и шел от самого Тегерана. Факт и то, что в Бухаре он побывал и вернулся из путешествия целым и невредимым.

Однако об этом — позже. Пока же, через две недели пути, преодолев жаркие туркменские степи, песчаные барханы, караван паломников входит в Хиву, и уже у городских ворот его встречает огромная толпа людей. Сразу стольких праведников, совершивших хадж в священную Мекку, Хива видит впервые. Паломникам целовали руки, каждый стремился хотя бы прикоснуться к их одежде. Слух о святом хаджи из Турции разнесся по городу, он был приглашен для благословения к хану Хивы. И вот Вамбери в Ичанкале, укрепленном городе внутри города. Дворец хана был расположен среди куполов мечетей, высоких минаретов. Полулежа на возвышении, хан принял благословение дервиша.

Месяц паломники прожили в Хиве. Вести записи, «находясь в своем дервишеском инкогнито», Вамбери

не мог. Но множество фактов, наблюдений, впечатлений отложилось в его зоркой памяти. Он бродил по улочкам Хивы, заходил в жалкие глинобитные мазанки бедняков и в дома богатых людей, запоминал детали быта, одеяния, пробовал блюда местной кухни, расспрашивал об обычаях, растворялся в шумной толпе во время праздников, узнавал, какие товары вывозят из этого края и что ввозят идущие сюда караваны...

Из Хивы путь богомольцев лежал через знойные пески к древней Бухаре, к ее святыням. Идти надо было шесть дней, запасов питьевой воды — в обреш. И они торопились, караван двигался днем и ночью. Тягот пути не выдерживали даже выючные животные, на второй день пали два верблюда, на следующий день умер один из паломников, тело его оставили в песках. Потом их застигла смертоносная песчаная буря. Очнулся Вамбери в бедной хижине, среди незнакомых людей. Он попросил пить и ужаснулся: он не сразу осознал, на каком языке высказал свою просьбу. Паломников спасли пастухи-арабы, пасущие овец на пустынных пастбищах, рабы богатых хозяев. И для них в пустыне каждый глоток воды был драгоценностью, но они не отказали попавшим в беду людям. По древним законам гостеприимства, привечали странников и кочевники-животноводы, разбивающие в пустыне свои стойбища там, где можно было какое-то время прокормить скот. Он потом расскажет, как поили их женщины кумысом, направляя струйку напитка из бурдюка в открытые рты жаждущих. С удивительными подробностями опишет, как

ставят юрту в пустыне, как ткут паласы. Все это делали женщины, и Вамбери подчеркивал, что в условиях кочевья от женщины зависело очень многое. Она была первым помощником и советчиком мужа.

Преодолев тяжкую дорогу, караван вошел, наконец, в Бухару. “Благородной”, “Сияющей” издавна называли ее на Востоке. И еще известен был этот

древний город в ту пору как оплот истинной исламской правоверности, ревниво оберегаемой от чужестранцев. Вамбери чувствовал, что за ним установлена особая слежка и очень боялся выдать себя неверным шагом. Он посетил гробницу святого Бохауддина, молился здесь истово и неустанно. Наконец, его пригласили для ученого разговора с бухарскими муллами. Испытание хромой хаджи выдержал с честью, после чего его оставили в покое, разрешили знакомиться с древними рукописями.

Следующим пунктом следования каравана был Самарканд. Город поразил путешественника. Являвшийся в средние века столицей огромной империи Амира Темура, он и в XIX веке сохранял яркие черты былого великолепия. Вамбери любовался голубыми куполами мавзолеев Шахи-Зинды, порталами мечети Биби-ханым, величественной площадью Регистан, застроенной уже при внуке Темура — великом ученом Улугбеке. Спускался в подземелье усыпальницы Гури-Амир, чтобы прикоснуться к нефритовому надгробию великого самодержца, держал в руках Коран Османа, слушал лекции в медресе. В своих трудах по истории Средней Азии Вамбери особо выделил время правления Темура, назвав его «блистательным периодом», который «одарил тюркский народ таким блеском, в лучах которого и теперь еще греются многие племена».

Минуло полгода с того дня, как хромой дервиш отправился в свое опасное путешествие. И вот он со слезами на глазах прощается с верными друзьями хаджи Билялом и хаджи Сали. Они делили с ним

трудности, были его заступниками. И так и не узнали, что под личиной ходившего с ними по свету хромого дервиша скрывался европеец. Уже без них посетив Карши, другие города Средней Азии, Вамбери благополучно возвратился в Константинополь.

Первые же публикации Вамбери о совершенном путешествии по Средней Азии были столь невероятны, что многие заподозрили его в подлоге. Однако более поздние исследователи региона опровергли эти подозрения — все, о чем узнал, что увидел Вамбери, описано им с необычайными подробностями и возможной точностью. Знаменитое свое «Путешествие по Средней Азии» он написал сначала на английском языке, потом на немецком, а позже оно было переведено почти на все европейские языки. В 1865 году книгу издали в Санкт-Петербурге на русском языке. Само название глав показывает, как широк был диапазон интересов ученого. Вот разделы о Хиве: столица, ворота и кварталы города; базары, мечети, медресе, как они основываются и чем существуют. Полиция. Хан и его правительство. Такса, суды. Каналы. Произведения почвы, мануфактура и торговля, дороги. Население. История Хивы в XIX столетии. То же — в других сочинениях. Кажется, трудно желать более подробного описания стран и городов, дворцов и хижин, характерных черт культуры и быта населяющих край народов. В книге «Очерки жизни и нравов Востока» имеются и такие главы: «Одежда и украшения», «Кушанья», «Женщины», «Бани и омовения», «Дервиши»...

На русский язык, кроме упомянутых, были также переведены такие сочинения Арминия Вамбери, как «История Бохары или Трансоксании», «Очерки Средней Азии», «Железная дорога в песчаном море (Закаспийская)» и некоторые другие. Во всех странах люди буквально зачитывались этими книгами, открывая для себя совершенно неизвестные края, восхищаясь обширными познаниями автора и в то же время его отвагой и дерзостью.

С 1865 года Вамбери состоял профессором восточных языков в Пештском университете. За сочинениями, описывающими путешествие, последовало множество других работ, посвященных главным образом истории, языкознанию, этнографии Востока, а также политике России и Англии в Средней Азии. Продолжал он свои исследования и по вопросу происхождения мадьяр. Научное значение имеют его труды по чагатайскому и уйгурскому языкам, тюрко-татарской и угро-финской лексикологии, «Этимологический словарь тюрко-татарских языков», работа «Происхождение мадьяр», где нашла подтверждение владевшая им идея.

Вамбери подолгу жил в Лондоне, где его научные заслуги были высоко оценены — он был награжден орденом Королевы Виктории. За период с 1865 по 1885 годы этот известный уже в мире ориенталист, этнограф, филолог, публицист поместил в газетах и журналах разных стран мира огромное количество корреспонденций и статей, касающихся политического и экономического положения Центральной Азии, Персии и Турции.

Не все в трудах Вамбери равноценно по своей научной значимости, есть у него и политические пристрастия, субъективные оценки. Но заключить рассказ о Вамбери хотелось бы его пророческой цитатой: «Азии суждено сделаться вскоре страной света, в которой Европа будет искать разрешения многих — крайне важных — политических, культурных и социальных вопросов».

**ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ.
АЛЕКСЕЙ ФЕДЧЕНКО
В СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Оледнике Федченко, расположенном на Памире, слышали все, даже те, кто более ничего не знает о самом Федченко. А назван был этот ледник, один из крупнейших на земном шаре, в честь выдающегося русского ученого, путешественника и естествоиспытателя Алексея Павловича Федченко, чья недолгая, к сожалению, жизнь была посвящена изучению Средней Азии.

Молодой ученый пришел в российскую науку в XIX веке, в годы обновления всей жизни страны, вызванного отменой крепостного права и реформами шестидесятых годов. Это было время расцвета естествознания, сначала в Западной Европе, в значительной мере благодаря трудам Чарлза Дарвина, а потом и в России.

Алексей Федченко родился в 1844 году в Иркутске, где окончил гимназию. В 1864 году окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и некоторое время преподавал в учебных заведениях, одновременно увлеченно занимаясь ботаникой и энтомологией. Так, первым его печатным трудом стал «Список двукрылых Московского учебного округа».

В шестидесятые годы научная работа кипела в стенах Московского университета, особенно в среде

натуралистов, и ярким тому примером стало создание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, одним из членов-основателей которого был Алексей Федченко. С этим обществом затем была связана вся дальнейшая научная работа молодого ученого, его многочисленные командировки. Наконец, с обществом связано и главное дело жизни Алексея Федченко — научные исследования в Средней Азии, или, как тогда говорили, в Туркестане. Наука обязана этому обществу еще и тем, что богатейшие материалы, собранные Алексеем Федченко, стали достоянием ученых всего мира.

В декабре 1867 года в Петербурге проходил Первый съезд естествоиспытателей, на котором шла речь о возможности научных исследований на почти недоступных ранее просторах Туркестанского края. А уже в начале следующего года на заседании Общества любителей естествознания обсуждался вопрос о кандидате на поездку в Туркестанский край. Сообщая об этом генерал-губернатору края К. Кауфману, председатель общества Г. Щуровский писал: «Выбор пал на молодого ученого, секретаря антропологического отдела общества, члена-основателя Алексея Павловича Федченко... Будучи специалистом по зоологии и антропологии, он имеет необходимейшие сведения по ботанике и геологии и будет в состоянии также удовлетворить наиболее существенным требованиям по изучению края в области этих наук».

И надо отметить, что кандидатура А. Федченко оказалась на редкость удачной. Алексей Федченко счастливо сочетал в себе черты путешественника,

исследователя, первопроходца с качествами крупного ученого, подвижника науки, преданного делу и своему народу. В помощь молодому ученому общество создало особую комиссию для составления «строгой и дельной» программы, к разработке которой привлекались специалисты других научных обществ России.

Все лето ушло на подготовку экспедиции, и 20 октября 1868 года Алексей Федченко в сопровождении жены Ольги Александровны, отважной женщины и преданного помощника, отправился в путь. За Оренбургом начались степи. Зима в тот год была суровой, словно для испытания путешественников. Оттепель сменилась морозами, земля обледенела, «некованные лошади постоянно падали, а верблюды почти не могли ступить шагу».

Наконец, «поздно вечером 14 декабря, после 53-дневного, почти безостановочного путешествия, мы въехали в Ташкент, — писал А. Федченко. — Но здесь еще не кончался наш путь. По полученным мною инструкциям я должен был отправиться в Самарканд и начать свои исследования с Зеравшанской долины».

Из Ташкента А. Федченко и его спутники в канун нового года выехали в Самарканд. Путь их лежал через Голодную степь. За Джизаком проехали ущелье Джелан-уты, по которому струилась речка Санзар, а на утесе были выбиты памятные надписи. Одна из них сообщала о благополучном возвращении Улугбека из похода 1425 года, а другая была выбита в 1571 году в честь происшедшего в ущелье большого сражения, в котором Абдулла-хан одержал победу.

3 января 1869 года, на шестой день пути, путешественники въехали в ворота самаркандской крепости. Надо сказать, что решение начать изучение края с Самарканда и Зеравшанской долины было принято не случайно. Ведь всего лишь за восемь месяцев до начала экспедиции русские впервые вступили в былую столицу Темура. И естественно, что путешественники начали с осмотра города и его архитектурных творений. «Едва ли есть другой город в Средней Азии, который был бы так знаменит своими историческими памятниками, как Самарканд», — писал А. Федченко.

Натуралисты с нетерпением ждали весны, когда они смогут выйти за пределы города и ближайших окрестностей. Экспедиции предстояло посетить местности, где русские еще не бывали. Поэтому военные власти прикомандировали к путешественникам двух топографов.

В конце апреля экспедиция выступила из Самарканда. Стояла весна, наступило «пышное развитие растительности», чему особенно радовалась Ольга Александровна — ботаник экспедиции, которая «с величайшей тщательностью» собирала гербарий.

Маршрут экспедиции пролегал по долине Зеравшана. Небольшие глинобитные дома кишлаков утопали в зелени садов. Ученых радовали не только сады, но и степь, полыхающая алыми маками, кишашая животными, птицами, насекомыми. Исследователи сделали богатые сборы.

Город Каттакурган стал отправным пунктом для ряда экскурсий в окрестные горы. Так, в горах Актау

супруги Федченко посетили Джизманское ущелье, расположенное на границе с Бухарой. Ученый выяснил, что главный кряж состоит из превосходного белого мрамора. Поездка в горы стала очень полезной для натуралистов. Они познакомились с обилием интересных растений, множеством горных птиц.

В горах, к востоку от Ургута, исследователи дополнили свои коллекции новыми видами и образцами. А. Федченко отметил своеобразие местной флоры и фауны. Ученого особенно удивил можжевельник (по местному — арча), который достигал размера «огромных» деревьев.

Затем отряд двинулся по долине Зеравшана, направляясь к Пенджикенту. Жители его уже прослышали, что русский ученый интересуется дикими животными края. Поэтому они преподнесли А. Федченко в подарок горного барана, за которым специально посылали охотников. Ученый был обрадован и попросил достать для барана пару. И в самом деле, в Самарканд был доставлен еще один великолепный экземпляр.

На окраине Пенджикента Алексей Федченко и его спутники осмотрели любопытное ирригационное сооружение Средней Азии — подземный арык («кяриз»). Его построили дехкане много веков назад. Однако междоусобицы, войны пагубно сказались на этом творении народа. Кяриз обвалился, орошаемая им земля запустела. И вот теперь пенджикентцы, поверив, что на их земли пришел мир, под руководством своего муллы взялись за восстановление кяриза. А. Федченко подробно ознакомился со строительством, стремясь помочь местному населению.

Из Пенджикента путешественники проехали вверх по долине Зеравшана, а затем другим берегом реки вернулись в Самарканд. Лето супруги Федченко провели в городе. Закончив обработку собранных в походе образцов флоры и фауны, они совершили несколько экспедиций к озерам в окрестности Самарканда. Коллекция исследователей пополнилась новыми оригинальными экземплярами.

Большое внимание А. Федченко уделял в это время изучению микрофауны в стоячей воде хаузов, для чего ему пришлось выезжать в Джизак. «Главный предмет моих занятий в эти месяцы, — писал Алексей Федченко, — составлял сбор различных сведений о крае, составление коллекции для естественной истории местных домашних животных и изучение паразита, от которого страдает здешнее население, — ришты (филярии)».

Заболевание это, известное также как дракункулез и вызываемое паразитическим червем, до сих пор поражает людей и животных в некоторых странах Азии и Африки. В Узбекистане ришта давно уничтожена, и одним из первых, кто изучил это опасное заболевание и дал научные рекомендации, как его избежать, был Алексей Павлович Федченко. Он утверждал, что зародыши ришты, попав в воду, входят в маленького рачка-циклопа и развиваются внутри его тела. Человек заражается риштой не через кожу, как раньше предполагалось, а «через питье» (весьма важное открытие ученого!) Московский университет за успехи в области исследования природы Туркестана присудил А. Федченко премию — дорогой микроскоп.

А Общество любителей естествознания наградило ученого золотой медалью.

Между тем, супруги Федченко уже жили планами нового похода в Зеравшанскую долину. Они узнали, что из Самарканда выступила военная экспедиция генерала А. Абрамова и что проникнуть в верховья Зеравшана можно будет, только примкнув к этому

отряду. Пришлось спешить, идти кратчайшими маршрутами, в том числе и по висячим мостам-оврингам, пока 2 июня 1870 года путешественники в селении Оббурдон не встретились с отрядом генерала А. Абрамова.

Затем участники похода двинулись вниз по долине реки Матчи (Верхнего Зеравшана) к Варзиминору (ныне город Айни), а от него долиной реки Фандарьи направились к озеру Искандаркуль. Дорога в теснинах Фандарьи в те годы лепилась по узким карнизам и оврингам, свисающим над самой рекой, на которых путник держался, по выражению поэта Бедиля, «как слеза на кончике ресницы».

У озера Искандаркуль путешественники пробыли несколько дней. В один из них они совершили поездку по долине реки Сарытаг, впадающей в озеро. А. Федченко выяснил, что именно этим путем в начале XVI века прошел знаменитый Бобур, упоминающий в своей книге «селение Сарытаг».

Поход к истокам Зеравшана позволил супругам Федченко обогатить свои коллекции новыми образцами. Так, среди собранных насекомых более пятисот видов ранее не встречались ученым. Новыми оказались и большинство из четырехсот собранных видов растений.

«В это путешествие, — писал ученый, — впервые пришлось нам пройти все зоны растительности до предела вечных снегов и, таким образом, было положено начало изучению горной флоры и фауны западной оконечности Тянь-Шаня».

Оценивая работу этой экспедиции, известный геолог И. Мушкетов отмечал: «Результаты ее чрезвычайно важны в том отношении, что она положила первую твердую основу картографии Зеравшанских гор, до того почти неизвестных, и отчасти познакомила с природою их».

Все, кто знакомятся со страницами недолгой жизни Алексея Федченко, невольно дивятся его энергии, неутомимости. Он словно знал, что должен спешить.

20 мая 1871 года А. Федченко возвратился в Ташкент из месячной поездки в пустыню Кызылкум, а 1 июня уже снова был в пути, направляясь в Кокандское ханство, в страну Алай, мечтая также попасть на «Памирскую высь».

Позднее он вспоминал: «Мысль о посещении этого пространства, так называемого Памира, преследовала меня с самого приезда в Туркестан в 1869 г.; по мере ознакомления с условиями страны, строением среднеазиатских нагорий для меня уяснилось ее практическое осуществление. Путешествие в Кокандское ханство обещало значительно приблизить к разрешению этой задачи».

Однако для посещения Кокандского ханства требовалось разрешение его правителя Худоярхана, который к тому времени в третий раз возвратил себе престол. И Алексей Федченко везет ему послание генерала К. Кауфмана.

«Высокостепенный хан! Я отправляю к вам состоящего при мне ученого человека г. Федченко, цель путешествия

которого самая мирная и полезная: он изучает жизнь и характер всех тварей и растений, созданных всемогущим богом, и пользу, которую они приносят людям...».

Генерал обращался к «высокостепенному хану» с просьбой оказывать покровительство и содействие путешественнику, рассчитывая на «ласковый прием» Федченко и благосклонное сочувствие к его труду, тем более, что результаты его научных исследований, «проливая свет знаний и увеличивая благоденствие человека, составляют драгоценное достояние всех народов».

При личной встрече в Коканде хан благожелательно отнесся к гостю, одарил его праздничным халатом и повелел всем «правителям, аминам, саркортам и другим начальствующим лицам оказывать помощь путешественникам».

Первым крупным городом на пути экспедиции был Ходжент. Ознакомившись с городом, его торговлей и ремеслами, А. Федченко писал: «Ходжент — город многих и притом самых важных для здешнего края производств (шелководство, хлопок, ткачество, крашение). К тому же есть все условия для дальнейшего развития этих и многих других отраслей промышленности: благоприятный климат, трудолюбивое и понятливое население, близость каменного угля, соседство с богатым Кокандом, нахождение на Сырдарье».

Далее экспедиция двинулась в бассейн реки Исфара. Здесь А. Федченко сделал крупное географическое открытие — в истоках реки он обнаружил большой ледник, ранее неизвестный науке. Путешественники

тщательно обследовали его и составили подробный план. По праву первооткрывателя Алексей Федченко назвал ледник именем своего учителя — Г. Шуровского.

Горы Памира неодолимо влекли к себе ученого. Спустившись с ледника, путешественники двинулись на восток в бассейн реки Сох. А затем, преодолев высокий перевал, достигли кишлака Шахимардан. Отсюда А. Федченко предпринял попытку пробиться к югу через Алайский хребет. Направляясь по долине реки Исфайрамсай, ученый поднялся на заветный гребень Алайского хребта. Перед его глазами засверкал снегом и льдом впервые открытый им грандиозный хребет, служивший «северной границей Памирской выси». А. Федченко присвоил этому хребту наименование Заалайского.

С перевала экспедиция спустилась в Алайскую долину и разбила лагерь на берегу Кызылсу. Прямо на юг от лагеря отчетливо просматривалось ущелье реки Алтыниндара. Это был путь к «крыше мира». «Виденный мной Заалайский хребет, — писал исследователь, — составляет как бы край этой «крыши мира». Однако для продвижения к «Памирской выси» нужно было специальное снаряжение, запасы продовольствия и фуража, которых у путешественников не было. И экспедиция вернулась в Ташкент.

А 30 мая 1872 года в Москве открылась Всероссийская политехническая выставка. Для организации Туркестанского отдела выставки была образована специальная комиссия под председательством А. Федченко. Туркестанский отдел был размещен в Кремлевском

саду в отдельно построенном для этого павильоне. Интересно, что сначала устроители выставки хотели разместить туркестанские экспонаты по разным разделам, но Алексей Федченко настоял, чтобы Туркестан был представлен специальным помещением. Комплектование отдела осуществлялось в основном за счет коллекций, доставленных экспедицией А. Федченко. Под его руководством был составлен также подробный каталог выставки с описанием природных условий и производительных сил Туркестана. И, наконец, выпущен трехтомный сборник «Русский Туркестан».

Туркестанский отдел выставки имел большой успех, что явилось достойной оценкой плодотворной деятельности супругов Федченко в Туркестане.

В сентябре 1872 года Алексей Федченко и Ольга Александровна выехали в Лейпциг для издания трудов по итогам трех лет работы экспедиции. А они были велики и многообразны. Одна лишь коллекция местной фауны состояла из 57 тысяч экземпляров и включала свыше 10 тысяч видов. Гербарий насчитывал 1,5 тысячи видов и все во многих образцах.

Экспедиция под руководством А. Федченко многое сделала для изучения горных районов Средней Азии. Алексей Федченко по праву считается первооткрывателем Зеравшанского, Гиссарского, Туркестанского, Алайского и Заалайского хребтов и Алайской долины. Много трудов приложил ученый для исследования горных рек Туркестана, верховий Амударьи и Сырдарьи, гидрологического режима этих рек и их значения для искусственного орошения.

А. Федченко был одним из пионеров в изучении ледников Средней Азии.

Исследования А. Федченко носили комплексный характер. Ученого интересовала не только природа во всех ее проявлениях, но и человек с его хозяйственной деятельностью, пути сообщения, торговые связи, перспективы развития экономики. Обратил он, между прочим, внимание и на шелководство. Край, который с древних времен находился на Великом шелковом пути, теперь сам разводил тутового шелкопряда. Однако А. Федченко заметил, что предприниматели стараются вывозить в Европу грену, в то время как выгоднее и полезнее было бы экспортировать готовый шелк. И он обратился к администрации края с предложением увеличить производство шелка-сырца в самой Средней Азии.

Вся жизнь и деятельность Алексея Федченко была связана со Средней Азией и, в частности, с Узбекистаном. Он был первым русским ученым, который предложил издать русско-узбекский словарь, написал специальную статью о риште, переведенную на узбекский язык, впервые ознакомил научную общественность с узбекскими терминами. По его инициативе Туркестанский отдел Общества любителей естествознания организовал в Ташкенте чтение научно-популярных лекций на русском и узбекском языках.

А ученый мечтал о новых походах и экспедициях. Памир продолжал манить его своей недоступностью. Но для того, чтобы подняться на «крышу мира», нужен был опыт восхождений, знакомство с альпийскими глетчерами, альпинистская подготовка.

2 сентября 1873 года Алексей Федченко в сопровождении двух проводников поднялся на один из ледников Монблана. Внезапно поднялся сильный ветер, пошел густой снег. Ученый выбился из сил, а проводники не смогли его спасти. Когда пришла помощь, он был уже мертв. Алексею Павловичу Федченко было всего 29 лет...

ПОСВЯТИВШИЙ СЕБЯ ТУРКЕСТАНУ. ВАСИЛИЙ ОШАНИН

Василий Федорович Ошанин принадлежит к тому поколению русских ученых девятнадцатого века, которые — люди разных сословий и имущественного состояния, научных направлений и общественных взглядов — сходились во влечении и привязанности к Средней Азии. Таким был Алексей Федченко, успевший к тридцати годам совершить четыре путешествия по Средней Азии. Таким был и Василий Ошанин, его друг и сподвижник.

Родился Василий Ошанин в 1844 году в отцовском поместье на Рязанщине. Первоначальное образование получил в рязанской гимназии, а в 1865 году окончил естественно-историческое (биологическое) отделение физико-математического факультета Московского университета. В студенческие годы Василий Ошанин занимался в основном изучением зоологии беспозвоночных, вкладывая в эти занятия силы и пыл молодого ума, приобщенного к научной работе. И после окончания курса он продолжает развиваться как энтомолог, утверждаясь в своем научном выборе и набираясь практических знаний и опыта. Вся научная и общественная деятельность молодого ученого связана в эти годы с Обществом любителей естество-знания, антропологии и этнографии, куда входили лучшие научные силы Москвы. Он изучает

энтомологическую фауну окружающих Москву губерний и в 1870 году публикует «Список полужесткокрылых насекомых Московского учебного округа» — свою первую научную работу.

Для завершения образования и знакомства с мировой наукой Василий Ошанин дважды побывал за границей, проведя в Германии, Италии и Франции около двух лет. Так, в 1868 году он работает у знаменитого германского зоолога Рудольфа Лейкарта в Гессенском университете. По поручению Общества любителей естествознания Василий Ошанин изучает аквариумы и крупнейшие рыбопитомники Европы, участвует в создании первой биологической станции в Неаполе. Но все это было лишь прологом настоящей научной деятельности.

Поворот в жизни ученого произошел в 1872 году, когда по рекомендации профессора А. Богданова, университетского наставника Василия Ошанина, ему предложили место заведующего шелкомотальной фабрикой в Ташкенте, которая одновременно являлась и школой шелководства. Ошанин согласился без колебаний, хотя и понимал, что впереди его ждет нелегкая жизнь в далеком и незнакомом краю. Но к двадцати восьми годам он был уже вполне сложившимся ученым с широким диапазоном интересов и человеком гражданского сознания, готовым к испытаниям во имя науки и общества.

Министерство государственных имуществ России посылает ученого в командировку в Германию, южную Францию и Италию для усовершенствования в знании шелководства. И только по возвращении из

поездки за границу осенью 1872 года Ошанин выезжает в Ташкент.

Путешественники того времени не раз описывали свои поездки из Оренбурга в Ташкент от одной почтовой станции до другой, в тряских тарантасах, запряженных лошадьми, а в зыбучих песках и верблюдами, поездки, которые, как правило, занимали не меньше месяца. Прodelал этот путь по бездорожью и Василий Ошанин, мечтая, наверное, как и все, о железной дороге между Туркестаном и Россией.

В Ташкент Василий Ошанин прибыл в конце 1872 года и остановился в трехкомнатном домике заведующего школой шелководства. В этой школе он затем проработал более десяти лет. В Ташкенте Ошанин женился на учительнице Елизавете Ивановне Маевской и дружно прожил с ней всю жизнь.

С ранней весны 1873 года ученый начинает энтомологические походы в окрестностях города. Но здесь, думается, надо сказать об одном практическом деле, которым порой пренебрегали даже известные путешественники. Речь идет о знании местных языков. Незнание их означало почти полную зависимость от переводчиков, найти которых в условиях Туркестана того времени было трудно, а порой и невозможно. Таким образом терялась важная часть полевой работы — общение с населением. Что касается Василия Ошанина, то он, считая знание языков необходимым условием плодотворной научной и общественной деятельности, в совершенстве овладел узбекским, а затем и персидским языками. Более того, обладая способностями полиглота, он в дальнейшем

изучил и другие языки и даже занимался сравнительным языкознанием.

Вообще характерной чертой Ошанина-ученого было стремление к расширению своих научных интересов. Отчасти это объяснялось и условиями жизни — малочисленностью научных сил в крае, где каждому приходилось работать за двоих, а то и за троих.

По образованию Василий Ошанин был энтомологом, в более узком смысле — специалистом по полужесткокрылым. Кроме собственно энтомологии, Ошанин занимался также географией, антропологией, зоологией и, как видим, лингвистикой. За сравнительно короткий срок ученый сделал на заседаниях Туркестанского отдела Общества любителей естествознания доклады: «Характер фауны полужесткокрылых Туркестана», «Пебрина (болезнь шелкопряда) по наблюдениям, произведенным в Туркестане, и способы ее предупреждения», «Характеристика Алая. О пути, пройденном ученой экспедицией отдела в 1878 году». Василий Ошанин был одним из основателей Туркестанского отдела Общества, а впоследствии и признанным его руководителем. Формально же Ошанин даже не был профессиональным ученым: не имел степеней и званий, не служил ни в одном научном учреждении и, естественно, не получал платы за свои труды. Он работал сначала заведующим шелкомотальной фабрикой и школой шелководства, потом директором женской гимназии.

И тем не менее Василий Ошанин был прежде всего ученый, бесконечно преданный науке. Каждый

порядочный натуралист, кроме чисто научного интереса, испытывает еще и живые чувства к предмету своих исследований, даже если он такой мелкий, как насекомые. Художественное восприятие природы было яркой чертой Ошанина-ученого, и он испытывал истинное удовольствие от созерцания бесконечного разнообразия узоров, красок, форм, которыми так богат мир насекомых.

Не по обязанности, а по влечению отдавал Василий Ошанин каждую свободную минуту изучению природы. Ошанин совершает учебную экскурсию с учащимися мужской гимназии и учительской семинарии из Ташкента в Самарканд; по поручению Туркестанского отдела Русского географического общества посещает многие районы Средней Азии; предпринимает поездку по линии Закаспийской железной дороги от Фараба до Красноводска; проводит изыскания в Ферганской долине... И везде собирает богатые коллекции насекомых, в том числе десятки не известных ранее видов.

Вот как пишет об одной такой поездке ученого его сын, сам известный ученый-антрополог Лев Васильевич Ошанин. «Летом 1897 года он отправился на почтовых лошадях в перекладной телеге в Аулие-Ату, а оттуда верхом на лошади в верховье долины Таласа, чтобы познакомиться с местной энтомофауной. Появление нового человека привлекло любопытство местных жителей. К тому же Василий Федорович одевался во время экскурсий типичным натуралистом шестидесятых годов прошлого столетия. Я хорошо помню его походное снаряжение. Легкие каламянковые брюки навывпуск, белая блуза-толстовка, мягкая фетровая шляпа с довольно большими полями, широкий ремень, с одной стороны которого висел большой жестяной ящик с пробковым дном для накалывания насекомых, с другой — дорожная сумка с баночкой цианистого калия. На черном шнурке в карманчик на груди спускалась лупа, рядом с ней — порядочных размеров, сантиметров пять-шесть в диаметре,

подушка с воткнутыми в нее булавками различных калибров.

У него была большая, раздвоенная, как тогда носили, борода и неизменные очки. В руках он держал сачок, которым «косил» по траве и кустам, напевая мелодию из «Прекрасной Елены». Наберет сачком насекомых, остановится, начнет их выбирать, одних сразу же накалывает на булавки и внимательно рассматривает в лупу, других кладет в банку с цианистым калием».

Однажды пастухи-киргизы долго следили за этим странным человеком, переговариваясь между собой, пока наконец не решили, что он конечно «дивона» — «блаженный», но смирный и вреда не принесет. Впрочем, и среди знакомых Василия Ошанина встречались люди, которые совсем не понимали, как это можно всю жизнь заниматься «букашками». Ошанин относился к этому с добродушным юмором и сам порой подшучивал над собой.

Поле, полевые исследования были любимым занятием ученого. За тридцать три года жизни в Туркестане он лишь дважды летом покидал край, отправляясь в Москву с научными целями. Все остальное каникулярное время он проводил в поездках и походах по Средней Азии.

Собранные во время тридцатилетних поездок материалы вместе с коллекциями других энтомологов послужили основанием для капитального труда В. Ф. Ошанина «Зоогеографический характер фауны полужесткокрылых Туркестана», изданного под редакцией П. Семенова-Тян-Шанского. В этой важной

работе он приводит в систему и обобщает свои взгляды на зоогеографическое положение Туркестана, доказывая генетическое родство фауны края с фауной стран Передней Азии и Средиземноморья. Найдя правильное место Туркестана в зоогеографическом подразделении Азиатского материка, Василий Ошанин сделал крупное научное открытие, значение которого полностью оценили лишь в наше время.

Итогом громадного научного труда стал и «Каталог полужесткокрылых», над которым Василий Ошанин также работал более тридцати лет. Этот единственный в своем роде труд был издан Академией наук России и до сих пор служит необходимым пособием для энтомологов.

Особое место в жизни В. Ошанина занимает первая научная экспедиция в Каратегин и к верховьям Амударьи, организованная в 1878 году Туркестанским отделом Общества любителей естествознания. Экспедиция, которой руководил В. Ошанин и в состав которой входили топограф Г. Радионов и ботаник М. Невесский, направилась в глухие горные княжества Каратегин и Дарваз, лишь недавно присоединенные к Бухарскому ханству и превращенные в его провинции — бекства. Эти малодоступные горные районы Памира, на долгие зимние месяцы совершенно отрезанные от внешнего мира, были известны лишь по скудным китайским источникам и сведениям, поступавшим от редких купеческих караванов. Все это вызывало к экспедиции повышенный интерес обществу.

25 июля 1878 года путешественники покинули Самарканд и направились в Гиссар через Китаб, Шаар, Яккабаг, Ташкурган. Из Гиссара экспедиция проследовала в Каратегин к истокам реки Оби-Гарм. В дальнейшем участники экспедиции обследовали всю территорию Каратегина и Дарваза в доступных им пределах. Результаты исследований в Каратегине имели для своего времени первостепенное научное и практическое значение. Топографическая съемка пройденного пути положила начало картографированию Бадахшана, а географическое описание Каратегина и Дарваза дало первые достоверные сведения о природе этих районов.

Важным научным результатом этого путешествия явилось открытие хребтов Петра Первого, Каратегинского, Дарвазского и огромного горного массива, впоследствии названного хребтом Академии наук. Природные картины Северного Бадахшана — резкая расчлененность, крупные продольные долины и глубокая заснеженность горных хребтов были переданы Василием Ошаниным с научной точностью и художественной выразительностью. А описание перевалов через Каратегинский и Гиссарский хребты имело и большое практическое значение, так как пути подхода к Бадахшану и Памиру тогда почти не были известны.

Большой заслугой участников экспедиции явилось и то, что на спине хребтов Петра Первого и Академии наук они открыли обширную ледниковую зону. Предположение ученого, что здесь должен находиться крупнейший в Средней Азии центр оледенения,

полностью подтвердилось. А в верховьях долины Сельсу путешественники обнаружили ледник, поражающий своими размерами. Василий Ошанин предположил, что он простирается не менее, чем на 20 километров (на самом деле — 77 километров). «Таким образом, — писал В. Ошанин, — этот ледник принадлежит по своей величине к числу первоклассных. Экспедиция назвала его ледником Федченко, в память Алексея Федченко».

Надо сказать, что современники Василия Ошанина не очень удивлялись, когда он, ученый-энтомолог, открывал горные хребты и ледники. Ведь с точки зрения науки край был еще почти не изучен, а малочисленность научных сил и скудость средств вынуждали каждую экспедицию делать комплексной. Но главное, конечно, было в широте интересов, которая отличала Ошанина-ученого. Так, Василий Ошанин долгое время изучал местные географические названия и их правильное произношение и написание. Владея языками, Ошанин ввел в научную литературу и

географические карты правильную русскую транскрипцию узбекских и таджикских наименований рек, горных хребтов, долин, устранив в значительной мере путаницу в среднеазиатской топонимике, которая существовала до него почти во всех географических работах и картах того времени. А некоторые местные географические названия, введенные в научный оборот Василием Ошаниным, например, «тугаи», широко применяются и в наши дни.

Научная общественность высоко оценила результаты экспедиции Ошанина в Каратегин и Дарваз. Русский геолог И. Мушкетов, работавший в Средней Азии, писал, что «экспедиция исследовала одну из самых малоизвестных стран — Каратегин, о которой до того имелись только сбивчивые расспросные сведения. Экспедиция сделала весьма важные географические открытия, между которыми первое место занимает открытие громадного хребта, протягивающегося вдоль левого берега Сурхоба, названного экспедицией хребтом Петра Первого».

Василий Ошанин любил и понимал природу Средней Азии. Он был сторонником полноценного ознакомления с изучаемой страной. Во время экскурсий с гимназистами он обращал их внимание не только на картины природы, но и на хозяйственную деятельность местного населения, культуру народа, изумительные памятники средневековой узбекской архитектуры, на прошлое края, тесно связанного с Великим шелковым путем. А как ученый он неизменно изучал национальный состав, этнографические особенности, условия жизни и размещения населения.

Так, сравнивая каратегинских таджиков и киргизов, Василий Ошанин указывал, что таджики, ведут главным образом оседлую жизнь, занимаются хлебопашеством и садоводством, в большом количестве разводят длинношерстных коз. Однако скотоводство у них играет второстепенную роль, и рогатый скот используется главным образом как тяговая сила.

Киргизы, напротив, ведут в основном кочевую жизнь, разводя овец, лошадей и верблюдов, и передвигаются со стадами и отарами до зоны вечных снегов. Сена они не заготавливают, и скот круглый год находится на подножном корму. Однако и таджики, и киргизы, отмечал ученый, ведут главным образом натуральное хозяйство, и он предлагал меры, направленные на развитие производительных сил края.

«Организация экспедиций, постановка интересных докладов, опубликование научных трудов и другие виды деятельности Туркестанского отдела не обходились без участия В. Ф. Ошанина. Он сам почти ежегодно выезжал в экспедиции и охотно поддерживал все начинания по исследованию природы Туркестана. Великолепно зная край и понимая ближайшие задачи его изучения, он был неизменным советчиком и помощником при организации экспедиций», — писала в своей работе о Василии Ошанине научный сотрудник З. Донцова.

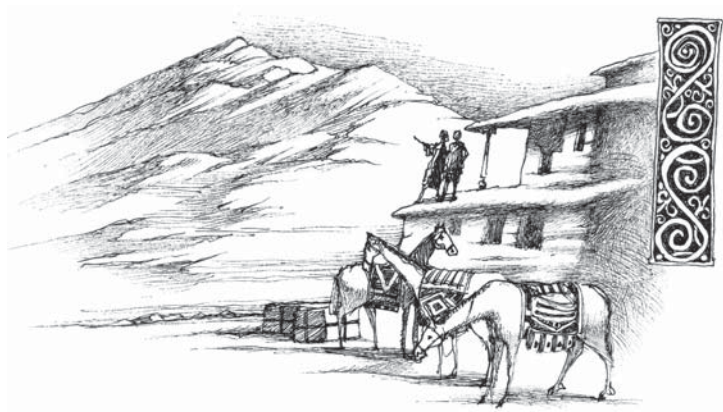
Так, по инициативе Василия Ошанина была образована комиссия, которая организовала в Ташкенте за счет пожертвований Музей природы. В декабре 1876 года состоялось открытие музея, в котором были представлены геолого-географический, ботанико-

зоологический, этнографический, сельскохозяйственный и промышленный отделы. Ученые выступали в музее с чтением публичных лекций. Некоторые экспонаты музея демонстрировались на археологической выставке в Москве.

Путешествуя по краю и исследуя Туркестан более тридцати лет, Василий Ошанин в 1906 году вернулся в Россию, в Петербург, чтобы лично проследить за изданием трехтомного «Каталога полужесткокрылых», труда, который принес ученому мировую известность. Последние годы жизни В. Ошанин работал в Зоологическом музее Академии наук России. Он не прерывал связей с Туркестаном. В Русском энтомологическом обществе ученый выступал с докладами о природе Средней Азии, вызывавшими большой интерес и оживленные обсуждения. Для всех, отправлявшихся в путешествие в Туркестан, он был неизменным советчиком и наставником. Скончался Василий Ошанин в 1917 году в России.

«НЕИЗВЕСТНАЯ АЗИЯ» ГАБРИЭЛЯ БОНВАЛО

Известный французский путешественник, географ и этнограф Габриэль Бонвало летом 1889 года, готовясь к новой экспедиции, направил телеграмму на Кавказ: «Если хочешь отправиться со мной в Китай, приезжай в Москву». Телеграмма была адресована узбеку Рахмату, другу, помощнику и постоянному спутнику Бонвало в прежних его путешествиях по Центральной Азии. Рахмат в Батуми ожидал парохода на Марсель, чтобы исполнить свою давнюю мечту побывать во Франции, посетить в Париже выставку. Получив телеграмму, он, не колеблясь, сдал билет и выехал в Москву. Как бывало не раз, он поделил с Бонвало все успехи и неудачи беспримерного зимнего восхождения на Тибет. Этих людей

связывала страсть к познанию нового, любовь к приключениям, «охота к перемене мест».

Пьер Габриэль Бонвало родился в 1853 году в Шампани и рано предпочел благодатным садам и виноградникам своей родины скитания по долам и весям. После окончания лицея он с 1873 по 1880 годы странствует по Европе, посещая Швейцарию, Германию, Скандинавские страны, Англию, Испанию, Италию. Он избегает университетов, но не пренебрегает ни их бесплатными курсами, ни «практическими занятиями» на полях и фермах. Вещевой мешок, карта и французский флаг порой составляли весь его «карavan».

Полный энтузиазма, крепкий физически, с нестраченными силами молодости, Бонвало получает от Министерства общественного просвещения Франции задание совершить поездку в Центральную Азию для изучения истоков возникновения рас.

Азия в 1880 году была мало знакома европейцам, лишь немногие смельчаки отваживались на путешествия в неизведанные страны. Габриэль Бонвало предвкушал необыкновенные приключения, возможность научных открытий и проникновения в тайны Востока.

Небольшая экспедиция, состоящая из Габриэля Бонвало и сопровождавшего его натуралиста Капю, началась в Москве, городе, наиболее удобном для снаряжения в дальнюю дорогу. Первоначально они доехали на поезде до Нижнего Новгорода, затем паромом до Перми, далее по железной дороге до Екатеринбурга. В Сибири, за Семипалатинском, экспедиция

повернула на юг, в Туркестан. Способ передвижения теперь был иной — тарантас, тряский, но прочный. Встречая на пути множество кочевников, путешественники достигли озера Балхаш, а далее уже простирался типичный степной пейзаж: стада, кибитки, скелеты верблюдов и лошадей. И заснеженные пики гор на горизонте.

Переправившись через реку Чу и передохнув в городке Мерке, путники миновали Таласскую долину и вступили на равнину, окаймленную отрогами Тянь-Шаня. 1 ноября 1880 года тарантас выехал в долину реки Чирчик и покати́л по наезженной колее в Ташкент. Дорога была оживленной, и все указывало на близость большого города.

«Ташкент — каменный город, насчитывает тысячи лет своего существования, — писал Бонвало. — Сначала он назывался Чач и, по свидетельству местного историка Мухаммада Тошкенти, своим современным именем стал называться только во втором веке нашей эры».

Путешественники отмечают благоприятное географическое расположение Ташкента на пересечении караванных дорог Великого шелкового пути. По площади Ташкент равен Парижу, сравнивают исследователи, но насчитывает немногим более ста тысяч жителей. Это объясняется тем, что большинство горожан живут сельским хозяйством, и каждый владеет большим или меньшим садом, прилегающим к жилищу.

Старый Ташкент века был разделен на четыре района — даха, которые состояли из множества кварталов-

махалля. Как правило, название махалли отражало профессиональную принадлежность ее жителей. В махалле Даргез жили литейщики, в махалле Такачи — кузнецы, махаллю Игарчи населяли мастера-седельщики.

В этом многонациональном городе бросалось в глаза разнообразие типов и лиц. Основную массу населения составляли сарты, как называли оседлых узбеков. Среди жителей Ташкента были киргизы, татары, евреи, индусы, цыгане, афганцы, персы, кашгарцы. И все уживались между собой благодаря разнообразию занятий и своеобразному разделению труда. Бонвало обратил внимание, что местные жители носили традиционные костюмы, состоящие из хлопчатобумажной рубахи, широких и коротких штанов и халата с длинными рукавами, широкими у плеч и зауженными книзу. На ногах — сапоги из мягкой кожи, а поверх них кауши, на голове — шапочка-тепе или каллапуш. Люди духовного звания и состоятельные горожане носили большую чалму из муслина или шерсти. Женская одежда отличалась простотой — свободное платье и длинные шаровары, перехваченные у щиколотки вышитой тесьмой — джияком, поверх платья надевался жакет с узкими рукавами и халат.

Старый город состоял в основном из одноэтажных глинобитных жилых домов с плоскими крышами и окнами во двор. Лишь мечети и медресе были выстроены из жженого кирпича. На холме у старинного перекрестка Чорсу высился покрытый узорами из майолики портал медресе Кукельдаш. За ним виднелся купол главной ташкентской Джума-мечети.

Ташкентцы весьма почитали своих святых. Вереницы правоверных тянулись к гробнице шейха Хавенди ат-Тахура и мавзолею праведника Абу Бакра ибн Исмаила Каффала Шаши.

Бонвало отмечал, что главным местом общения для жителей Ташкента был базар — здесь не только делали покупки, но и узнавали городские новости, слушали проповедников и певцов-хафизов, показывали свое искусство фокусники и акробаты, потешали народ острословы. Одним из любимейших развлечений горожан были бои перепелок и куропаток, которые устраивались в большом саду на Шейхантауре. А в дни больших праздников толпы народа собирались на конную игру «улак».

Всю зиму путешественники провели в Ташкенте, а весной собрались в дальнейший путь. Но здесь непредвиденный случай заставил их изменить свой маршрут — они узнали, что в Ташкент, к генералу Кауфману, прибыло афганское посольство от нового эмира Кабула Абдурахман-хана, чтобы забрать на родину его семью, которую он оставлял у русских, пока сам завоевывал свой трон. Семья эмира, сопровождаемая русским эскортом, держала путь в Мазари-Шариф. Получив согласие генерал-губернатора, члены экспедиции присоединились к посольству и таким образом получили возможность продолжить путешествие в более или менее комфортабельных условиях.

Миновав Чиназ и Джизак, караван прибыл в Самарканд. Перед восхищенными взорами путешественников предстали великолепные архитектурные

сооружения города: величественная площадь Регистан, украшенная тремя монументальными медресе, «улица мавзолеев» Шахи-Зинда, бирюзовый купол усыпальницы Гури-Амир с прахом Амира Темура, портал и минареты мечети Биби-ханым, некогда самой крупной в Центральной Азии...

Путешественники обратили внимание на деловитых юношей в чалмах, шагающих по улицам с выражением учености на свежих лицах. В них без труда можно было узнать вечную породу студентов, в данном случае — студентов медресе, высших учебных заведений Востока.

Покинув Самарканд, караван двинулся в направлении Карши. На закате дня путники сделали остановку в долине колодцев Чоркудук, куда весной обычно перемещались кочевники. И сейчас караван был встречен детскими криками и собачьим лаем, мычанием коров и блеянием овец. Но за становищем путешественников уже ждал посланец бухарского эмира Ахмадулло. После обмена любезностями, он проводил афганских принцев и их свиту в лагерь, где уже был раскинут шатер и приготовлено угощение.

Бонвало с любопытством отмечал, как афганцы, туркмены и русские образовали три отдельных лагеря, отражавших их обычаи и привычки. Афганцы поставили свои арбы в одну линию так, чтобы скрыть своих женщин от нескромных взглядов, выставили часовых. Туркмены привязали лошадей и сами устроились рядом на кошмах, сняв оружие и верхнюю одежду. Казаки разбили лагерь на самой высокой точке, назначили часовых и, усевшись спиной к юртам,

стали приводить в порядок обмундирование и сбрую. На закате подошло время молитвы. Сначала мулла вознес хвалу Аллаху, затем старший из казаков произнес слова молитвы, и каждый из них словно подтверждал, что бог один, только вера разная.

За несколько километров до Карши, поднявшись на Кунгурские холмы, путешественники увидели живописную панораму города в обрамлении зелени садов. Казалось, все население вышло на улицы, чтобы увидеть «урусов». Мальчишки глазели с деревьев, женщины бросали взгляды с крыш, малые дети подглядывали из-за дверей.

Миновав толпу, путешественники вошли в дом, который им предоставил гостеприимный бек. Но люди не расходились, снедаемые любопытством, пока их не разогнали стражники. Бек проявил большой интерес к исследователям, задавал им вопросы о далекой стране, о здоровье и делах. Немного позднее пришли дервиши, выстроились и исполнили песню, мелодия которой потрясла французов, так как в точности совпадала с романскими церковными песнопениями. Странствующие цыгане-люди устроили перед домом настоящий спектакль с дрессированным медведем. Певцы-бахши развлекали путников игрой на рубабе и песнями о героических подвигах и любовных историях минувших дней. А вечером в честь гостей каршинский бек устроил вечер с танцами.

На следующее утро караван покинул город и, миновав большой кишлак, окруженный обширными фруктовыми садами, Бонвало и его спутники увидели, что оазис кончился и началась степь, где гулял ветер.

В течение долгих дней следования по старым тропам Великого шелкового пути путешественникам встречались туркмены — покорители степей, ехавшие в Карши со своим товаром — коврами; они видели древние кладбища, похожие на руины городов; останавливались у закрытых колодцев, очень глубоких, которые использовались только в самое жаркое время, когда все остальные источники воды уже пересыхали. Кочевники обустроивались вокруг таких колодцев, чистили их и приводили в порядок, а потом продавали воду проходящим караванам. Бонвало довелось наблюдать настоящий мираж в пустыне: перед его глазами возникло прозрачное озеро в обрамлении деревьев, напоминающих пальмы. В действительности это было только жаркое марево над царством песка. Но вскоре количество птиц в небе увеличилось, и в самом деле стало угадываться обилие воды. Чувствовалось приближение Амударьи. Еще один переход — и усталые путники у города Келифа вышли на берег великой реки.

«Ширина Амударьи, стиснутой в этом месте двумя известковыми холмами, около четырехсот метров, — отмечал в своих записках Бонвало. — Она наносит огромное количество песка, непрерывное перемещение которого почти каждый день изменяет фарватер. Хотя время паводка только наступает, река несет свои воды со скоростью, превышающей четыре километра в час. Переправа с одного берега на другой осуществляется при помощи четырех больших плоскородных паромов. Два из них принадлежат бухарцам, два — афганцам. Они приводятся в движение

лошадьми, которые тянут их там, где достают до дна, и плывут в тех местах, где глубоко».

Караван был встречен беком Келифа и остановился у подножия крепости, но на другом берегу уже виднелись белые шатры, приготовленные для принцев и их гостей. В первый же день афганцы и туркмены переправились на левый берег, в Афганистан, а на следующий день к ним присоединились русские офицеры и казаки. На бухарской территории остались только Бонвало со своим спутником. Но вскоре и они получили приглашение и несколько дней провели в гостях, на «заречной стороне». Дальнейшее путешествие нашим исследователям предстояло совершить в одиночестве.

Бонвало и Капю приняли решение провести исследования остатков поселений в Бактрии и на обратном пути, если удастся, посетить Бухару. Их маршрут снова пролегал вдоль Амударьи, древнего Окса, величественного, как море, на берегах которого в заросших камышом и тростником тугаях, гнездились куропатки, водились зайцы, кабаны и даже тигры. Позади виднелись отроги Байсунских гор, впереди — пустынная степь.

В селении Чушка-гузар был паром, но местные жители часто не желали платить паромщику и использовали старинные способы переправы через реку на надутой воздухом козьей шкуре или на большой связке тростника. Здесь французы встретили паромщика, который увидел европейцев первый раз в жизни и пригласил их на чай. Он оказался словоохотливым человеком, расспрашивал путников о жизни в далекой

Франции и сам рассказал им о происхождении развалин древних городов близ Сурхандарьи, о том, что заросли тростника изобильны дичью, а тигры порой по ночам подходят к селению и бывают слышны их грозные голоса. Путники полночи просидели в засаде, но, к сожалению, услышали только вой шакалов, которые устроили в их честь «вопиющий» концерт.

Следующим пунктом путешествия был Шерабад, звучное название которого означает «город льва». Он был построен в начале XVIII века Шералиханом из некогда могущественного племени кунград на месте древней крепости, стоящей на северной ветви Великого шелкового пути. На протяжении многих сотен лет отсюда по горным проходам через перевалы и по долинам рек пролегали караванные тропы из центральных областей Азии в Бактрию — Тохаристан и Индию.

Утопающий в зелени, как и многие другие города Центральной Азии, Шерабад состоял из крепости, в которой обитал бек, рынка и пригорода. Рынок был расположен возле крепости, чтобы обеспечить охрану торговцам. Жилище, которое путешественникам определил бек, не отличалось большими удобствами, но в комнате было прохладно и тихо, и они с удовольствием расположились на отдых.

Сын бека устроил в честь Бонвало и Капю необычное развлечение — соколиную охоту. Она состоялась в окрестностях города на прудах, населенных водоплавающей птицей. Ранним утром путешественники верхом выехали в сопровождении сокольничего, к седлу лошади которого был приторочен маленький

охотничий барабан, а на руке, одетой в перчатку, сидел сокол, голову которого закрывал кожаный колпачок. Сокольник сначала вспугивал птиц звуками барабана, а затем, резко сорвав колпачок, подбрасывал сокола в воздух. Из-за обилия птиц сокол без труда находил и убивал жертву ударом мощного клюва. Хозяин возвращал его на место, и все происходило сначала. Это было живописное зрелище, какого французы никогда не видели.

Вообще в этот первый месяц нового года было много увеселений: сказители, певцы, танцоры, канатоходцы переходили из города в город, из кишлака в кишлак и устраивали представления. На одном из празднеств сын бека познакомил Бонвало с неким Рахматом и отрекомендовал его как опытного проводника и переводчика. Рахмат был «сайех», то есть, по местному поверью, человек, которому не сидится на месте. Новый проводник рассказал, что его мать, когда была беременна им, совершала с караваном путь через пустыню на верблюдах и, вглядываясь вдаль, все пыталась узнать, что там таится. Вот и Рахмат стал вечным странником, пытающимся узнать, что впереди за горизонтом.

В Шерабаде путешественникам пришлось поменять лошадей, которые исправно служили им от самого Самарканда. Теперь крохотный отряд двинулся на восток вдоль горных отрогов, а затем через песчаные холмы к небольшому городку Джаркурган, где была маленькая фабрика по изготовлению растительного масла из семян хлопчатника, дыни, арбуза, льна, кунжута, смешанных в определенных пропорциях. Это

масло использовалось для приготовления пищи вместо бараньего жира, который был доступен только состоятельным людям.

От гостеприимного хозяина дома, в котором они заночевали, французы получили сведения о руинах древнего города, которые, как выяснилось, находились всего в шести километрах от Джаркургана. Поднявшись на вершину холма, Бонвало увидел вдали стройный минарет, устремленный в небо. Когда путешественники приблизились к нему, то различили остатки крупных сооружений X – XI веков, в которых можно было узнать мечеть, медресе, караван-сарай и баню. А место, на котором они находились, без сомнения являлось городской площадью. Высота выстроенного из жженого кирпича минарета достигала двадцати метров, его верхнюю часть украшали письма из Корана. Развалины древнего города простирались на восток до Сурхандарьи, а на западе они терялись среди холмов. Капю сделал набросок в своем альбоме, а Бонвало обмерил остатки сооружений и составил примерный план древнего города.

Еще в Ташкенте, разрабатывая маршрут экспедиции, путешественники постарались собрать как можно больше информации о древних городах Бактрии, где им предстояло побывать. Один из русских офицеров настоятельно посоветовал им посетить окрестности кишлака Паттакесар на Амударье, где, как он считал, находятся руины древнего Термеза.

Приближаясь к намеченной цели, они провели ночь в большом кишлаке в доме местного властителя. Днем хозяин проводил французов к святому

месту, которое он называл Султан-Саодат. Еще изда- лека они увидели мечеть, с виду неплохо сохранив- шуюся, и большой комплекс мавзолеев. Ансамбль зданий различной высоты и общей длиной около двухсот метров состоял из 143 погребений разного размера. Все они были ориентированы на запад и не имели никаких надписей, по которым можно было бы определить, кто в них покоится. Первоначально это место было выбрано в качестве некрополя для эмиров, а затем стало застраиваться усыпальницами членов царствующего дома по их вкусу и возможностям. Портал мавзолея, увенчанного огромным куполом, возвышался на пятнадцать метров и являлся самой высокой частью ансамбля. В нем покоился Хусан аль Эмир, основатель рода термезских Сейидов. Еще в древ- ности усыпальница была сложена из глазурованных кирпичей, по яркости цвета и тонкости работы вполне сравнимой с самаркандскими образцами. К со- жалению, некоторые кирпичи и даже целые фраг- менты уже были отколоты, по-видимому, местными жителями для своих строительных нужд.

На окраине комплекса находился скромный мав- золей. Внутри оказались четыре могилы. У одной из гробниц стоял шест с привязанным к нему конским хвостом, это и было место где, как говорят, был захо- ронен прах эмира Хуссейна — соратника знаменитого полководца Темура, а затем его соперника в борьбе за власть. Там же были похоронены одна из его жен и два сына. Действительно ли принадлежала эта моги- ла Хуссейну, путешественникам определить так и не удалось.

Всего в двух километрах от ансамбля мавзолеев Султан-Саодат путешественники увидели замечательное сооружение — четырехугольную крепость с романтическим названием Кырк-Кыз, или «Сорок девушек». Стены крепости были точно ориентированы по сторонам света, мощные угловые башни, казалось, могли отразить осаду чужеземцев. Бонвало и Капю провели здесь несколько дней, посвятив их осмотру и зарисовке зданий. К сожалению, им не удалось произвести детальные раскопки, которые, несомненно, дали бы находки, проливающие свет на историю Бактрии.

Когда путники прибыли в кишлак Паттакесар, они увидели в восьми километрах от селения, на возвышенном берегу Амударьи, остатки Старого Термеза — крепость, которую можно было распознать по сохранившимся башням на западном фасаде и полуразрушенной стене длиной около километра со следами больших ворот. Аксакалы из кишлака рассказали Бонвало, что некогда здесь был большой город Термез, история которого уходит в глубь веков. Здесь, на Сурхандарьинской земле, стояли воины Александра Македонского, правили могущественные цари из рода Кушан, в средние века процветали ремесла и торговля, и через город шли караваны с товарами во все концы света — от Китая и Индии до Египта и Византии. По преданию, осенью 1220 года Чингисхан разбил свой военный лагерь близ Термеза. Предложив жителям города сдаться и получив отказ, он начал осаду крепости и, взяв ее штурмом к концу девятого дня, истребил все население.

Путешественники произвели археологические обмеры старой крепости, а рядом с ней обнаружили почти неповрежденный временем исторический памятник — усыпальницу Хакима ат-Термизи, духовного покровителя города.

Несколько ниже по течению Амударьи исследователи увидели удивительную постройку: посередине реки на островке Пайгамбар, среди тугайных зарослей высилась мечеть, а при ней небольшой мавзолей. По преданиям, в старом Термезе жил пророк Зуль-Кифль. Рассказывают, что перед смертью он пожелал, чтобы тело его положили в лодку, пустили ее по реке, и похоронили его в том месте, где она пристанет к берегу. Лодка остановилась посреди Амударьи, на глазах правоверных здесь образовался остров, на котором и похоронили усопшего.

Жара усиливалась, и горячий ветер, дующий со стороны Афганистана, донимал путешественников. Они решили направиться на север. Когда они двигались по обрывистому берегу Шерабадарьи, им пришлось пережить внезапно обрушившиеся ливневые дожди. Исследователи вынуждены были переправляться через бушующий поток, карабкаться по горным тропам. Одна из вьючных лошадей поскользнулась на мокрых камнях и упала на бок. Встретившиеся им паломники помогли поднять лошадь. Новый проводник Рахмат оказался незаменим в преодолении тягот пути.

Лишь в горном кишлаке Сайроб маленький отряд получил передышку. Как только тучи рассеялись, Бонвало и Капю отправились на скалы собирать

растения. После монотонности степей и пустынь горный край показался им почти райским местом.

Из Сайроба экспедиция держала путь по живописной долине, встречая пеших путников, всадников, караваны вьючных животных. Ведь именно этой дорогой проходили купцы с грузом шелка и пряностей, шли паломники к святым местам Бухары и Самарканда, двигались армии Чингисхана и Темура. На перекрестке дорог из Денау, Карши и Шерабада путешественники нашли приют в старом караван-сараяе, построенном еще Абудуллаханом. А утром необычное зрелище привлекло внимание исследователей. В этих живописных местах, в кишлаках Шураб и Байсун, жили узбеки из древнего племени кунград и каждую весну они перекочевывали со склонов Байсунтога в долину вместе со своими семьями. Такой переезд обставлялся как праздник — мужчины и женщины надевали лучшие одежды, украшались уздечки и кожаные седла лошадей, а сабли покрывались серебряными накладками. Шла вереница верблюдов, нагруженных коврами переметными сумами.

Наши герои решили провести в этой прекрасной долине несколько дней, чтобы привести в порядок свои записи и систематизировать собранные коллекции. Когда они попросили местных узбеков установить для них юрту во дворе караван-сарая, оказалось, что, по обычаю, это могут сделать только женщины, которые блестяще справились с таким непростым делом.

Прежде чем совершить путешествие в Бухару, Бонвало отправил джигита в Самарканд, откуда тот

должен был привезти рекомендательные письма от генерала Кауфмана для безопасного посещения владений бухарского эмира. Гонец вернулся с вестью, что генерал болен, и поездку в Бухару пришлось отложить до его выздоровления. Исследователи посчитали за лучшее как можно быстрее добраться до Самарканда. Путь их лежал на запад через степь к Шахрисабзу, родине Темура.

Когда маленький караван вступил в город, путешественникам показалось, что они попали в средневековое поселение с узкими извилистыми улочками, базаром, перекрытым кирпичным сводом, и различными древними сооружениями. Бонвало писал: «Темур первоначально хотел сделать свой родной город столицей. Но затем он выбрал для этой цели Самарканд, чье географическое положение на пересечении центральноазиатских дорог было более удобным».

Бек Шахрисабза пригласил путешественников осмотреть резиденцию эмира и его семьи, охранявшуюся стражниками. Резиденция располагалась прямо напротив огромного портала, покрытого глазурованными плитками, — единственного, что осталось от дворца Ак-Сарай, построенного Темуrom. Но даже эти живописные руины давали представление о большой красоте этого архитектурного шедевра.

Бонвало отметил, что гораздо лучше сохранился ансамбль Дорус-Тиляват, состоящий из мавзолея, в котором похоронен духовный наставник Темура Шамсиддин Кулол, мавзолея Гумбази Сейидон и соборной мечети Кок-Гумбаз, получившей свое название за небесно-голубую облицовку огромного купола.

Посетив другой средневековый архитектурный ансамбль — Дорус-Саодат, Бонвало с удивлением узнал, что рядом с соборной мечетью Хазрат-Имам и гробницей сына Темура Джahanгира сохранился склеп, сооруженный Темуrom для самого себя — ведь в Самарканде ученые видели мавзолей Гури-Амир с могилой великого повелителя.

Через несколько дней путешественники пересекли границу владений Бухарского эмира и вновь оказались в русском Туркестане. Спустившись с гор, они внезапно увидели появившийся перед ними Самарканд, лежащий в Зеравшанской долине, по словам Бонвало, «как букет, упавший на зеленый ковер».

Трофеи, собранные в экспедиции, — коллекции насекомых, растений, археологические находки и обмеры исторических памятников требовали скорейшей обработки и систематизации, научного анализа. Бонвало и Капю, не задерживаясь в Самарканде, через Бухару и Баку возвращаются в Париж. Вскоре во Франции была опубликована его книга «Из Москвы в Бактрию», имевшая необыкновенный успех и принесшая ученому популярность.

Бонвало ощущает «опьянение от покорения огромного пространства» и вынашивает новые грандиозные замыслы. В следующем путешествии он воссоздает путь следования Александра Македонского, пройдя через Персию, вдоль Каспийского моря, пересекает Кавказ и вновь конечной точкой его маршрута становится Центральная Азия. Он делает попытку проникнуть в Афганистан, однако члены экспедиции, в состав которой кроме Бонвало входили

Капю и художник Перен, оказываются в плену у вождя одного из афганских племен. И только благодаря энергии Бонвало и вмешательству английских дипломатов, пленники оказались на свободе. Пройдя всю Индию от Кашмира до Карачи, Бонвало на корабле вернулся во Францию, где Географическое общество вручает ему золотую медаль.

Стремясь дополнить свои исследования Центральной Азии новыми открытиями, Габриэль Бонвало проводит зиму 1886 года в Самарканде и разрабатывает план восхождения на Памир. Никто до него не прокладывал тропы на обледенелых кручах «Крыши мира». Его попытка сначала была расценена как безумная, по меньшей мере невыполнимая, ему предсказывали скорое возвращение или губительную неудачу. Однако экспедиция успешно состоялась весной 1887 года.

В июле 1889 года путешественник вновь отправляется за приключениями, на этот раз он планирует сухопутный переход из Москвы через Центральную Азию в Индокитай.

Наверное, странное впечатление оставил бы у непосвященного человека состав экспедиции 1889 года. В него входили: проводник узбек Рахмат, переводчик татарин Абдулла, бельгийский миссионер отец Дедекен, французский принц Анри Орлеанский и, наконец, сам руководитель географ Габриэль Бонвало. Но ученого не смущала пестрота его «личного состава». Он знал людей и умел в них разбираться. А начинал с требований к самому себе: быть примером во всем. Особо ценил Бонвало старых товарищей, с которыми

уже совершал путешествия по неизведанным местам, таких, как Рахмат. «Рахмат по происхождению узбек, — писал Бонвало, — он принадлежит к одной из ветвей этой прекрасной тюркской расы, которая насчитывает так много мужественных людей, и я никогда не устану это повторять».

Большинство европейских путешественников по азиатским просторам совершают свои экспедиции летом, которое так и называется — полевым сезоном. Некоторые предпочитают зиму — за укутанные дороги и замерзшие реки. И лишь немногие отваживаются на зимнее путешествие по горам, которое, как правило, бывает сопряжено с постоянным риском для жизни и требует от землепроходца, пожалуй, самого трудного — повседневного героизма. Габриэль Бонвало, следуя в 1889 году от озера Балхаш, перевалив через горы Тянь-Шаня в Китайский Туркестан, Кульджу, минуя долину Тарим и озеро Лобнор, совершает беспримерный зимний переход через восточный Тибет.

Странствуя по Китайскому Туркестану, исследователи то и дело встречают людей самых различных национальностей, что свидетельствует о процессах миграции, которым способствовало «двухстороннее» движение народов по Великому шелковому пути. Когда путешественники проникают в долину Тарима, «Рахмат не скрывает удивления, услышав здесь родной язык, и начинает думать, что узбеки живут повсюду», — замечает Бонвало. В Синьцзяне, недалеко от города Курля, экспедиция останавливается у крепости, построенной Якуб-беком, выходцем из Ферганы. Судьба сделала этого человека правителем

Кашгара. В течение нескольких лет он строил здания, проводил оросительные каналы, организовал армию из двенадцати тысяч солдат по западноевропейскому образцу. Он окончил жизнь в крепости, им построенной, отравленный своим первым министром.

Преодолевая Тибет, путешественники испытывали мороз и «горную болезнь», карабкались через снежные перевалы высотой до пяти тысяч метров, теряли людей и выючных животных. «Пропали верблюды — вот новость, услышанная нами сегодня, — такова одна из записей в дневниках Бонвало. — Я взбираюсь на песчаный холм и издали вижу наших всадников, ведущих беглецов; кроме них, кругом никаких следов жизни. Волны песка да на горизонте туманные горы... Невольно удивляешься огням лагеря, голосам людей, реву верблюдов. Здесь жить нельзя, такие места можно только проходить, и полотняная палатка представляет единственное удобное жилище в этой негостеприимной пустыне». Самым драматическим происшествием этого путешествия было тридцатичасовое отсутствие Рахмата, блуждавшего по враждебным горам в поисках пути.

Примитивное горное оборудование, скудные продовольственные припасы вынуждали участников экспедиции порой вести настоящую борьбу за выживание среди дикой природы, в окружении полудиких, часто недружелюбных горцев. «Наш лагерь был расположен приблизительно на высоте 5300 метров, — пишет Бонвало, — очень холодно. Ветер намел в трещины немного снега. Осторожно его собираем. Из него делаем воду для людей, а остаток туго набиваем в питьевые

лотки для наших лошадей. Они глотают снег с истинным наслаждением. Мы его мешаем с ячменем».

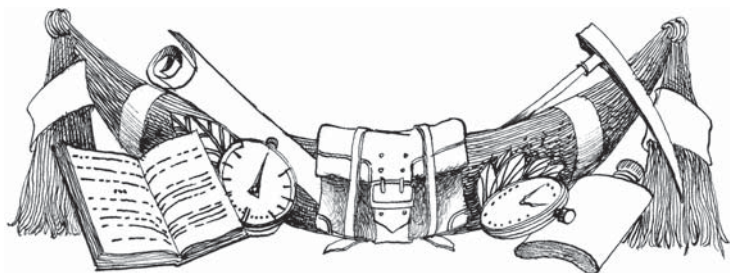
Выйдя победителями из борьбы с суровой природой гор и пустынь, участники экспедиции достигли Красной реки и прибыли в Ханой. Все путешественники, включая проводников и переводчиков, почувствовали, что они стали друг для друга больше, чем попутчики, и прощались перед расставанием со слезами на глазах.

В Париже Бонвало ждали триумфальный прием и еще одна золотая медаль Географического общества. Точное описание природных особенностей Памира и Тибета в книге «Неизвестная Азия» выдвинуло его в первые ряды исследователей Центральной Азии. В парижском Музее истории регулярно экспонировались коллекции, собранные ученым во время его путешествий.

Скончался Бонвало 9 декабря 1933 года в Отейе, под Парижем. Он любил повторять в конце жизни: «Путешествовать, прикоснуться к неизведанному — это самое большое наслаждение».

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЖОЗЕФА МАРТЕНА

Путешественник, исследователь, ученый Жозеф Мартен родился в 1848 году — в год революций, потрясших Европу, в том числе и Францию. Возможно, это потом отразилось на его беспокойной судьбе. Американцы сказали бы про него, что это человек, который сделал самого себя, иными словами, он всего добивался самостоятельно, вопреки обстоятельствам.

А жизнь Жозефа Мартена была не только необычной, но и причудливой. Мирный ученый, геолог, он был участником франко-прусской войны 1870—1871 годов, но мало того — еще и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Он открывал золотые прииски в Сибири — и всю жизнь был бедным, так что с трудом находил средства на новые экспедиции. Уроженец Франции, он умер в Туркестане и был похоронен в Новом Маргелане, как тогда называли Фергану.

В шестнадцать лет, после смерти отца-ремесленника, Жозеф оставляет родной городок Вьен и отправляется в Париж — мечту всех честолюбцев. Но юноша не стремился покорить Париж, он мечтал о дальних странствиях. Это дежурная мечта многих поколений молодых людей, однако лишь единицы из них действительно становятся путешественниками.

Живя случайными заработками, Жозеф Мартен увлеченно занимается естественными науками, в особенности геологией, для чего вольнослушателем посещает лекции в горном институте.

Война на время прервала его планы, но закалила характер и приучила к трудностям. Он храбро воевал, был ранен и вышел из войны сложившимся человеком.

В эти годы определилась судьба нашего героя. Он не просто мечтает, а деятельно готовится к исследованию громадных, еще мало изученных пространств Сибири и Центральной Азии. В этом отразились и горечь поражения в войне, и стремление наилучшим образом употребить свои знания, и, конечно же, романтический ветер странствий, как писал поэт, — охота к перемене мест.

Молодой геолог ходатайствует о выезде и получает от директора горного института рекомендательное письмо к послу Франции в Санкт-Петербурге, а также письма в управления горных компаний. И вот Жозеф Мартен приезжает в Россию, с которой будет связана практически вся его дальнейшая жизнь. Он поселяется в столице, продолжает совершенствоваться

в естественных науках и заводит полезные знакомства в научных и промышленных кругах.

В это время начинается война с Турцией. Сочувствуя русским воинам, Мартен проводит сбор средств для них и отправляется на театр военных действий, где участвует в создании полевых госпиталей Красного Креста. Энергичный, расторопный француз привлекает внимание военных руководителей, его представляют главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Великий князь, в свою очередь, рекомендует Жозефа Мартена генералу Холу, владельцу золотых приисков в Сибири. И после войны золотопромышленник отправляет молодого геолога в бассейн реки Лены на поиски новых месторождений.

В 1879 году Жозефу Мартену исполнился тридцать один год. Начиналась новая жизнь. Наш герой был здоров, бодр и полон сил. Якутия, где птицы якобы замерзают на лету, его не страшила. Более того, он вскоре так свыкся с суровой природой края, что, узнав о гибели яхты «Жаннет», на которой американский полярный исследователь Де-Лонг пытался пробиться к Северному полюсу, он самостоятельно отправился на помощь экспедиции в устье Лены. К сожалению, он обнаружил уже только могилы...

Однако нет худа без добра, и исследователь привозит из этого трудного путешествия богатый урожай географических и геологических сведений. В поисках новых золотоносных залежей Мартен продолжает изучать устье Лены, забираясь на Крайний Север.

Лишь в 1882 году путешественник на время возвращается во Францию. В Париже он устраивает выставку привезенных коллекций — одежду народов Сибири, оружие и орудия труда, образцы фауны и флоры, геологические экспонаты, останки сохранившегося в вечной мерзлоте мамонта. Выставка имеет успех, газеты публикуют статьи о приключениях соотечественника. А Мартен дарит коллекцию музеям Франции и возвращается в Россию.

В последующие годы Жозеф Мартен предпринимает несколько экспедиций по Забайкалью и Дальнему Востоку, посещает Японию. Так, в конце 1882 года он начинает путешествие от Лены до Амура, о котором давно мечтал. По поручению Русского геологического комитета он за девять месяцев совершает экспедицию от верховьев Лены, через Становой хребет, до берегов Амура, пройдя весь путь сложным, никем до того не хоженным, маршрутом.

К сорока годам за плечами путешественника были тридцать пять тысяч километров пройденного пути, большей частью по безлюдью и бездорожью, по тайге и тундре. В результате его исследований были изданы пятнадцать карт Азии. Русское правительство оценило заслуги ученого, наградив его двумя орденами. Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило исследователю золотую медаль. Не забыла своего сына и Франция. Географическое общество также присвоило Жозефу Мартену золотую медаль и избрало его своим почетным пожизненным членом.

Прожив многие годы вдали от родины, Жозеф Мартен тем не менее не стал ни наемником, ни космополитом. Он всегда помнил о своем отечестве. Он говорил: «Я никогда не забывал о том, что я француз, и я испытываю чувство гордости при мысли, что имя француза станет рядом с русскими именами, способствовавшими тому, чтобы все узнали о самой большой области самой обширной империи мира».

Отечество, однако, не всегда было благосклонно к нему. «К сожалению, — писал его племянник Альман Мартен, — Мартен менее счастлив, чем множество его соотечественников, ведь он не получает от французского правительства ни возмещения транспортных расходов, кстати, довольно значительных, ни вознаграждения за многочисленные коллекции, которые он великодушно подарил музею Трокадеро, Музеуму и Лионскому музею». И эта скарденность официальных кругов, можно сказать, всю жизнь преследовала ученого.

Всего полгода провел Жозеф во Франции. Несмотря на перенесенную в странствия изнурительную лихорадку, он продолжает готовиться к новому большому путешествию. По-видимому, этот человек не мог долго оставаться на одном месте.

А экспедиция действительно предполагалась впечатляющая. Жозеф Мартен собирался пересечь практически весь Китай с востока на запад, от Пекина до Кашгара, по пути взойти на Тибет и посетить Лхасу. Путешествие на Тибет — загадочную страну в то время было конечной целью многих исследователей Азии. Так, непосредственным предшественником

нашего героя был русский путешественник и ученый Николай Пржевальский, который во время трех своих экспедиций безуспешно пытался достичь Лхасы. Добиться успеха в том, что не удалось Пржевальскому, было одной из задач путешествия Мартена. Не надеясь на случай, он собирает как можно больше сведений о Тибете, учит китайский язык и местные наречия, читает рассказы путешественников, изучает карты. Его планы получают поддержку и одобрение Русского географического общества.

И вот 7 сентября 1889 года экспедиция Мартена из Пекина направляется на юго-запад, в сторону Ланьчжоу. Караван состоит из руководителя экспедиции, казака, ламы-китайца и нескольких местных жителей. «Ровно в 11 часов я покидаю Русскую миссию, — писал Мартен, — ворота открыты настежь, на улице у входа собралась толпа народа. Все члены экспедиции шли пешком и с трудом пробирались сквозь толпу. После часа ходьбы мы наконец достигли городских ворот». По карте можно без труда определить весь маршрут отважного путешественника. В силу обстоятельств путь был неровным и прерывистым. Болезни и смерти участников экспедиции, гибель выючных животных, нападения разбойников-тангутов, измены проводника и переводчика, враждебное отношение китайских властей, недостаток средств — вот далеко не полный перечень трудностей и препятствий, которые встретились путешественникам, не говоря уже о суровом климате, труднодоступных горах и безводных пустынях.

Сам Жозеф Мартен заболел в самом начале пути, когда экспедиция вошла в Ланьчжоу. Подозревали тиф. Требовалось длительное лечение, но ученый тронулся снова в дорогу, не дожидаясь полного выздоровления.

Экспедиция достигла города Синина и высоких хребтов Нань-Шаня. Здесь в неисследованных горных структурах Жозеф Мартен находит великолепное месторождение золота. Путешественник писал: «25 апреля, Каян: вышли в дорогу, несмотря на сильный снег, но постепенно небо очистилось и яркое солнце ослепило нас своим блеском; тащились то по грязи, то по снегу. Я сделал крюк в несколько километров и каково было мое изумление, когда я обнаружил под ногами жилу золотоносного кварца, я поразился еще более, когда обнаружил золото в разбиваемой мною глыбе. Кварц был полон золота, его было ясно видно». И далее, как бы по контрасту с «горой золота», отмечает: «26 апреля после трудного перехода караван останавливается на постоялом дворе, где не было даже муки, чтобы приготовить суп по-китайски. Я съел несколько крошек хлеба, которые остались на дне сумки: мои люди поели с погонщиками мулов, у которых сохранилось немного черной муки».

Караван делает переходы по десять-двенадцать часов в день по скверным дорогам и 7 мая 1890 года прибывает в Сучжоу. Здесь путешественники не в первый раз сталкиваются с неприязненным отношением китайских властей, которые препятствуют продвижению экспедиции в сторону Тибета. Ученый

в течение полутора месяцев исследует горную цепь Нань-Шаня и возвращается в Сучжоу с богатой коллекцией минералов. По пути каравану пришлось отбиваться от тангутов, которые в сговоре с его собственной охраной пытались захватить отряд.

Жозеф Мартен не скрывает трудностей и опасностей, которые подстерегают его на пути, но и не жалуется, он переносит их с достоинством и терпением бывалого путешественника. «Третья часть моего путешествия, — пишет он в письме Французскому географическому обществу, — включает в себя маршрут по пограничным с северным Тибетом областям, Лобнору, границе Индии, к Кашгару. Ко времени возвращения в этот город исполнится два года моего пребывания в Китае. Переходы делаем пешком, я не боюсь усталости, несмотря на мои 42 года. Области, которые я недавно посетил, чрезвычайно интересны, там я обнаружил большие запасы руды и раздобыл сведения, ценные как в научном, так и в коммерческом плане». Позже он сообщает, что в горах Нань-Шаня открыл богатые залежи нефрита.

Из Сучжоу экспедиция двинулась в сторону озера Лобнор, а от него, вдоль реки Черчен, огибая с юго-запада пустыню Такла-Макан, направилась в Хотан. 30 июня 1891 года караван вошел в город. Вокруг него плодородная и хорошо орошаемая земля, частые селения. Но о самом городе Мартен невысокого мнения. «Город произвел на меня впечатление очень неухоженного. Улицы, точнее улочки, чрезмерно узки, воздух отравлен, повсюду навалены нечистоты, и в некоторых местах невозможно находиться.

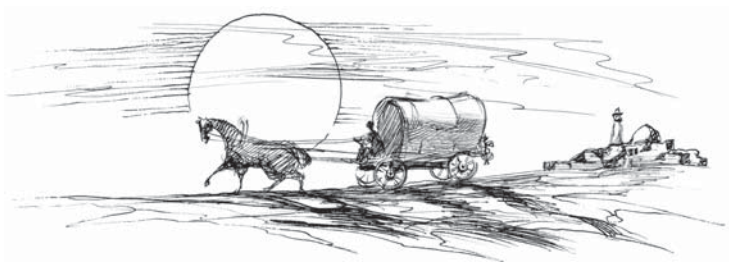
Необходимо упомянуть стены старого китайского города, которые теперь служат государственными складами; базар очень большой и неподалеку от него огромное здание, построенное отчасти для школы, отчасти для мечети. Я был очень заинтересован посещением караван-сарая, а также производством шелка и шерстяных ковров».

Жозеф Мартен не занимался специально поисками Великого шелкового пути. Но по мере того, как он продвигался из Китая через Кашгарию в Центральную Азию, он неизменно выходил на одну из караванных дорог этого древнего пути. Так случилось, что ученый это заметил уже в Хотане, заинтересовавшись изготовлением шелка местного производства.

Усталый, больной и истощивший свои скудные денежные ресурсы, путешественник теперь стремится быстрее достичь русского Туркестана. Для этого он, преодолев последнюю преграду – горы Тянь-Шаня, выходит к городу Ошу. В новом городе, построенном в трех километрах от старого, имелись караван-сарай и почта. Мартен рассказывает: «Я занимаю комнату гостей. Моих лошадей отводят в конюшню. Наконец-то я здесь, после стольких трудностей и лишений. Я нахожусь на пути, который вскоре приведет меня в Европу и к цивилизованной жизни».

Из Оша Жозеф Мартен перебирается в Фергану — последнее пристанище на своем жизненном пути. Он подводит предварительные итоги своего последнего путешествия. За двадцать пять месяцев исследователь прошел от Пекина до Ферганы значительную часть азиатского континента, путь, соединяющий столицу

Китая с Центральной Азией. Этот путь, пройденный в значительной мере пешком, в трудных условиях, по малонаселенным и неизученным местам, с гористым рельефом и неблагоприятным климатом, включает в себя только от Пекина до Хотана триста двадцать пять переходов, каждый из которых доходил до пятидесяти километров.

И прав был племянник ученого Альман Мартен, когда писал: «Если отбросить остановки, сделанные из-за болезни, то можно констатировать, что этот громадный маршрут был проделан в чрезвычайно короткие сроки, совершенно очевидно, что он побил рекорд средней скорости продвижения исследователей».

Можно только представить те усилия, которые предпринял уже больной Жозеф Мартен, чтобы не сбиться и не остановиться в конце пути. Фергана притягивала его как гавань надежды, как оазис в конце пустыни, как возвращение к цивилизации, определенной степени безопасности и комфорта. И он не ошибся в своих ожиданиях. В Фергане его встретили

друзья, его радушно приняло местное общество. Ему оказал внимание вице-губернатор Ферганской области генерал Медынский. За ним заботливо ухаживала и деятельно помогала секретарь генерала Эмилия Колен, единственная француженка на весь город.

Мартен диктует ей отчет о своем путешествии. Эмилия Колен ежедневно часами ведет записи, а по вечерам составляет текст. С помощью ординарца, выделенного в его распоряжение, исследователь приводит в порядок свои коллекции, которые в нескольких ящиках высылают в Санкт-Петербург для дальнейшего следования в Лион и Париж.

После нескольких дождливых недель наступила чудесная азиатская весна: «Яблоневые, персиковые, абрикосовые деревья насыщали воздух своим душистым сладким ароматом, — вспоминала госпожа Колен, — их цветы образовывали волшебный свод над нашими головами».

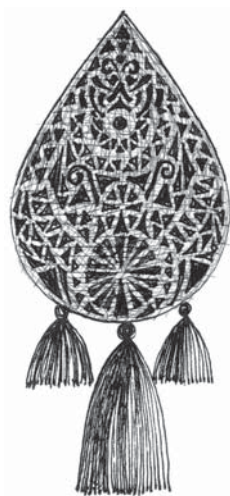
Ученый уже строит планы отъезда, он надеется добраться до Лиона в июле, а оттуда перебраться в Виши для лечения. Эмилия Колен решила сопровождать Мартена до Самарканда, где он хотел сесть на поезд, следующий Закаспийской железной дорогой до Красноводска и далее через море в Европейскую часть России. Расстояние между Ферганой и Самаркандом можно было преодолеть на тарантасе за неделю. Отъезд был назначен на конец апреля.

Однако начавшееся выздоровление было прервано двумя приступами инсульта и параличом. 23 мая 1892 года Жозеф Мартен скончался. Провожать ученого в последний путь 24 мая собрался весь город. «С самого

утра наш город пришел в движение, — рассказывала Эмилия Колен, — каждый хотел принять участие в этой церемонии. Цветы и венки привозились целыми тележками. Огромная толпа загромодила дорогу, по которой проходила траурная процессия».

Вскоре на могиле был установлен памятник — каменный крест в виде ветви дерева, обвитой плющом, с эпитафией на французском языке: «Здесь покоится Жозеф Мартен, исследователь Центральной Азии, умерший 23 мая 1892 года».

«Я сделал все, что мог, в деле служения науке», — говорил о себе Жозеф Мартен. Он сделал многое и отдал науке не только себя, но и свою жизнь.

ОТКРЫТИЯ СВЕНА ХЕДИНА НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

«**В**се степь да степь! Вдали видны горы; дорога идет вдоль замерзшего, запорошенного снегом Урала. Кое-где виднеются киргизские юрты, но вообще кругом пустынно, расстояния между станциями огромные; однообразная тряска по твердой замерзшей дороге и монотонное позвякивание бубенчиков нагоняет дремоту». Так вспоминал начало своего путешествия в Центральную Азию известный шведский исследователь, писатель и географ Свен Хедин. А момент был знаменательный: путешественник только что пересек за рекой Урал условную границу между Европой и Азией.

В 1865 году в Стокгольме в семье архитектора Людвиг Хедина родился мальчик, которому дали имя Свен. С раннего детства он зачитывался приключенческими романами и описаниями путешествий. Это, по собственному его признанию, зажгло в нем страсть к изучению Азии. Еще юношей он решил посвятить свою жизнь путешествиям.

Студентом Стокгольмского университета, Свен Хедин совершил свою первую поездку на Восток — через Каспийское море в Персию, во время которой выучил татарский и персидский языки.

После возвращения в Европу Хедин начал изучать географию и геологию в берлинском университете Уппсала. Затем он недолго, совершенствуясь в знании языков, работал переводчиком в шведско-норвежском

посольстве при дворе персидского шаха. В 1890—1891 годах последовало новое путешествие по Азии. Проехав через Ашхабад, Мерв, Бухару, Самарканд, Ташкент, Свен Хедин достиг берегов озера Иссык-Куль, где посетил могилу знаменитого путешественника Н. Пржевальского.

Таким образом Свен Хедин подготовил себя для будущих экспедиций. В 27 лет он защитил докторскую диссертацию и завоевал известность как один из самых авторитетных востоковедов. «Азия стала моей золотой невестой», — писал он.

В октябре 1893 года Свен Хедин начал новое путешествие на Восток, которое продлилось три с половиной года. «Вся Азия была открыта передо мной. Я чувствовал, что был призван сделать много открытий — они ждут меня в самом сердце пустынь, на вершине гор, — писал он в своей книге. — Во время моего трехлетнего путешествия единственным принципом, которому я следовал — было исследование только тех регионов, которые никто из европейцев не посещал».

Перед началом путешествия Свен Хедин составил экспедиционный план, прокладывая свой маршрут по старинным караванным тропам Великого шелкового пути: «Что до снаряжения, то оно будет выполнено в Туркестане, а из Стокгольма следует взять главным образом лишь приборы и оружие. Я решил на тарантасе отправиться по хорошо уже известным мне дорогам через Туркестан в Ташкент, Коканд, Маргелан и Ош, через проход Терек-даван в Кашгар... Начнется экспедиция собственно от Оша, где прекращаются почтовые пути сообщения и начинаются

караванные пути, по которым мне предстоит пройти почти 800 шведских миль до берегов Желтого моря».

Вскоре после выезда из Оренбурга в степи путешественники встретили караван в сто верблюдов, навьюченных хлопком и представлявший весьма живописное зрелище среди этого пустынного ландшафта.

Обогнув Аральское море, путники выехали к берегам величавой Сырдарьи. Здесь в чащах по берегам реки водились туркестанские тигры, которые охотились на кабанов. В небе кружили орлы-рыболовы. Резвились стайки изумрудных шурков. Проносились осторожные газели. На каждом шагу с шумом взлетали фазаны, блестящие на солнце радужными металлическими отливами. Свен Хедин писал: «Включение на остаток пути в мое меню нежного белого мяса фазанов было самой приятной переменой, тем более, что моя провизия вообще подходила к концу».

От Кызыл-Орды путешественник ехал в тарантасе, заложенном тремя верблюдами. «В пустыне колючие растения с трудом выдерживают борьбу с суровой природой. В самых сухих песчаных местах растет саксаул, принимающий самые причудливые формы, в которых вместо листьев пучки тонких желто-зеленых сочных веток. Его твердые, как кость, корни необычайной длины представляют наилучшее топливо. По земле несутся клубки перекасти-поля, суслики выглядывают из нор, прыгают, как гуттаперчевые, тушканчики. Волки, лисицы, антилопы, зайцы рыщут по бесконечному пространству. Часов около пяти ослепительное солнце исчезает, пурпурная краска сменяется фиолетовой и светло-голубой, которая

через несколько моментов переходит в ночные тени. Холодный воздух чист и ясен, звезды блестят, словно электрические лампочки».

«Наконец, показались сады Туркестана с высокими тополями, вот и гордый курган времен Темура». Путники сделали здесь остановку на несколько часов, чтобы осмотреть грандиозную мечеть-мавзолей, воздвигнутую в 1397 году Амиром Темуром в честь святого Ходжа Ахмада Яссави. В путевом дневнике Свен Хедин делает запись: «Портал мечети-мавзолея чрезвычайно высок и украшен двумя живописными башнями, а самая мечеть увенчана множеством куполов. Облицовка фасада из фарфоровых изразцов разрушилась, но боковые и задние стены прямоугольного здания уцелели и пестреют, как и в Самарканде, голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояр-ханом квадратной стеной из глины».

Была пятница, и Свен Хедин посетил мечеть во время молитвы. Верующие «в цветных кафтанах и белых тюрбанах торжественно вступали под гигантские своды мечети, оставив обувь у входа. Белые стены мечети были украшены изречениями из Корана». Свен Хедин поднялся на одну из верхних галерей и оттуда наблюдал за молитвой. «Это была красивая картина, напоминавшая ночь Рамазана в Стамбуле», — отмечает он.

25 января 1894 года Свен Хедин прибыл в Ташкент, где остановился, чтобы завершить подготовку к путешествию на Памир. Путешественник, уже бывавший в Ташкенте, отмечал, что город построен в глубокой долине нижнего течения реки Чирчик. Вокруг города расположены дачи и загородные дома с садами,

которые образовывали предместья. В садах росли персики, миндаль, абрикосы, виноград и грецкие орехи. Между садами и дачами тянулись поля с хлебом и люцерной, но более с хлопком и кунжутом, много риса, шелковицы, смоковницы. Орошалась ташкентская долина и сам город каналами, отведенными из Чирчика у укрепления Ниязбек.

Город разделялся на две части каналом Анхор. На правом берегу располагался так называемый «старый город», весь в зелени садов, между которыми скрывались постройки с плоскими крышами. Над ними возвышался ярко-голубой купол мавзолея Суюнид-хана и медресе Барак-хана, пышного мемориального сооружения, построенного в начале XVI века и поражающего своими масштабами и роскошью декоративного убранства. Достопримечательностью Шейхантаура был мавзолей Юнус-хана, отличающийся аскетизмом и суровой красотой. Недалеко от перекрестка старинных дорог Чорсу на холме был виден высокий пештак медресе Кукельдаш, украшенный орнаментом из цветных изразцов и минаретами по углам главного входа. К северу от него располагалась мечеть Джамии и медресе Ходжа Ахрара. Сверкал куполом мавзолей святого шейха Абу Бакра Каффалы Шаши, умершего еще в 976 году и очень почитаемого верующими. В Бешагачской части города в окружении садов располагалось медресе Абул-Косим.

Старая часть города была издавна населена ремесленниками — кузнецами, ювелирами, гончарами, ткачами, ковроделами. Старгородские кварталы-махалли так и назывались: махалля Такачи — кузнецы,

махалля Дергез — литейщики, Эгарчи — седельщики, Укчи — отливатели пуль и т.д. Жилые дома были, как правило, одноэтажные, без окон на улицу, все двери из комнат выходили во двор. Перед дверями общий навес на столбах. Двери с резьбой, окна с частой деревянной решеткой без стекол. На зиму окна заклеивались масляной бумагой, кроме одного для выхода дыма. Огонь в домах разводили в камине, который представлял собой четырехугольную трубу с широким отверстием внизу. В стенах было много ниш, вместо шкафов.

В новой части Ташкента, отделенной от «старого города» крепостью, стоявшей на левом берегу Анхора, селились в основном русские чиновники, офицеры, промышленники и купцы, местная интеллигенция. Среди одноэтажных «европейских» построек выделялись монументальные кирпичные здания банков, крупных магазинов, мужской и женской гимназий, и особая достопримечательность города — окруженный парком дворец «ссыльного» великого князя Николая Константиновича.

Из Ташкента, запасшись провиантом и сменив верблюдов на пятерик лошадей, экспедиция направилась в Коканд. Там Свен Хедин задержался на несколько дней, осматривая замечательные архитектурные памятники этого старинного города, бывшего центра Кокандского ханства — дворец последнего правителя Худояр-хана, многочисленные мечети и медресе, в том числе крупнейшее и красивейшее из них — медресе Джами. «Его громадный четырехугольный двор, осененный тузовыми деревьями,

тополями и ивами, с минаретом, красивой покрытой пестрой живописью галереей, разрисованной крышею и резными деревянными колоннами... вмещал 86 покоев (худжр) и 200 учеников», — отметил в своих записях Свен Хедин.

Далее путь экспедиции лежал по Ферганской долине.

В Маргелане Свен Хедин нанял проводника узбека Ислам-бая, родом из Оша. Одетый в синий халат, Ислам-бай, седоватый, но крепкий, выглядел превосходно. Кроме Ислам-бая, путешественника также сопровождали погонщики верблюдов и рабочие Мухаммад-шах, Йулдаш, Косим и Йулчи.

«В Маргелане я оставил часть ненужных вещей, в том числе оренбургский тарантас и чемоданы. Вместо них купил «ягданы» — деревянные сундуки, обитые кожей, которые можно было приторочить к спине лошади или верблюда».

Из Маргелана караван пошел в Учкурган, откуда экспедицию провожали в дальний путь учкурганские «аксакалы» в парадных синих халатах и белых тюрбанах, с поясами из кованого серебра, с кривыми саблями в ножнах, окованных серебром, с большой конной свитой.

Свен Хедин писал, как многим он был обязан Ислам-баю, который «был верным спутником во всякую погоду и во всех опасностях... Он оставил свой дом и семью и спокойно последовал за мною делить неизвестную судьбу». Ислам-бай отлично ориентировался на местности, не раз выручал Свена Хедина и его спутников, находя в пустыне колодцы и

подземную воду то по наличию птичьих гнезд, то по появлению жужжащих около верблюдов оводов, то по разным растениям и другим приметам. «Мы вместе бродили по сыпучим пескам Гоби, чуть не умерли от жажды. И когда другие не выдержали, он спас мои заметки и карты. Он всегда был первым, когда надо было переходить через высокие покрытые снегом горы, верной рукой вел мой караван вброд через пенящиеся реки, оставался на посту, когда кочевники хотели напасть на нас. Без него мое путешествие не закончилось бы так счастливо. Теперь он с честью носит пожалованную ему королем Оскаром золотую медаль».

Во многих путешествиях, которые совершил Свен Хедин за свою долгую жизнь, очень редко случалось, когда все члены его экспедиций возвращались живыми. Во время караванных походов его спутники гибли в горах, безводных пустынях, от набегов воинственных кочевников.

18 марта исследователь достиг Памирского поста в Мургабе. В течение всего этого путешествия он вел географические наблюдения, собирал геологические и ботанические коллекции, делал антропологические замеры и осуществлял маршрутные гидрологические обследования. Далее путь Свена Хедина лежал через Кашгар к Лобнору, в Северный Тибет, конечным местом его следования стал Пекин. Богатые результаты этого путешествия были описаны в двух томах, изданных в Лондоне в 1898 году под названием «Через Азию», которые представляют, по словам Ю. Н. Рериха, «шедевр научной географии».

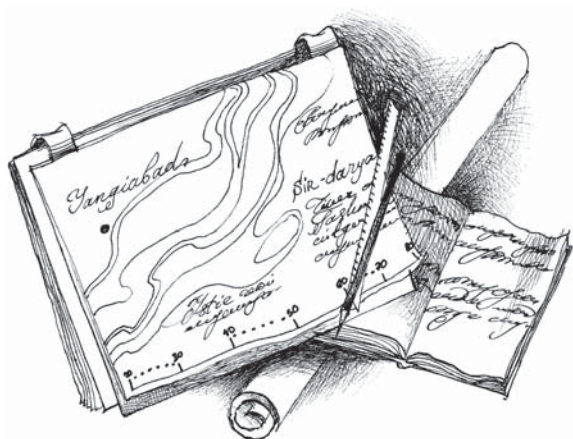
В своих научных дневниках С. Хедин по окончании этой экспедиции записывает: «Теперь стало понятно, почему в былые времена караваны с шелком из Китая в западные страны направлялись так близко от южной части Лобнора, хотя здесь приходилось переходить через страшную песчаную пустыню».

Еще раз С. Хедин посетил Среднюю Азию во время своего следующего путешествия в 1899 году, когда его путь в Тибет и Индию пролегал через Ош и Кашгар, и на обратном пути, в мае 1902 года он ненадолго останавливался в Андижане.

Сын знаменитого художника Николая Рериха, ученый-востоковед Юрий Рерих писал о Свене Хедине вскоре после смерти путешественника в 1952 году: «Много лет Свен Хедин задумывал тщательное исследование Средней Азии группой ученых разных отраслей науки. Такой новый тип экспедиции, отвечающий требованиям современного ему исследования и растущего спроса на специализацию, был в то время необходим. Этот новый тип экспедиции имел тенденцию к набору специалистов, каждый из которых отвечал бы за свою область исследований; более того, он предполагал развиваться в передвижную исследовательскую станцию, чьи работники проводят значительное время в одном регионе и организуют исследовательские базы в различных местах данного региона. Новый тип экспедиции способствует накоплению точных данных по стране и дает ученым уникальную возможность проверить и подтвердить свои результаты».

Свен Хедин совершил шесть экспедиций в Центральную Азию. Он составил карты примечательных мест на Памире, в пустыне Такла-Макан, в горах Тибета и Гималаях, исследовал флору пустынь и гидрографию бассейна озера Лобнор.

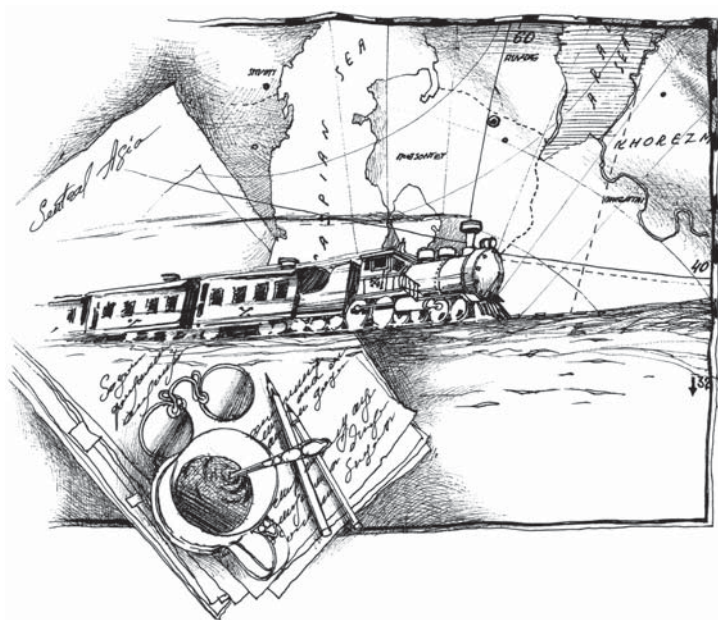
Книги Свена Хедина переводились и переиздавались на многих языках мира. Они были снабжены фотографиями, выполненными самим исследователем и представляющими исключительный научный и исторический интерес. Ученый в своих путешествиях ставил задачей «открытие новых хребтов, озер и рек, розыски следов древней культуры, могущих пролить свет на переселение народов, установление ныне брошенных караванных путей — задачи, неудержимо влекущие путешественников в эти отдаленные области».

**РАФАЭЛЬ ПАМПЕЛЛИ.
В ПОИСКАХ
ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

В науке есть проблемы, которые, по-видимому, не поддаются окончательному решению. Были ли на нашей земле инопланетяне? Где находится Атлантида? Откуда пошли арийцы? Последняя тема с середины девятнадцатого века, когда была опубликована первая концепция арийской расы, живо обсуждалась научной общественностью, вызвала археологические, антропологические и лингвистические споры. Одни ученые относили родину арийской расы в Северную Европу, другие — в Северную Азию, а третьи — в Центральную Азию. Но надо отметить, что полемика вокруг арийской проблемы носила в те годы преимущественно научный характер и не имела еще того негативного смысла, который она приобрела впоследствии стараниями расистов всех мастей.

Среди тех, кто увлекся этой проблемой, был и Рафаэль Пампелли, американец с итальянской фамилией. Он прожил долгую и богатую событиями жизнь. Родился Рафаэль Пампелли в городке Овего (штат Нью-Йорк) в 1837 году в семье банкира. После окончания академии на родине продолжал свое образование в Европе — изучал геологию и горное дело во Франции и Германии. Затем начались годы практической деятельности. Пампелли участвовал в геологоразведочных работах на Корсике, работал горным инженером на серебряных шахтах в штате Аризона,

проводил научные исследования в Японии по приглашению ее правительства.

По пути из Японии домой Р. Пампелли решил пересечь Китай, Монголию и русскую Сибирь. Организованная им экспедиция впервые исследовала геологическое строение центральных и северных районов страны, открыла угольные месторождения в Северном Китае, пересекла пустыню Гоби, повторив по сути маршрут истоков Великого шелкового пути с Востока на Запад. В пустынных полудиких краях, по которым проходила экспедиция, каждая геологическая проба представляла собой ценность. А зимнее путешествие по монгольским плато стало

для ее участников суровым испытанием, настоящим экзаменом на выживание.

Сам Рафаэль Пампелли рассказывал: «В течение первых двух или трех дней мы все время были заняты поисками наилучших средств от замерзания до смерти, судьбы, против которой, как я видел, мы не приняли достаточных мер предосторожности. После того, как мы сидели в повозках несколько часов, разница между температурами внутри и снаружи была не более трех или четырех градусов. Хотя повозки были отличной защитой от ветра, шерстяные одеяла и меха становились такими холодными, что больно было дотрагиваться до них голой рукой. До четвертого дня нашего караванного путешествия нам удавалось призывать свое мужество, чтобы противостоять свирепому ветру и лютому морозу».

Пампелли вернулся в Соединенные Штаты после окончания гражданской войны Севера и Юга. Из года в год рос послужной список ученого: он был профессором Гарвардского университета, открыл залежи железной руды в штате Мичиган, занимал должность Государственного геолога, был директором Геологического научного общества штата Миссури, руководил Геологической службой Соединенных Штатов, был членом Национальной Академии наук. Рафаэль Пампелли считался одним из ведущих геологов своей страны.

Одновременно он продолжал обрабатывать собранные во время путешествия через Китай и Монголию научные материалы для публикации. К сбору сведений из литературных и научных источников им

были привлечены трое китайских ученых. Один из старинных фолиантов, принадлежавших перу Конфуция, содержал карты, на которых были изображены реки Китайской империи и древние изменения в направлении их течения. На карте Таримского бассейна, предположительно на севере Кашгара, одна из заметок гласила: «Здесь проживают усуну, народ с рыжими волосами и голубыми глазами». В другой заметке сообщалось о захоронении более сотни городов под песком во время правления одной из династий китайских императоров в начале нашей эры.

Эти находки настолько заинтересовали Рафаэля Пампелли, что уже зрелым, сложившимся геологом, ученым и специалистом, он начал изучать археологию и этнографию, в частности, для решения арийской проблемы, будоражившей в середине XIX века умы европейских и американских ученых. Основываясь на комментариях к книге Конфуция, Р. Пампелли сделал вывод, что прародина арийцев может находиться в Центральной Азии.

«Я достаточно много прочитал об арийской проблеме того времени, — писал ученый, — и знал, что большая часть европейских языков были родственными санскриту и авестийскому языку и что их колыбель качалась в горах Памира или возле них. Таким образом, цвет волос и глаз усуну, казалось, означал принадлежность к арийскому народу — факт, который был, вероятно, уже известен. Но что поразило меня — это относительно быстрое погребение под песком большого количества городов, которые предположительно имели значительную историю существования...

В то же время я был поражен многочисленными озерами и озерцами, которые усеивали равнину между Аральским морем и Сибирью».

Р. Пампелли предположил, что в доисторические времена в результате Ледникового периода обширные равнины Центральной Азии были покрыты льдом. Затем благодаря таянию ледников образовалось большое бессточное внутреннее море, создавшее условия для заселения на его берегах и возникновения древнейших цивилизаций. Позднее прогрессирующее высыхание этого моря и наступление песков превратили некогда благодатный край в пустыню. «Я смутно ассоциировал это и погребенные города с арийской проблемой, — отмечал Р. Пампелли. — Большое внутреннее море, возможно, думал я, создало благоприятный климат для обширного населения».

Однако эти взгляды требовали проверки, подтверждения, в частности, путем поиска береговых линий, которые образует всякое настоящее море, а также следов ранней арийской цивилизации. С присущим ему энтузиазмом, ученый начал поиски средств для организации экспедиции в Центральную Азию. Лишь в 1903 году институт Карнеги предоставил Р. Пампелли грант с условием, что он сам будет руководить поисками прародины арийцев.

Экспедиция состояла из Рафаэля Пампелли, его сына — Рафаэля Велеса Пампелли, профессора М. Дейвиса и ассистента Э. Хангтингтона. Путешествие началось в Баку. Город, известный в древности своими священными огнями, сейчас был знаменит лесом вышек, качающих нефть.

Переправлялись через Каспий ночью. «Я находился на палубе перед рассветом, — с чувством вспоминал ученый. — Вскоре над Азией зависли меняющиеся краски рассвета, и сквозь этот таинственный покров я мельком увидел врата в древний мир. Там находилась цель героев. По ту сторону была колыбель народов, богов и мифов».

Экспедиция пользовалась покровительством российских властей. Генерал-губернатор края Иванов обязал всех должностных лиц помогать путешественникам. Министр путей сообщения князь Хилков распорядился выделить членам экспедиции персональный вагон.

Начиная с Красноводска, откуда выходила Закаспийская железная дорога, путешественники двигались в основном по рельсам, распорядившись вагоном по своему усмотрению. А для поездок, которые отклонялись от железнодорожного маршрута, использовали лошадей из военных пунктов, находящихся вдоль пути.

Триста километров пути до Ашхабада исследователи двигались по пустынным равнинам и вдоль низких голых возвышенностей. Верхом на хороших лошадях они совершали поездки, интересные с геологической точки зрения. По пути им встречались береговые линии на десятки метров выше уровня Каспия. По мере движения на восток на равнине начали появляться невысокие насыпи — курганы, могильники кочевых правителей и знати.

Участники экспедиции тогда впервые посетили руины городища Анау, находящегося в нескольких километрах на восток от Ашхабада. Около него

располагались два больших кургана, причем один из них двадцать лет назад был разрыт почти до основания русским генералом, который надеялся найти в нем сокровища. Курган состоял из нескольких культурных слоев с большим количеством фрагментов керамики ручной работы.

По пути исследователи сделали остановку в Байрам-Али, возле которого расположились руины старого Мерва, древнего города, разрушенного монголами. Здесь они осмотрели архитектурный памятник — мавзолей султана Санджара, величественное здание из жженого кирпича, с центральным куполом и богатым декоративным убранством.

В Ташкенте экспедиция разделилась. Члены экспедиции М. Дейвис и Э. Хангтингтон отправились в Кашгар и на озеро Иссык-Куль, а Р. Пампелли с сыном — через города Маргилан, Андижан и Ош на Памир. Путешественники с сожалением простились с гостеприимной долиной Сырдарьи, когда-то так густо населенной, что, говорят, кошка могла пройти сотню километров, переходя с крыши на крышу.

Железная дорога закончилась у города Андижана — бывшей столицы Ферганской долины в средневековье. Город очень сильно пострадал от землетрясения 1902 года, всего за несколько месяцев до прибытия экспедиции. Здесь путешественники оставили вагон и продолжили путь на лошадях.

«Наш маршрут привел нас в селение Гульча и в долину Талдыкдарьи к перевалу, — писал Рафаэль Пампелли. — Был конец июня, и киргизы переселялись к богатым пастбищам высокогорной долины Алай.

Долина открыта с июля по сентябрь, а после этого покрыта глубоким снегом.

Киргизы приходили из многих краев Ферганской долины. И различные родовые общины, казалось, соревновались в проявлении своего достатка. Мужчины ехали верхом впереди, ведя свои стада скота, лошадей и овец. Их семьи следовали за ними. Женщины были одеты в яркий бухарский шелк, головные накладки и жакеты, сверкающие монетами. Их лбы были спрятаны под подвесками из чеканного серебра.

Все верблюды, связанные в одну колонну веревками, следовали за женщинами, которые верхом на лошадях двигались впереди, держа направляющую веревку. Дочери свободно ехали верхом на прекрасных мулах. Это была величественная процессия пышно одетых женщин, грациозно скачущих лошадей, запряженных в шелковые поводья и богато вытканые попоны. Драгоценные ковры покрывали длинную вереницу торжественно шагающих верблюдов. И все начиная от одежды, попон, прекрасных ковров из яркой шерсти до каркаса куполообразных кибиток, которые везли верблюды, и покрывающего их войлока, было сделано руками этих женщин».

Перевал Талдык привел путешественников в красивую Алайскую долину на высоте более трех километров над уровнем моря. Это был самый глубокий участок между великими горными цепями Азии. А на другой его стороне за покрытыми травой склонами возвышались отвесные горы Трансалая.

Здесь киргизский старейшина пригласил путешественников на праздник, во время которого состоялась

волнующая конная игра байга. Около полусотни всадников боролись за приз, вручить который должен был гость — Р. Пампелли. У его ног лежала туша недавно убитой козы. Тот из джигитов, кто бросит шкуру животного возле гостя, будет признан победителем. «Не успел я подумать об опасности, — вспоминал ученый, — как пятьдесят буйных голов проскакали мимо меня и помчались по равнине. Один из всадников успел схватить козу. Теперь в сумасшедшей схватке надо было удержать тушу и снять с нее шкуру. Со всех сторон вокруг удальца толкались всадники, стараясь вырвать у него наполовину освежеванную тушу. Все они размахивали своими камчами и пускали кровь из борющихся лошадей и джигитов.

Дважды в этой неистовой толпе падали лошади и всадники, дважды они все разворачивались по кругу, пока наконец шкура не была снята и победитель не бросил ее к моим ногам. Лица и руки всех участников байги были запачканы кровью, у всех были раны от ножей для снятия шкур. Но все это было частью игры и ее участники по-видимому были довольны. А победитель получил заслуженный приз — шелковый жакет».

На следующее утро исследователи составили караван из яков — выносливых длинношерстных быков Тибета, чтобы перевезти экспедиционный груз на Памир. В этот день переход через перевалы и горные речки привел их на «Крышу мира» и завершился у озера Каракуль.

Весь этот район является бесплодной пустыней. Вся влага, принесенная извне, превращается в лед на окружающих плато вершинах. Под влиянием колебаний

температуры горы разрушаются. «Нигде нет более безжизненной земли, — рассказывал Рафаэль Веллес Пампелли. — Это пустыня неожиданных форм, разрушенных временем гор и обветренных скал, валунов с необычными полостями, отполированных песком камней, соленых степей и дрейфующих дюн, с лежащими тут и там останкам старых скелетов с растрескавшимися под воздействием солнца рогами».

«Это было изумительное ощущение — стоять в середине абсолютного уединения и глядеть вдаль на гигантов земли — покрытые льдом гребни и вершины, которые со всех сторон охраняют подходы к «Крыше мира», — в свою очередь делился впечатлениями Пампелли-старший. — Ночью здесь была поистине вечная тишина, среди мертвой природы и разрушающихся гигантов, и под светящимися небесами — всех частей гармоничного целого — человек стоял, как мельчайшая частица, потерянная в благоговеющей беспредельности времени и пространства.

Что касается арийской проблемы, то эта пустыня является скорее могилой, чем колыбелью; но высокогорные долины на краю Памира населены народами, говорящими на арийских языках. Кажется, они являются остатками различных племен, которые отступая перед несметными ордами, нашли свое убежище в этих горных крепостях».

Поездка на Памир дала важные геологические сведения. В частности было установлено, что существовало по меньшей мере три продолжительные стадии Ледникового периода с межледниковыми интервалами. Они оставили свои величественные следы в больших

ледниковых впадинах, находящихся на дне более крупных и старых впадин, в более поздних и относительно более свежих моренах.

Возвращаясь с Памира через Ферганскую долину, ученый заинтересовался руинами древнего города Аксикента близ Коканда и провел здесь археологические исследования. До XIII века город был столицей Ферганы и, наравне с Самаркандом и Бухарой, крупным торговым центром на Великом шелковом пути.

После кратковременного отдыха в Самарканде путешественники добрались до Бухары. Эмир — правитель города был в отъезде, но благодаря стараниям барона Черкезова — представителя российского императора в Бухаре, ученого приняли с гражданскими и военными почестями. В качестве гидов Пампелли сопровождали два чиновника из свиты эмира, обладавшие изящными манерами и одетые в роскошные шелковые халаты с широкими поясами из серебра, инкрустированного бирюзой.

В течение нескольких дней они вместе совершили поездку к развалинам старинного города Пайкента, который в первых веках до нашей эры был одним из важных пунктов на Великом шелковом пути. Конец благосостоянию города положили барханные пески, засыпавшие караванные дороги, ведущие на восток в Китай и на запад в Европу. После понижения уровня воды в реке Зеравшан город был обречен на гибель.

Сведения, собранные во время этого путешествия доказывали, что в Центральной Азии существуют места, которые можно исследовать в поисках древних цивилизаций.

Основной задачей следующей экспедиции стали раскопки большого холма в Анау возле Ашхабада, открытого учеными в предыдущем путешествии. На этот раз в состав исследователей был включен археолог Г. Шмидт, специалист по доисторической керамике. Раскопки велись под наблюдением профессора Петербургского университета известного востоковеда В. Бартольда и с разрешения Министерства императорского двора с условием, что все найденные археологические ценности должны оставаться в пределах Российской империи.

В середине марта 1904 года путешественники оставили свой вагон на запасном пути в пределах видимости холма и расположились лагерем. Он состоял из туркменских юрт — куполообразных жилищ, сделанных из войлока, натянутого на разборный каркас из легких палок.

Члены экспедиции работали в Анау с неослабевающим интересом. Во время раскопок исследователи находили как крупные предметы, такие, как очаги, сосуды, захоронения, так и более мелкие — обломки глиняной посуды, фрагменты костей животных. Было просеяно огромное количество земли, чтобы сохранить даже самые незначительные предметы — бусы, терракотовые статуэтки, кремневые орудия и бронзовые изделия, украшения из меди и лазурита. В общем, это были простые предметы, ценность которых заключалась в том, что они представляли отдаленное прошлое в нетронутых слоях, далеко отстоящих от участков классической цивилизации. Ученые нашли остатки древних жилищ и вскрыли несколько

захоронений. Было установлено, что люди, жившие здесь, были огнепоклонниками.

Самые древние слои северного кургана Анау относились к VI–V тысячелетиям до нашей эры. Очень важные открытия были сделаны при исследовании археологических слоев Анау IV–III тысячелетий до нашей эры: в глиняных черепках содержались остатки хлебных злаков — белой пшеницы «ак бугдай» и двухрядного ячменя. Это позволило заключить, что Центральная Азия была одним из первых регионов на земле, где человек стал использовать окультуренные сорта зерновых.

Обнаруженные кости домашних животных — лошадей, овец, длиннорогих быков, верблюдов-бактрианов свидетельствовали о человеческом триумфе над природой. Р. Пампелли писал: «Переход человека от уровня варварства до цивилизации показывает нам начальную точку одомашнивания животных и начала контроля человеком лошади, который позволил ему эволюционировать мир». Название «культура Анау», которое Рафаэль Пампелли дал своему открытию, навсегда вошло в научную терминологию.

Неоценимую помощь в работе ученого оказывала его жена, участвовавшая в экспедиции. Эта «very brave woman», как Элизу Пампелли характеризовали современники, верхом на лошади оказывалась в нужную минуту в нужном месте. Сын, Рафаэль Велес Пампелли, неизменный спутник отца в путешествиях в Центральную Азию, оказался хорошим топографом и чертежником, прекрасно владевшим астролябией. Он подготавливал чертежи с места раскопок, составлял

разрезы и схемы культурных слоев, графики глубины шурфов.

Однако так удачно начатая работа была внезапно прервана стихийным бедствием — нашествием саранчи. Р. Пампелли пишет о ней с ужасом и отвращением. Ничего подобного он раньше не видел — саранчуки заползали даже за воротник. Когда в раскопы их стало набиваться больше, чем можно было удалить, работу пришлось прекратить. В противном случае люди вынуждены были бы ходить по колено в шевелящейся массе насекомых.

В конце мая, на обратном пути, экспедиция достигла города Байрам-Али, в окрестностях которого находятся руины древнего Мерва. Утверждения в восточной литературе, что Мерв является «Матерью городов», побуждала вести здесь раскопки. Путешественники выбрали развалины Гяур-Калы, глинобитной крепости, разрушенной, вероятно, еще до нашествия арабов. Сама крепость состояла из большей и меньшей частей, разделенных высокой стеной. В свою очередь, обе части были окружены стенами, попорченными временем. Внутри меньшей части возвышалась массивная башня, с высоты которой были видны холмы, оставшиеся от древних поселений.

Однако как только участники экспедиции начали раскопки, среди них, а также местных рабочих, началась кишечная болезнь, которая убила одного туркмена и положила конец усилиям ученых. Впрочем, исследователи успели уточнить, что возникновение города относится к первым векам нашей эры.

«Оазис Мерва, — писал Рафаэль Пампелли, — находится далеко в пустыне. Покинув его, мы вступили в район песчаных дюн, вдоль железной дороги были установлены конструкции из щитов, чтобы оттаивать летящий песок. Утром мы добрались до моста через широкую реку Амударью. Город Чарджоу на восточном конце моста является садовым участком на территории большого берегового оазиса. Город известен своим великолепием и разнообразием дынь. Самые лучшие сорта привозят на рынок, и каждая дыня помещена в плотно облегающую плетенку».

Из Чарджоу путешественники направились в Бухару, где они сделали остановку, чтобы осмотреть один из самых красивых азиатских городов.

Вот каким они увидели город сто лет назад: «Мы много слышали о минарете Калян — башне, с величественной высоты которой сбрасывали преступников, приговоренных к смерти. Облицованный разноцветной плиткой и возвышающийся высоко над городом, он является символом былого величия. Мы видели неподалеку зиндан — пещероподобную дыру, в которой стояли пленники, протягивая руки, а мы подавали им табак и деньги на чай.

Огромный базар по своему характеру является самым восточным из всех существующих. Его узкие улочки укрыты от солнца крышами из решетчатых конструкций. Каждый вид товаров продается в специальном квартале.

Бухара знаменита своим свойственным только ей искусством. Ее шелка, исключительно красивые по

цвету и текстуре, ковры с изумительными узорами, вышитые золотом изделия и драгоценности характерны исключительно для Бухары. Мы купили на базаре много вещей и все-таки сожалели позже, что не приобрели больше».

На второй день пребывания в городе путешественники познакомились с афганским послом при дворе бухарского эмира. С новым знакомым они провели немало приятных часов, сидя в чайхане, куря сигары и торгуясь с продавцами рубинов и лазуритов. «Время, проведенное за обедом в маленьком ресторане, — писал позже Р. Пампелли, — показалось нам утерянной возможностью, и мы поспешили в лавку, в которой какой-то злой дух удержал нас от покупки древних античных предметов и старинных персидских керамических изделий, форма, композиция и цвет орнамента которых до сих пор не дают покоя моей памяти. В той же лавке доктор Шмидт купил серебряную чашу римского периода, подобные которой известны в мире только две».

Ученый и его спутники побывали на домашнем приеме у одного из бухарских сановников, а вечером путешественники пришли на берег Лаби-Хауза, гордости Бухары, большого пруда, снабжавшего город питьевой водой. Величественные старые деревья, окружавшие его, нависали над ступенями, спускавшимися с берегов прямо в воду.

«Широкая прогулочная дорожка, — вспоминал Рафаэль Пампелли, — с одной стороны отделяет водоем от мечетей, с другой стороны от ресторанов и парикмахерских. На плоской крыше чайного заведения

мы, европейцы, сидели на подушках и к развлечению местных жителей маленькими глотками пили зеленый чай.

Водоем Лаби-Хауз был, несомненно, общим местом сбора горожан, богатых и бедных. Мы с интересом смотрели на картину празднующейся публики. Некоторые местные жители были в великолепных шелках, другие в лохмотьях, многие сидели на ступенях, в то время как водоноши наполняли свои сосуды».

Далее путь экспедиции лежал в Самарканд. «Самарканд, древняя Мараканда, — делился своими знаниями ученый, — с глубокой древности был великим городом — великим по протяженности, населению и достатку. В настоящее время это город с широкими аллеями, затененными величавыми тополями. Их огромные стволы гладкие и зеленые с самого основания. Эти деревья, как и сады, обязаны своим буйным ростом постоянному орошению из реки Зеравшан.

Старый город состоит из пыльных улочек и глинобитных домов. От прежнего величия остались лишь изумительные мечети и гробницы времен Тамерлана. Но они стоят того, чтобы проделать долгое путешествие с Запада, тем более, что и они обречены своим нахождением в зоне землетрясений.

Три медресе окружают рыночную площадь, или Регистан. На их великолепных фасадах — порталы высотой восемьдесят и более футов. Создавая эти великолепные фасады из покрытых эмалями плиток, художники щедро использовали все источники своего искусства, чтобы создать необыкновенную красоту красок и композиций. Там также есть разрушенная

мечеть любимой жены Тамерлана Биби-ханым. Фрагменты плиток мечети демонстрируют по красоте высшее достижение в этом искусстве. Помимо этого там есть ряд гробниц святых все еще в безупречном состоянии. В их украшениях нет повторений. Как правило, основа и рисунок наносились на плитку, которая затем проходила обжиг».

В окрестностях Самарканда путешественники осмотрели древнее городище, раскопки которого, как и их находки, были еще впереди. «К старому городу, — писал Р. Пампелли, — прилегает большая возвышенность, состоящая из культурных слоев. Предполагается, что это место города Александра Великого, и на самых его высоких местах, согласно легенде, стоял дворец. Вся поверхность этой возвышенности представляет пересеченную местность. Единственным подтверждением, что на ней когда-то был город, является углубление, которое показывает место водоема. Сейчас оно служит амфитеатром, на арене которого местные жители разыгрывают свою любимую конную игру — байгу».

В Самарканде участники экспедиции разделились. Рафаэль Велес и Хомер Киддер готовились к походу на ледник у истоков Зеравшана и через Памирские горы в Кашгар. Другая часть отряда начала романтическое путешествие в Хиву. Рафаэль Пампелли с женой отбыл в Европу с твердой надеждой в следующем году вернуться в Центральную Азию.

Когда все приготовления к новой экспедиции, которая в 1905 году должна была продолжить так хорошо начатую работу, закончились, до Америки дошла

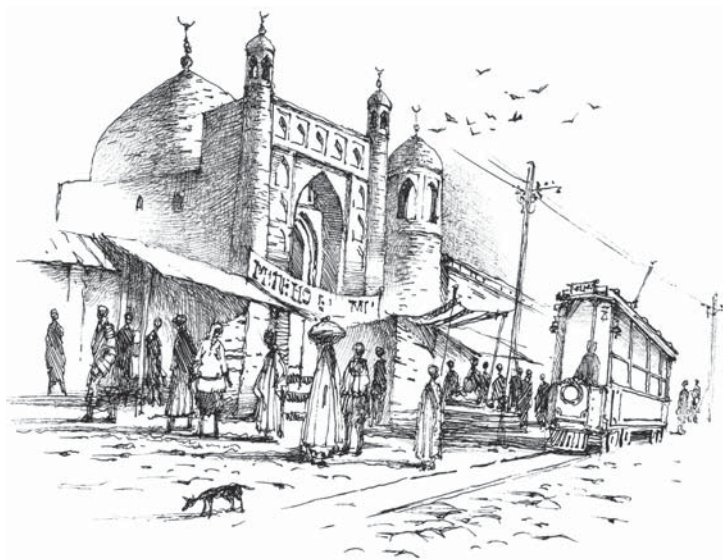
весть, что в России начались революционные события, а в Туркестане разразилась эпидемия холеры. Поездку пришлось отложить на неопределенное время. Профессор Р. Пампелли продолжал в Европе и Америке изучать доисторические культуры и их связи с Востоком.

Незадолго до своей кончины, последовавшей в 1923 году, Рафаэль Пампелли писал, что мечта сорока лет его жизни «завершилась выходом книг о цивилизациях Анау, их влиянии на окружающую среду и связи с азиатскими и европейскими истоками».

Сын ученого, Р. В. Пампелли, горный инженер, после возвращения в Америку сделался фермером. Но тоже не забыл Азию. И даже назвал свое процветающее ранчо «Самаркандом» — в честь древнего узбекского города на реке Зеравшан.

**ЭЛЛА МАЙЯР.
ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ**

Положительно, Элле Майяр надо было родиться юношей. Ну какая девушка из благополучной семьи бросит свою благополучную ухоженную Швейцарию и отправится на край света — в Маньчжурию, охваченную войной, или Афганистан, в котором война всегда тлела, — ради призрачной цели познать мир и самое себя?

Но наша героиня была путешественницей по призванию. Осмысление своих приключений, своего жизненного пути пришло позднее, с годами. А для начала достаточно было охоты к перемене мест. В юности многие из нас мечтают о дальних странствиях,

о неведомых берегах, но лишь очень немногие потом становятся настоящими путешественниками, среди женщин — единицы. В их числе была и Элла Майяр.

Жизнь ее целиком укладывается в двадцатый век. Родилась она в 1903 году в Женеве в семье торговца мехами, а умерла в 1997 году, прожив, таким образом, 94 года! А если учесть при этом, что последнее свое путешествие она совершила на Тибет в 82 года, то можно только подивиться завидному здоровью и долголетию знаменитой путешественницы.

В раннем детстве отец познакомил девочку с книгами о путешествиях и приключениях, географическими картами, которые манили удивительными названиями далеких стран. Мать пристрастила слабую здоровьем дочь к горнолыжному спорту.

«Вирус бродяжничества» рано овладел молодой девушкой. Первым ее увлечением был парусный спорт, создающий иллюзию дальнего плавания. Вместе с подругой она совершает на одномачтовой яхте путешествие по Средиземному морю до островов Корсика, Сардиния, Сицилия, а затем до Ионических островов. Это был период жизни, который сама путешественница назвала «бродяжничеством под парусами». Она нанимается матросом на яхты богатых англичан, участвует в 1924 году в Олимпийских играх в одиночных парусных гонках, входит в состав сборной Швейцарии по горнолыжному спорту.

Но мечту о южных морях, о дальних странствиях приходилось отложить, чтобы заняться более прозаическим делом — зарабатывать на жизнь. Она пробует разные профессии: стенографистки, натурщицы

в ателье скульптора, коммерческого агента, актрисы в драматической студии, преподавателя французского языка. Снимается в кино — дублершей Марлен Дитрих в киноленте «Голубой ангел», актрисой в фильме о горнолыжниках. Организует женскую команду хоккея на траве, четыре года подряд представляет Швейцарию на чемпионатах мира по горнолыжному спорту.

Но, в сущности, все эти годы были для Эллы Майяр временем поисков самого себя, своего места в жизни. Западная цивилизация ее не привлекала. В ту пору она писала: «За исключением времени, когда я плавала на море или занималась лыжным спортом, я чувствовала себя потерянной, я жила только наполовину. Все, что я видела, все, что я читала, мне не нравилось».

Однако жить «наполовину» она не хотела, она хотела жить полной жизнью. И судьба оценила ее порывы. В Берлине Элла Майяр познакомилась с русскими эмигрантами и загорелась желанием увидеть загадочную Страну Советов. Вдова Джека Лондона в 1930 году финансирует ее поездку в Россию. В Москве она знакомится с дочерью Льва Толстого и живет в ее квартире. Встречается с известным советским режиссером Всеволодом Пудовкиным, чей фильм «Потомок Чингисхана» укрепляет ее интерес к Азии. И, наконец, московские знакомые помогают ей с группой студентов совершить экспедицию на Кавказ, в Сванетию.

После возвращения в Париж молодая путешественница получает предложение от издателя Шарля

Фаскеля написать о своем посещении Советского Союза. Ее первая книга «Среди русской молодежи», проникнутая симпатией к советским людям, стала событием во Франции и приобрела скандальную известность на родине Эллы Майяр, в Швейцарии. Вокруг книги развернулись бурные дебаты в прессе. «Безрассудный материализм» Европы стал невыносим для путешественницы, и все ее помыслы устремились на Восток. «Не существует двух мудростей — одна западная, другая восточная, — пишет она. — Существует только одна, но никогда не надо забывать, что мы, европейцы, ничто без Азии».

К тридцати годам Элла Майяр была вполне сложившимся человеком. Она не считала себя ни ученым, ни журналистом, ни тем более туристом. Она была сама по себе. Но со временем ее путешествия приобретают исследовательский, этнографический характер. У нее открылся литературный дар, и читателям нравились ее сочинения, иллюстрированные сделанными ею фотографиями. Как Элла Майяр сама говорила, она была журналистом по необходимости и фотографом по призванию. Деньги, которые она вырчала за свои книги, позволяли совершать новые экспедиции. «Как только у меня не хватает денег на кусок хлеба, я начинаю писать о своих путешествиях», — отзывалась Элла Майяр. Она решила, что гонорар от издания книги «Среди русской молодежи» позволит ей совершить путешествие на Восток от Москвы, на новый для нее континент.

Весной 1932 года Элла Майяр получила советскую визу и выехала в Алма-Ату. Этот полуазиатский,

полуевропейский город, утопающий в яблоневых садах и расположенный среди голубых горных вершин Тянь-Шаня, стал для нее воротами в Центральную Азию. В окрестностях Алма-Аты, с высоты пяти тысяч метров, недалеко от границы с запретным Китаем она видит песчаные просторы пустыни Такла-Макан и дает себе слово когда-нибудь ступить на эту бесплодную землю.

Впереди ее ждал долгий путь. Путешествие было опасным, так как советские власти крайне неохотно допускали иностранцев в среднеазиатские республики, граничащие с Афганистаном и Ираном.

С рюкзаком за плечами и дорожной сумкой, в которых были два фотоаппарата «Лейка» с запасом фотопленок, сменная одежда, спальный мешок, медикаменты и провизия, с трудом раздобытая в полуголодной Алма-Ате, почти без денег, Элла Майяр достает билет на товарно-пассажирский поезд, чтобы доехать до Ташкента. В вагоне, предназначенном для перевозки скота, ее соседками оказываются женщины-казашки. Они делятся с путешественницей своими скудными припасами, и одна из них привлекает ее внимание.

«Это самое очаровательное создание из всех, кого я видела, — рассказывает Элла Майяр. — На голове ее был огромный тюрбан из белого кашемира, обвитый лентами с золотой вышивкой. Шерстяная бахрома на концах ткани падала каскадом на ее спину. Платок, завязанный под подбородком, отделан красной полосой и, дополняя этот пышный головной убор, как вуаль закрывает почти все тело, делая ее похожей на

монахиню. На запястье — несколько серебряных браслетов. В вышитом покрывале она держит ребенка, тубетейка которого украшена монетами.

Тонкий овал лица таит благородную лукавость. Глаза с приподнятыми уголками светятся умом, тонкий нос, густые брови, пухлый, снисходительно улыбающийся рот, который, кажется, говорит: «Я могу сидеть на ступеньках вагона, но это не умаляет моего достоинства».

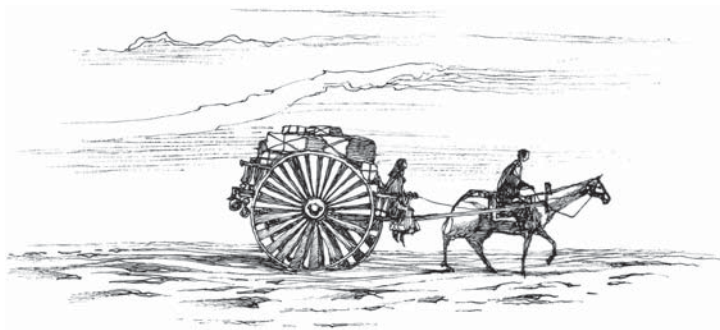
Состав прибыл в Ташкент ночью, а утром Элла Майяр увидела большой город, четко разделенный каналом Анхор на две части — Старый город и Новый. В «новой», европейской части одноэтажные домики, утопающие в зелени палисадников, выстроились вдоль прямых улиц, замощенных булыжником и отделенных арыками с журчащей водой от тротуаров, выложенных кирпичом. Лишь кое-где возвышались двух- и трехэтажные здания дореволюционной постройки.

Все дни проводила Элла в лабиринтах улочек «старого» города. Все изумляло ее: паломники у мавзолея мусульманского святого Юнусхана, что на Шайхантауре, купола Джума-мечети около базара, величественный портал медресе Кукельдаш, у подножия которого шумела пестрая толпа. Среди торговцев и покупателей ходили женщины, облаченные в паранджу, накинутую на голову, с сеткой из конского волоса — чачваном, закрывающим лицо. Элла Майяр с удивлением наблюдала, как в трамваях они садились возле своих сестер, которые спешили в школу или институт в коротких юбках, черных чулках и кофточках цвета хаки.

В тридцатые годы двадцатого столетия советская Россия переживала грандиозный социалистический эксперимент, и наша путешественница была его заинтересованным свидетелем. На историческом календаре был «Худжум» — «Наступление». Так называлось общественное движение против векового затворничества женщин, за их освобождение и раскрепощение. Элла Майяр видела уже немало открытых лиц. Но все же еще больше было тех, кто считал, что мусульманин за всю свою жизнь может видеть лица только четырех женщин — матери, жены, сестры и дочери. Эмансипированная европейка сочувствовала женщинам Востока, но благоразумно понимала, что далеко не все из них готовы и могут сбросить паранджу. Кстати, это, кажется, был почти единственный случай, когда наша путешественница почувствовала преимущество своего пола. Местные женщины свободно открывали перед ней лица, охотно беседовали с ней, доверяли свои дела и заботы. Майяр не нуждалась в услугах переводчика, поскольку во время своей предыдущей поездки в Страну Советов хорошо освоила русский язык.

Описывая свои прогулки по старогородским улицам Ташкента, она приводит живую сценку: «Четверо женщин сидят в середине двора, как темные, бесформенные холмы, под своими паранджами. Я подхожу к ним. Мы улыбаемся друг другу. Женщины не носят чадру, и двое из них выглядят восхитительно красивыми в складках паранджи, прихваченных губами. Внезапно став серьезными, они закрыли свои лица, встали и друг за другом пошли к своему хозяину, позвавшему их из ворот».

Необычным средством передвижения для Майяр казалась арба — национальная телега. «У нее только два колеса, каждое более шести футов высотой, замечательно приспособленные для путешествия по песку и немощеным дорогам. У нее нет железных покрышек, а вместо этого в обод вбиты огромные гвозди с железными шляпками, они блестят на солнце и создают незабываемое зрелище», — описывает она

свои впечатления, еще не подозревая, что в ее долгом путешествии по дорогам Узбекистана тридцатых годов ей не раз придется пользоваться этим транспортом.

Она нашла себе временное жилье в одном из узбекских домов в старинном ташкентском районе — на Урде. Описывая простой, но выразительный интерьер этого гостеприимного дома, Майяр отмечает, что в полу комнаты находится углубленный прямоугольник — сандал. «Во время холодной погоды на его дно насыпают тлеющие угли, над отверстием ставится низкий стол и все накрывается одеялом, чтобы сохранить

тепло. Постелены ковры, стоят узорчатые сундуки, большое количество чайников, а в нише стены висит фотография группы студентов — сын учится в техникуме».

За свою долгую жизнь Элла Майяр использовала, кажется, все виды транспорта, летала она и на самолете, что в ту пору было редкостью. Да и не всякий еще согласился бы. Из Ташкента в Самарканд она вылетела на маленьком трехместном «Юнкерсе» и обозревала караванные тропы Великого шелкового пути с птичьего полета. «Извилистые оросительные каналы разветвляются в зелени садов. Хлопковые поля — желтоватые, разделенные темным пунктиром. Вот и Сырдарья! Я с ней близко знакома, я ее видела совсем крошечной там, у ее ледниковых истоков, на Тянь-Шане, я это хорошо помню. Она называлась Нарын, когда еще только струилась от камушка к камушку... Теперь под нами Голодная степь, огромная, с желтыми залысинами, с белыми пятнами соли... Пролетаем над Джизаком, построенным недалеко от ворот Тамерлана. Самолет поднимается, чтобы преодолеть гору, которая преграждает нам дорогу... Скользим в долину Зеравшана. Вот четко ограниченный оазис Самарканда, зелень, местами осыпанная пчелиными сотами — дворами домов. И развалины. Они остались позади, мы снова пролетаем над пустыней, она поднимается к нам, чтобы мы могли остановиться на ее ровной поверхности».

Элла Майяр вступила на землю древнего Самарканда. «Я собираюсь посетить город, о котором знаю, что ничто не спасет от волшебства его имени. Все, что

было передо мной, было настоящим открытием», — написала она.

В Самарканде все дороги вели на Регистан — главную площадь средневекового города, где происходили все торжества, смотры, воскресные базары. «Площадь Регистан невероятно впечатляющая, закрытая с трех сторон величественными фасадами медресе, — отмечала путешественница. — Медресе Улугбека великолепно своей совершенной простотой. В каждом углу возвышается одинокий минарет, кирпичи выложены таким образом, чтобы получились узоры в темно-синих ромбах. Это медресе было одним из самых важных и самых древних в Центральной Азии. Оно было построено в 1420 году Улугбеком, внуком и преемником Тамерлана, великим астрономом и математиком. Напротив — медресе Шер-Дор, копия медресе Улугбека, хотя и построенное двумя веками позже. Вопреки обычаю, на фасаде изображены животные, похожие на львов. На всех сторонах здания размещены надписи на арабском языке. Одна из них гласит: «Зодчий построил арку портала с такой безупречностью, что сами небеса кусают свои пальцы от изумления, думая, что видят, как восходит новая луна».

Путешественница обнаруживает, что не может попасть в Шер-Дор. Оказывается, в городе уже несколько месяцев идет суд над басмачами, и они содержатся под стражей в этом медресе.

Сама она живет на Регистане в медресе Тилля-Кори, что на персидском языке означает «золотая работа», в котором располагалось туристическое бюро. «На каждой из четырех стен, образующих внутренний

двор, — сообщает Элла Майяр, — находятся десять больших ниш с заостренными арками. Центральная ниша на каждой стене огромная, обрамленная сверкающей многоцветной мозаикой. Это айван, или классический портал. Айван с запада увенчан огромным куполом, перекрывающим помещение устроенной здесь мечети».

А путешественница помещается в худжре, бывшей комнате для студентов. «С одинокой террасы, где я провожу много часов, мой взгляд парит над морем плоских крыш, окружающих крошечные внутренние дворики домов. Поднимаясь еще выше, я добираюсь до узкого коридора, идущего вокруг барабана, на котором поддерживался купол. Я вижу верхушки огромных минаретов, которые выглядят как бездымные заводские трубы».

А за Регистаном находится крытый рынок — торговый купол Чорсу, всегда полный народу. Здесь, по представлению европейской женщины, продавались любые воображимые вещи: тубетейки, мыло, табак, тесьма, ткани, шелковые платки, чулки, ленты, масляные оладьи на сковородах, куски баранины на огромных подносах, сладкий нават, сверкающий своими ледяными кристаллами...

Ташкентская улица ведет от Регистана к городскому базару и руинам мечети Биби-ханым. Два огромных холма, большие груды кирпичей, куски изразцов, разбросанные повсюду, громадный двор, когда-то мощный, а теперь засаженный деревьями — такой ее видели местные жители, издавна разбиравшие священные камни мечети для своих домашнихстроек.

«Биби-Ханым, развалины прошлого великолепия! — воскликнула Элла Майяр. — И вот, наконец, я увидела, обращенную ко мне огромную восьмидесятифутовую арку, кусок сверкающего бирюзового свода, перед которым блекнет небо. По обе стороны здания находятся огромные восьмиугольные минареты, на которых бирюзовые и синие кирпичи выложены в форме восходящих рисунков, а фаянсовые плитки облицовывают стены, окружающие портал».

Мечеть Биби-ханым была построена по повелению Амира Темура в 1399–1404 годах и названа по имени его старшей жены. Величественное здание было рассчитано на то, чтобы свидетельствовать о могуществе и неколебимости государства Темура. Однако мечеть постигла печальная участь. Вскоре после смерти повелителя здание начало разрушаться, так что спустя столетия оно представляло лишь величественные руины, какими их и застала наша путешественница. Но в конце XX века мечеть была реставрирована, и теперь, как в былые времена, ее купол возносится над городом.

Эпоха Темура необычайно заинтересовала Эллу Майяр. Она с увлечением слушает предания о его походах и читает исторические исследования. В своей книге она рассказывает о том, как в четырнадцатом веке Темура объединил Туркестан, заменил персидский язык на тюркский и в начале 1370 года сделал Самарканд своей столицей, повсеместно отстроив город, оставшийся в развалинах после нашествия Чингисхана.

Гури-Амир, или мавзолей Темура, который был сооружен в 1404 году, был сначала предназначен для

любимого внука государя Мирзы Мухаммада Султана. Но вскоре после смерти в Отраре здесь был погребен сам Амир Темур.

«Расположенный в конце извилистого переулочка, в тени прозрачных акаций, — пишет Элла Майяр, — он выглядит чрезвычайно впечатляюще, с куполом, сверкающим над равниной, над глиняными «дувалами» и жилыми строениями без окон. Подходя ближе, можно увидеть сияние солнца на стенах двадцатифутовой колонны, огромные куфические буквы, искусно инкрустированные белыми кирпичами, окаймленными темно-синими. Приближаясь, вы увидите величественную восьмиугольную конструкцию, которая поддерживает все здание. Во дворе у входа стоит изолированная арка, окруженная деревьями. Она покрыта украшениями, выполненными с величайшей изысканностью в синих и темно-зеленых тонах.

Входим в усыпальницу через сводчатый коридор. Камера темная, и солнечный свет просачивается сквозь маленькое окно. Вокруг саркофага Темура, простого прямоугольного блока темно-зеленого нефрита, покоятся его придворные и близкие, среди них его внук Улугбек. Около надгробной плиты духовника Темура Шейха Саида Береке возвышается бунчук, указывающий могилу святого. Отделка из мрамора и резного гипса инкрустирована яшмой, а на стенах можно увидеть следы позолоты и орнамента».

Много разорения принес Тамерлан странам, простиравшимся от Индии до Египта, заключает путешественница, но в Самарканде он возвел такие

памятники зодчества, что они до сих пор изумляют зрителей...

Большое впечатление, как признавалась Элла Майяр, на нее произвел комплекс Шахи-Зинда, целая «улица мавзолеев», состоящая из дюжины гробниц. Они были построены в XI—XV веках около почитаемой усыпальницы «живого царя», как называли Кусама ибн Аббаса, двоюродного брата пророка Мухаммеда, погибшего в бою с неверными и похороненного в Самарканде. Его могила издавна стала святым местом.

Каждый мавзолей самобытен и не похож на соседний. В то же время все они отличаются богатством и разнообразием декоративного убранства. «Ультрамарин сочетается с бирюзой, цвет морской волны с изумрудным, зеленовато-синий с коричневато-желтым, ляпис-лазурь с жженой охрой, кажется, все цвета отображаются друг в друге и, усиленные теплым светом глиняных кирпичей, несутся в голубое небо как песнь триумфа», — вспоминала Элла Майяр. Мулла, стоявший под сводом небольшой мечети у мавзолея Кусама ибн Аббаса, открыл ей деревянную дверь, украшенную изящной резьбой. В преддверье святой гробницы стояли шесты со свисающими конскими хвостами, вокруг которых были обвиты полосы ткани — свидетельства жертвоприношений верующих.

Обширное заброшенное пространство, известное как Афросиаб, простирающееся позади комплекса Шахи-Зинда, представляло собой пыльные холмы могил, простые кирпичные склепы и узкие обвалившиеся туннели. Раскопки этого городища, как

узнала Элла Майяр, позволили открыть целый город с многовековой историей. «В цитадели жила королевская династия, вокруг них жили торговцы, на внешнем кольце находились воины, город окружали сады, — передает она рассказ местного историка. — Узбеки не утратили любовь к чтению о подвигах Александра Македонского, известного здесь как Искандер Зулькарнайн. Великий завоеватель дошел до этих мест в 329 году до нашей эры. Здесь он женился на Роксане, дочери местного князя. Он поженил своих воинов и женщин этой страны. Он намеревался объединить Европу и Азию узами законного брака и одним общим поколением. Александр столкнулся с согдийцами и бактрийцами. Изначально их религией был зороастризм, который был основан на конфликте между светом и тьмой».

Действительно, археологи обнаружили на Афросиабе множество терракотовых головок Афины, бронзовые изделия и наконечники стрел, греческие геммы, монеты, статуэтки зороастрийской богини плодородия Анахиты. Все эти древности, найденные учеными, можно теперь увидеть в музее Афросиаба, который расположен среди холмов, скрывающих городище.

Собираясь выехать в Бухару, Майяр пишет: «Мне грустно было покидать Самарканд, потому что я любила его оживленность, толкающуюся толпу, где я чувствовала себя как дома. Я не забуду огромный крытый базар у подножия Биби-Ханым, многочисленные чайханы с айванами, живописно установленные в тени карагачей.

Бухара — пристанище аистов, цитадель мусульманской науки, город-медресе, в который съезжались студенты со всего мира, кем ты являешься сейчас?»

Поезд доставил Эллу Майяр в Каган, железнодорожную станцию Бухары, по транскаспийской магистрали, связывавшей Ташкент с Красноводском.

Долгие годы «Благородная Бухара» была закрыта для посещения неверных, лишь в середине XIX века первые искатели приключений проникли сюда из Европы. Теперь Красная Бухара встретила путешественницу очередями за хлебом, сутолокой базаров, пылью узких улочек. Элла Майяр находит жилище в одной из келий-худжр заброшенного медресе, в котором расположилось туристическое бюро, и наблюдает странную ей жизнь восточного города. «Пошт, пошт!» — кричат верховые и арбакешы, пробиваясь сквозь толпу. Проезжает грузовик, оставляя после себя непривычный запах бензина. Знатокки пристрастно рассматривают текинские ковры и китайский фарфор. В больших кипах из серой шерсти провозят стекла для керосиновых ламп.

Однако более всего, несмотря на лишения и трудности, которые испытывает путешественница в Бухаре, ее интересует история этого края и памятники старины, которыми так богат город. За свою более чем двухтысячелетнюю историю город не единожды восстанавливался, перестраивался. И тем более впечатляют древние постройки, уцелевшие после всех войн и потрясений.

«Все, что еще живо, глубоко задевает как нигде на земле, — отмечает Элла Майяр. — Незабываема

удивительная цветочная свежесть фасада медресе Абдуллазиз-хана, возведенного в XVII веке. Чистота линий, элегантность пропорций, богатство красок создают красоту здания, с его открытым улыбающимся внутренним двором, с его комнатами с фресками из пурпура и золота и сталактитовыми потолками.

А напротив него — суровая архитектура медресе Улугбека с его узким внутренним двором, с его высокими стенами, охраняющими тишину. Какая тайна лежит в его классических пропорциях!

Но вот, где видна грандиозность, так это в минарете Калян. Возведенный в XII веке, он за столетия не дал ни одного миллиметра осадки. С высоты почти пятидесяти метров виден огромный внутренний двор мечети, ее бирюзовый купол и центральный фронтон. Во время праздников огромный красный ковер стелился на площади. Какой магический эффект он, должно быть, производил на верующих».

На площади у минарета Калян, шумит пестрая толпа, кажущаяся Элле Майяр крошечной у подножия огромной арки медресе Мир-Араб, самого известного в Бухаре. Некогда здесь сотни студентов изучали Коран, риторику, поэзию и логику, чтобы через пятнадцать лет стать имамами в мечетях.

Она заворожено рассматривает геометрический узор, сложенный из фигурных кирпичиков строениями древнейшего памятника исламской культуры — мавзолея Исмаила Самани, относящегося к IX–X векам. Ей кажется странной конусная форма купола мазара Чашма-Аюб, сооруженного над источником, как говорит предание, забившим из-под земли

от удара посоха библейского пророка Иова. Вдыхает запах вечности в мечети Чор-Минор, где каждый из четырех минаретов с бирюзовыми куполками увенчан гнездами аистов. Часы отдыха проводит на берегу Лаби-хауза, любуясь мозаиками медресе Диван-Беги.

Бухара представлялась ей городом контрастов, в котором старое и новое соседствуют и пересекаются: под монументальными воротами дворца эмира в Арке расположился педагогический техникум, в мечети Боло-Хауз поселился рабочий клуб.

Дороговизна продуктов в охваченной голодом Бухаре почти полностью опустошила кошелек Эллы. Она поняла, что в этом городе нужно делать то, что делают все — продавать или покупать, и решила продать на базаре ножницы, которые когда-то ей служили в долгом круизе под парусом, нож и часы. Вырученные деньги помогли ей продолжить путь и добраться до Ургенча.

Двадцать две мили, отделяющие Ургенч от Хивы, Элла проделала на почтовой арбе, сидя на вершухе груды больших кожаных мешков с письмами и бандеролями. Вдоль дороги тянулись хлопковые поля. Воду для орошения полей подавали из арыков чигири — огромные колеса, с прикрепленными по ободу глиняными горшками-черпаками.

Хива — город соловьев, как его называла Элла, поразил ее ханскими дворцами, в одном из которых под названием Таш-Хаули она увидела помещения гарема. «Все стены покрыты глазурованными украшениями, создающими впечатление изящества и роскоши, которое не так просто забыть, — пишет она. — Взгляд

привлекает сдержанное богатство декора, которое похоже на дворец из «Тысячи и одной ночи».

В этом древнем сказочном городе живут люди, работают ремесленники. «Наугад я брожу по узким улочкам и извилистым переулкам города. Вот огромный незаконченный минарет Калта-Минор, усеченный конус, переливающийся уложенными по диагонали фаянсовыми плитками. Он замышлялся как самый высокий во всей Центральной Азии, но начавший его Мухаммад Амин-Хан погиб в бою, и работы были прекращены.

Этот край города выглядит как шахматная доска: белые площади крыш переплетаются с черными площадками дворов.

На севере в основном возвышаются вершины мечетей и медресе. Среди них выделяется минарет Ислам-Ходжа. Его стройная башня, украшенная декоративными поясами из сине-белой керамики, вознеслась на 45 метров и господствует над городом. С вершины минарета, на который я взобралась, я вижу на западе, за оазисом, пустыню Кызылкум».

Пустыня манит ее, возможно там, в песках, простирающихся до самого Аральского моря, она найдет тот идеал душевной чистоты, ради которого совершила это путешествие, полное приключений, пройдя маршрут, измеренный тысячи лет назад переходами караванов Великого шелкового пути от одного поселения до другого.

Несмотря на глубокую осень и предупреждение шкипера речного катера, что на Арале навигация прекращается после 24 ноября, Элла Майяр спускается

вниз по течению Амударьи на маленьком каюке, переполненном людьми и товарами. У самого устья реки, на берегу моря она нашла приют в стойбище каракалпаков, отправляющих караван верблюдов с грузами вдоль берега в казахстанские степи.

Не каждому мужчине под силу путешествие в зимнюю стужу по промерзшей пустыне на верблюдах. Но отважную женщину не страшат испытания, которые ей предстоят. «Последний сон, последний ужин перед переходом через пустыню, который таит неизвестность, — описывает она начало пути. — Холодный ветер пощипывает щеки. В тишине мы уходим.

Шаги больших животных медленны. Каждый раз, уменьшая качку, покачиваюсь в такт и, наклонив спину, стараюсь не двигаться, чтобы сохранить тепло. Каждый час надо идти пешком, чтобы согреться. Задержавшись, я стараюсь нагнать караван, но ночь уже заглушила их силуэты и звон колокольчиков. Я зову. Без ответа. Звуки поглощаются пространством. Судя по звездам, я придерживаюсь правильного направления. Меня охватывает страх. Никогда больше не отведу взгляда от верблюда!».

Караван пересек вереницу высохших озер, над которыми пролетали лебеди, а в красноватых плитах солончакового грунта видно было множество розовых раковин. «Может поэтому пустыня названа Кызылкум — «красные пески»? — думала Элла.

Мужественно перенося лишения, ночуя в юртах или под открытым небом, скудно питаюсь, Майяр повторяет: «Насколько беднее был бы наш мир без импульса, данного теми, кто, как царь Давид, были кочевниками».

Караван закончил свой путь в Казалинске. Элла Майяр отсутствовала в Европе семь месяцев.

По возвращении в Париж ее ожидал восторженный прием. Дневниковые записи и целая коллекция фотоснимков послужили основой для книги «С Небесных гор до Красных песков. Туркестанское соло» о прекрасной и загадочной восточной стране. Музей «Трокадеро» предложил Элле Майяр сделать экспозицию из 200 туркестанских фотографий.

Парижская газета «Le Petit Perisien» в январе 1935 года командировывает молодую женщину в Маньчжурию, оккупированную Японией. Там она встретила Питера Флеминга, корреспондента газеты «Таймс», старшего брата Яна Флеминга, будущего автора бестселлера о секретном агенте Джеймсе Бонде. Питер немного знал китайский и умел дипломатично договариваться с провинциальными функционерами. Элла была хорошо приспособлена к походной жизни. Оба они, Элла и Питер, обожали риск и жизнь полную приключений.

Сначала на поезде, потом на автомобиле, на лошадях, на муле, наконец, пешком, они совершают рейд из Пекина через пустыню, северный Тибет и достигают запретных оазисов Синьцзяна — колыбели древней культуры. Затем из китайского Туркестана, охваченного восстанием исламского населения, тайно пройдя по обрывистым тропам Каракорума и Памира, они добрались до Кашмира. Итогом этого путешествия были две книги: «Запретный оазис» Эллы Майяр и «Татарский курьер» Питера Флеминга. Вспоминая эту поездку, путешественница писала: «Я хотела, чтобы это путешествие продолжалось всю мою

жизнь. Ничто не влечет меня на Запад, где, я это хорошо знаю, я буду чувствовать себя одинокой среди своих современников, интересы которых для меня чужды».

В июле 1939 года, накануне начала второй мировой войны, Элла Майяр со своей подругой Анн-Мари Шварценбах на автомобиле «Форд» покинула Швейцарию. В поисках «секрета гармоничной жизни» они направились через Турцию и Иран в Афганистан.

Когда Европа была охвачена пожаром войны, Элла, на этот раз одна, вновь отправляется в экспедицию — на юг Индии. Там под руководством двух гуру она постигает основы индуизма. Постигнув внутреннюю гармонию, «не являясь индианкой, но будучи европейкой», она решила вернуться в Швейцарию.

Элла Майяр мечтала вернуться в Центральную Азию и продолжить путь предыдущего путешествия, однако обстоятельства не позволили ей это сделать.

На закате своих дней отважная женщина писала: «Порой путешествие растягивается и иногда кажется, что оно закончится вместе с твоей жизнью».

